

ISSN 3033-6929

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»
Институт гуманитарных исследований УрО РАН
(филиал Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН)

**ТРУДЫ КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

Выпуск XXVII

Электронный сборник научных трудов, посвященный
75-летнему юбилею профессора В.А. Иванова

Под общей редакцией Н.Б. Крыласовой

Пермь
ПГГПУ
2025

УДК 902/904
ББК Т4(2РОС36-4ПЕР)
Т782

Т782 **Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск XXVII** : электронный сборник научных трудов, посвященный 75-летнему юбилею профессора В.А. Иванова / под общей редакцией Н.Б. Крыласовой ; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. – Пермь, 2025. – ISSN 3033-6929. – URL: <http://www.vestnik5.pspu.ru>. – Текст (визуальный) : электронный.

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции», основанная в 2001 г. А.М. Белавиным.

Сборник включает статьи, подготовленные коллегами и друзьями В.А. Иванова в преддверии его 75-летнего юбилея. Сфера научных интересов В.А. Иванова охватывает обширный период от раннего железного века до Средневековья. Представленные в сборнике статьи, посвященные различной тематике в рамках этого периода, освещают наиболее выразительные археологические материалы, которые могут быть интересны специалистам в области археологии и истории, преподавателям и студентам проильных факультетов вузов, сотрудникам музеев.

УДК 902/904
ББК Т4(2РОС36-4ПЕР)

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, проф. *Н.Б. Крыласова*;
канд. ист. наук, доц. *А.Н. Сарапулов*;
канд. ист. наук, доц. *Н.С. Смертина*

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© НПЕ «Афкула», оформление и макет, 2025
© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2025

28 апреля 2025 г. исполняется 75 лет Владимиру Александровичу Иванову – известному советскому и российскому археологу и историку, доктору исторических наук, профессору, почетному работнику высшего профессионального образования РФ, отличнику народного образования Республики Башкортостан, почетному профессору ПГГПУ (2010).

Послужной список Владимира Александровича весьма обширен. Трудовой путь он начал в 1972 г. сельским учителем в Иглинском районе Башкирии, куда попал по распределению. В 1975–1976 гг. работал младшим научным сотрудником хозяйственno-договорной лаборатории при кафедре истории СССР в Куйбышевском педагогическом институте, с 1976 г. – в Институте истории, языка и литературы УНЦ РАН, с 1991 г. был ведущим научным сотрудником отдела археологии ИИЯЛ БФ АН СССР (с 1992 г. – УНЦ РАН).

В 1996 г. В.А. Иванов стал заведующим кафедрой всеобщей истории, а в 1998 г. – деканом исторического факультета Стерлитамакского государственного педагогического института, одновременно оставаясь ведущим научным сотрудником ИИЯЛ УНЦ РАН. В 2002 г. перешел на работу в Башкирский государственный педагогический университет, где до 2009 г. был заведующим кафедрой отечественной истории, в 2012–2015 гг. – заведующим кафедрой всеобщей истории и культурного наследия, с 2015 г. – профессором кафедры отечественной истории БГПУ им. М. Акмуллы. В 2024 г. перешел на работу в отдел средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. А с начала 2000-х гг. долгое время В.А. Иванов был профессором ПГГПУ, по несколько раз в год приезжая в Пермь для чтения лекций.

Сфера научных интересов В.А. Иванова тоже широка. Кандидатскую диссертацию (1978) он защитил по теме «Население нижней и средней Белой в ананьинскую эпоху», а докторскую (1990) – по теме «Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII–XIV вв. н. э.». Многие исследования Владимир Александрович проводит с помощью методов математической статистики, картографии, изучения влияния ландшафта и климатических изменений на особенности расселения людей. Многие работы ученый посвятил этнокультурной и этнополитической истории кочевников эпохи Средневековья – огузов, печенегов, кыпчаков/половцев, археологии и истории Золотой Орды, предуральской прародине венгров и локализации *Magna Hungaria* и разным другим вопросам от раннего железного века до позднего Средневековья.

В.А. Иванов – известный популяризатор археологии и истории, настоящий учитель, подготовивший многих специалистов-археологов Урало-Поволжья.

Сейчас в новой должности он получил возможность целиком окунуться в науку. Пожелаем ему сил и долгих лет для реализации всех намеченных планов. С юбилеем!

Редакция

УДК 902, 82-94
DOI: 10.24412/2658-7637-2025-27-4-9

Н.Б. Крыласова
В.А. ИВАНОВ. ДРУЖБА И СОТРУДНИЧЕСТВО СКВОЗЬ ГОДЫ

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

Аннотация. К 75-летнему юбилею профессора В.А. Иванова хочется вспомнить, как зарождалась наша дружба, имеющая важное значение в жизни, как развивалось научное сотрудничество. Его энергия заряжает, его советы и наставления значимы и полезны. Его разговоры увлекают и стимулируют к размышлению.

Ключевые слова: Владимир Александрович Иванов, археолог, профессор, друг, воспоминания

N.B. Krylasova
V.A. IVANOV. FRIENDSHIP AND COLLABORATION
THROUGH THE YEARS

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russian Federation

Abstract. On the occasion of the 75th anniversary of Professor V.A. Ivanov, I would like to recall how our friendship, which has an important meaning in life, was born, how scientific cooperation developed. His energy charges, his advice and instructions are significant and useful. His conversations are fascinating and stimulate reflection.

Keywords: Vladimir Aleksandrovich Ivanov, archaeologist, professor, friend, memories

Что означает настоящий друг? Для меня – это когда ты находишься в каком-то эмоциональном состоянии и непременно нужно его с кем-то разделить, ты в первую очередь думаешь именно об этом человеке, он тебя всегда поймет, поддержит, даст верный совет, искренне разделит твою радость... Вот такой для меня Владимир Александрович Иванов, мой старший друг, который в любую минуту найдет именно *то* нужное слово поддержки.

Познакомилась я с ним в далеком 1987 г. на XIX УПАСКе в г. Волгограде, когда я была еще студенткой 2 курса, в неловкой для меня ситуации. Он был тогда без 5 минут доктор наук, яркий, харизматичный, громогласный, всегда в центре внимания (рис. 1). Я его ужасно боялась...

Когда точно возникла наша дружба, я не очень помню. Конечно, дружба зарождалась между Владимиром Александровичем и Андреем Михайловичем Белавиным, а я просто была рядом... Заметьте, теперь это уже кажется чем-то невероятным, мы созванивались по межгороду, регулярно отправляли друг другу письма по почте (не электронной!). Особенно активизировалась переписка в тот период, когда В.А. Иванов работал в Стерлитамаке.

Я не могу сейчас точно вспомнить, по какому поводу В.А. Иванов приехал в Пермь именно тогда, когда мы задумали крещение нашей дочки Саши в 1996 г., в ее первый день рождения – в 1 год. Скорее всего, он приезжал поработать с коллекциями... И мы попросили его стать крестным папой для Саши, а он согласился. Притом крестной мамой должна была стать Женя Комарова (Бочарова, Святова), которая сама была некрещеной. Поэтому снача-

ла он окрестил будущую куму, а потом уже вместе с ней и Сашу (рис. 2). Он к этому подошел очень ответственно и серьезно, и знаю, что когда позже его просили стать крестным, он отвечал, что стал уже крестным папой у младенца и вынужден отказать... И он до сих пор для Саши – папа Володя, который всегда поддержит, наставит, приголубит. Самый настоящий!

Ну а после этого мы стали кумовьями, для кого-то это мало что значит, но это не про В.А. Иванова. Он для нас стал действительно очень родным и близким человеком и остается таким по сей день.

Ну а потом... Потом я написала кандидатскую диссертацию. Я обсуждала ее в ИИМК РАН, руководителем мне назначили Наталью Вадимовну Хвошинскую. Но... Настали очень сложные времена. Я нередко вспоминаю, как готовила обед из одной «ножки Буша» – первое, второе и... не, компот не варила, чай пили. Просто не было средств ездить в Ленинград, и, представляете, совсем не было таких средств для связи, которые есть сейчас... И я потихоньку, пока Сашка была совсем меленькой, и главное было ее накормить, помыть, поиграть и погулять, я в промежутках работала над диссертацией. И вот, когда все было в общем-то готово, я попросила Андрея Михайловича почитать, но он не захотел. Встретившись с В.А. Ивановым на какой-то конференции (вроде в Ижевске), я его попросила стать моим научным руководителем, почитать диссертацию, высказать замечания, которые я смогла бы учесть, а он сказал: «Нет, давай я лучше буду твоим оппонентом».

Вот так и вышло – у меня была инициативная работа без руководителя (2000 г.). Иванов, когда мы встретились перед защитой, и я побежала обниматься, отстранил меня со словами: «Я ж тебе на 7 страниц замечаний понаписал, ты подумай, стоит ли меня обнимать». Все прошло хорошо, а с моей кандидатской защиты из Уфы мы прямиком уехали на докторскую защиту А.М. Белавина в Санкт-Петербург, где В.А. Иванов тоже был оппонентом. Это было волшебное время – декабрь, весь город украшен к Новому году, романтика... Мы после этого решили приезжать в Питер под Рождество, и несколько лет соблюдали эту традицию. Жили мы тогда в маленькой гостинице на Черной Речке, кормили булками уток на речке, покупали у метро портвейн и шаурму, проводили вечера в беседах об археологии и прочем (рис. 3), и были абсолютно счастливы...

В начале 2000-х В.А. Иванов стал профессором нашего университета. Минимум дважды в год он приезжал на несколько дней вычитывать свои дисциплины. Мы в 2005 г. после многих лет жизни на съемных квартирах наконец-то обзавелись своей, и когда я обустраивала в ней кабинет, то сразу запланировала там диван для гостей, прежде всего – для Иванова. Как же Санька всегда ждала его приезда! Они много общались, крестный папа воспитывал и наставлял. Однажды она готовилась к какой-то школьной конференции, но заболела и осталась дома. Расстроилась очень... Владимир Александрович создал в комнате атмосферу конференции, нарядился в костюм с галстуком, положил блокнотик и ручку, снял и положил перед собой часы – все серьезно, как эксперт на конференции. Она тоже со всей серьезностью прочитала нам свой доклад, и он в своем стиле, который многим хорошо знаком, стал задавать ей вопросы. В общем, конференция удалась!

На этом хочу немного остановиться. Ведь действительно, если В.А. Иванов участвует в конференции, она непременно будет интересной. Он и вопросами засыплет, и в обсуждении каждый доклад разберет. Особенно это ценно для студентов, которые на всю жизнь запоминают его наставления. Юлия Александровна Подосёнова недавно вспоминала Уральское совещание, которое проходило в Перми в 2003 г., и знаменательную фразу Иванова: «Мелко плаваете, товарищи!». Мне тоже не раз прилетало, он всегда настаивает, что «доктор не должен размениваться по мелочам». А в одной из песен нашего пермского барда Констан-

тина Завалина есть строчка: «Прошу вас, так и запишите в протоколе, здесь возмущался некто Иванов». Костя, хотя уже больше 20 лет назад оставил археологию, прекрасно помнит, как профессор Иванов возмущался, что студенты и аспиранты откровенно крадут научные материалы, не ссылаясь на авторов статей и монографий. И нынешние студенты, если знают, что на конференции будет В.А. Иванов, заранее готовятся, продумывают, что ответить на возможные вопросы.

Потом начались наши общие исследования. Помню, В.А. Иванов предложил написать совместную монографию (Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь : ПФ ИИиА УРО РАН, 2006. 162 с.). Как?! Мы никогда не писали даже совместных статей, а здесь – монография! Нужно же добиться единобразия стиля, выверить выводы. Присылали друг другу кусочки, соотносили, старались… Я тогда загремела в больницу, приехал Иванов, меня вытащили домой на пару дней, за которые мы обсудили все замечания и шероховатости… А главное – к моему приезду из больницы Андрей Михайлович с Владимиром Александровичем установили дома стиральную машинку, которая должна была облегчить мне жизнь после выздоровления. Это был такой подарок!

Потом было много совместных работ, и есть у нас с ним задумки на будущее.

Мы дружим семьями, постоянно ездим друг к другу в гости (рис. 4). Как-то вошли в традицию наши поездки в Уфу на майские праздники. Больше всего запомнилось празднование 9 Мая на даче в Тукране, когда мы всю ночь напролет пели военные песни, а потом запускали фейерверк.

Много доводилось путешествовать вместе и для участия в различных научных форумах (рис. 5) и просто так. Было несколько незабываемых совместных поездок в Венгрию (рис. 6). Никогда не забыть и поездку 2011 г. в революционный Каир. Там, когда ездили в Гизу, мы потеряли Иванова из вида, а когда нашли, он стоял в толпе арабов, которые нарядили его, насовали полные руки сувениров и собирались посадить на верблюда. Марина, поняв, что сейчас все это заставят купить, еле отбила его. А потом, когда ездили в Цитадель (рис. 7), въехали на такси в толпу демонстрантов. Иванов снимал все на камеру, увидев это, демонстранты обступили и начали раскачивать машину, ну и натерпелись же мы страху… Зато потом, когда вернулись в Россию, где испытывался дефицит информации о происходящих событиях, к нам приехали журналисты, взяли интервью и показали по телевизору как раз те эксклюзивные кадры, которые запечатлел В.А. Иванов. Кстати, просматривая папку с фотографиями и видео из Каира, я нашла и снятые Ивановым байки, которые рассказывал Иштван Фодор на вечерних посиделках в нашем номере гостиницы. Такие светлые воспоминания!

Кстати о байках. Владимир Александрович не хуже Иштвана Фодора любит и умеет их рассказывать, а разных историй за его жизнь было немало. Мы не раз ему говорили, что надо собраться и записать свои воспоминания. Сейчас это уже не просто забавные и казусные истории, а и фрагменты академической жизни советского времени, которые имеют определенную научную ценность.

Что пожелать дорогому другу – это не сбавлять энергии, продолжать радовать нас новыми научными достижениями, конечно же, здоровья и позитива в жизни!

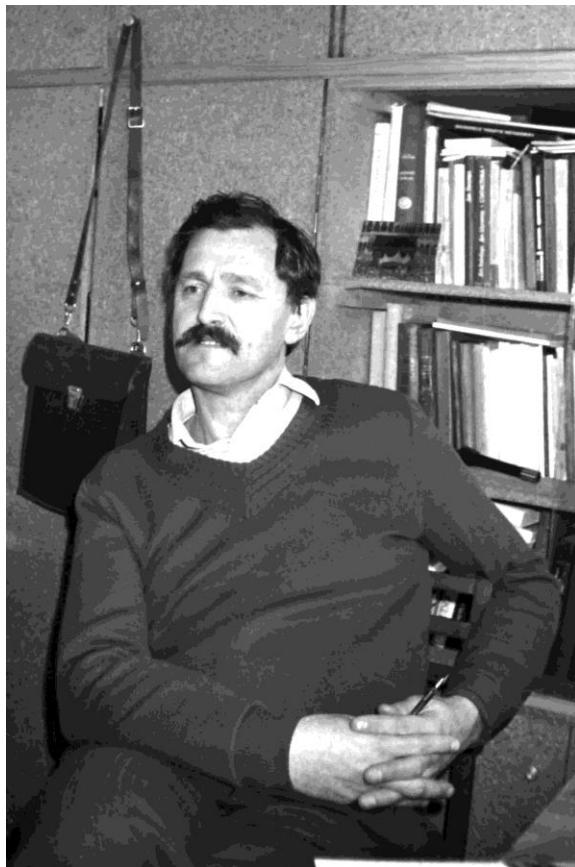

Рис. 1. В.А. Иванов, 1990 г.

Рис. 2. Крестины Саши Белавиной,
2 апреля 1996 г.

Рис. 3. В питерской гостинице (2006 г.): А.Г. Иванов,
А.М. Белавин, В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова

Рис. 4. В.А. Иванов и Н.Б. Крыласова на набережной р. Уфы, 2010 г.

Рис. 5. Д.Г. Савинов, Н.Б. Крыласова и В.А. Иванов, Старая Русса, 2011 г.

*Рис. 6. В.А. Иванов, И. Фодор, Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин
возле Национального музея Венгрии, Будапешт, 2013 г.*

Рис. 7. Н.Б. Крыласова, В.А. Иванов, А.М. Белавин в Цитадели. Каир, январь 2011 г.

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-27-10-21

А.С. Проценко¹, В.В. Куфтерин², Е.Ф. Гостев¹, И.М. Бабин¹, Е.В. Бубнель³
**ДВА ИМЕНИ, ОДНА НАУКА: К ЮБИЛЕЯМ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА
ИВАНОВА И ГЮЛЬНАРЫ ТАЛГАТОВНЫ ОБЫДЕННОВОЙ**

¹Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа», Уфа, РФ

²Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Москва, РФ

³Школа № 104 им. М. Шаймуратова, Уфа, РФ

Аннотация. Авторы постарались осветить особенности творческого пути и научно-исследовательской деятельности двух заслуженных научных и университетских работников – крупных ученых, д. и. н., проф. В.А. Иванова и д. и. н., проф. Г.Т. Обыденновой, особое внимание уделив их вкладу в организацию археологической работы в Лаборатории археологического источниковедения и историографии БГПУ им. М. Акмуллы. В фокусе внимания находится заключительный этап деятельности лаборатории (2010–2024 гг.). Подчеркивается важность личностного фактора в развитии археологии в вузе.

Ключевые слова: археологические исследования, археологическая лаборатория, эпоха бронзы, ранний железный век, эпоха Средневековья

A.S. Protsenko¹, V.V. Kufterin², E.F. Gostev¹, I.M. Babin¹, E.V. Bubnel³
**TWO NAMES, ONE SCIENCE: TO THE ANNIVERSARIES
OF VLADIMIR IVANOV AND GYULNARA OBYDENNOVA**

¹Republican Historical and Cultural Museum-Reserve «Ancient Ufa», Ufa, Russian Federation

²N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russian Federation

³M. Shaimuratov School No. 104, Ufa, Russian Federation

Abstract. The authors tried to highlight the features of the creative path and research activities of two honored scientists and university workers – famous scientists, Doctors of Sciences (History) and Professors – Vladimir Ivanov and Gyulnara Obydennova. The essay is focused on their contribution to the organization of archaeological works in the Laboratory of Archaeological Source Studies and Historiography of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. Special attention is on the final period of the Lab's activities (2010–2024). The role of personal factors in the development of archaeological science at the university is emphasized as very important.

Keywords: archaeological studies, archaeological laboratory, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages

Введение

В Урало-Поволжье существует несколько крупных научных центров: Уфа, Пермь, Екатеринбург, Челябинск, Казань, Оренбург, Самара, Ижевск. Каждый из них имеет свою историю, традиции, яркие достижения и, конечно же, свои имена в археологии. Становлению научных школ, в последующем ставших системообразующими учреждениями в изучении прошлого Урало-Поволжского региона, посвящен целый ряд публикаций [Обыденнова, 2010; Евгеньев, 2017; Мельникова, 2003; 2006; 2023; 2023а; 2023б].

В 2025 году, знаменательном для археологии Башкортостана, целый ряд известных специалистов отмечают свои юбилеи. Настоящая статья посвящена ярким представителям вузовской археологии – докторам исторических наук, профессорам Владимиру Александровичу Иванову и Гюльнаре Талгатовне Обыденновой, которые последние десятилетия активно работали в стенах Лаборатории археологического источниковедения и историографии (далее – Лаборатория) Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, которая, в свою очередь, в 2024 г. отметила 50-летний юбилей. В связи с этим в настоящем очерке представлен анализ деятельности Лаборатории через призму полевых и камеральных работ юбиляров.

Развитие археологической науки в Республике Башкортостан начинается в первые десятилетия XX в., когда исследования (в том числе, первые профессиональные раскопки) в основном проводят ученые-археологи из столичных центров (В.В. Гольмстен, А.В. Шмидт), при участии местных краеведов (М.И. Касьянов, П.Ф. Ищериков). Данная ситуация сохранялась до середины прошлого столетия.

В 1951 г. после создания Башкирского филиала Академии наук СССР (БФ АН СССР) в его составе был организован Институт истории, языка и литературы, на базе которого в 1953 г. сформирован Сектор истории, археологии и этнографии. Непосредственно с работой данного Сектора и связано начало планомерных археологических исследований на территории Башкирии. Решением Президиума АН СССР научным руководителем археологической группы была назначена старший научный сотрудник Института археологии АН СССР д-р ист. наук А.В. Збруева. Она же одновременно возглавила и Башкирскую археологическую экспедицию ИА АН СССР. Археологическая группа ИИЯЛ БФ АН СССР в составе канд. ист. наук Г.В. Юсупова, канд. ист. наук Т.Н. Троицкой и П.Ф. Ищерикова включились в работу экспедиции в качестве руководителей отдельного отряда Башкирской АЭ ИА АН СССР [Иванова, 2007, с. 192]. На протяжении долгих лет Отдел археологических исследований ИИЯЛ БФ АН СССР являлся флагманом развития археологической науки в Республике.

В 1960–1970-е гг. начинают появляться центры по изучению древностей и в вузах г. Уфа. В данный период образуются профильные лаборатории в Башкирском государственном университете (ныне – Уфимский университет науки и технологий) и Башкирском государственном педагогическом институте (ныне – БГПУ им. М. Акмуллы).

В своем развитии Лаборатория прошла три этапа: I (1974–1984 гг.), II (1984–2010 гг.) и III (2010–2024 гг.). Эти этапы развития носят условный характер, а их выделение обусловлено сменой руководителей структурного подразделения. Следует заметить, что в настоящее время опубликованы лишь небольшие заметки по деятельности Лаборатории [Обыденнова, Шугелева, Щербаков, 2008; Обыденнова, 2010; Проценко, 2015; Заикина, 2019].

Основная часть

Юбиляры на протяжении длительного периода работали в стенах исторического факультета БГПУ им. М. Акмуллы, но их дружба началась задолго до совместной работы в университете (рис. 1). Г.Т. Обыденнова с 1981 по 1988 г. прошла все ступени вузовской деятельности – от ассистента кафедры Истории СССР до декана исторического факультета БГПИ, на должность которого была избрана в 1988 г., и директора Института исторического и правового образования БГПУ им. М. Акмуллы [Горбунов, Иванов, 2015, с. 199], которую занимала до 2015 г. Впоследствии Гюльнара Талгатовна успешно руководила кафедрой Всеобщей истории и культурного наследия БГПУ им. М. Акмуллы. В.А. Иванов пришел в университет в 2002 г., в последующем руководил кафедрой Отечественной истории и кафедрой Всеобщей истории и культурного наследия (2012–2015 гг.).

Несмотря на то, что юбиляры являлись активно действующими преподавателями, а на Г.Т. Обыденновой лежала большая административная и организационная нагрузка, серьезное внимание ими уделялось и работе в археологической лаборатории, на чем мы подробнее остановимся ниже.

В 2010 г. руководство Лабораторией принимает В.А. Иванов (рис. 2). В этот же год Владимир Александрович и Гюльнара Талгатовна формируют инициативную группу студентов и аспирантов, которая занимается изучением древностей Южного Урала (И.М. Бабин, Е.В. Бубнель, А.С. Проценко, Р.А. Рудаков и Ч.Р. Хасанов). На протяжении ряда лет молодые исследователи активно участвовали в региональных и всероссийских студенческих конференциях. В последующем И.М. Бабин сосредоточился на полевых исследованиях (определение границ объектов археологического наследия, обследование участков, подлежащих хозяйственному освоению). А.С. Проценко занимается изучением социокультурных процессов раннего железного века Южного Приуралья ([Проценко, Сатаев, 2016; 2024; Проценко, 2017] и др.). Результатом анализа и обобщения большого массива данных по погребальному обряду кара-абызской культуры стала защита им кандидатской диссертации, успешно прошедшая в 2022 г. под руководством В.А. Иванова [Проценко, 2022]. Другие участники инициативной группы по разным причинам перестали заниматься археологией. В данный период сотрудники Лаборатории разрабатывали крупную плановую тему «Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурой среде Евразии с эпохи древности до XVI века».

Значительная работа велась и продолжает успешно вестись под руководством В.А. Иванова по проблемам, связанным с угро-мадьярской тематикой (рис. 6). В данный период юбиляр продолжает публиковать работы по связанным с ней вопросам, которые отличает наличие четкой концепции и значимых для разработки проблематики выводов ([Белавин, Иванов, 2011; Бубнель, Иванов, Чичко, 2013; Иванов, 2015а] и др.). По данному кругу вопросов В.А. Иванов уже много десятилетий сотрудничает и подчас очень остро дискутирует с российскими и зарубежными (в особенности, венгерскими) коллегами: И. Фодором, А. Тюрком, Д. Габором и другими учеными.

Отдельным блоком выступают работы, посвященные изучению средневековых кочевников, в результате которых введены в научный оборот новые комплексы, подвергнутые историко-археологическому анализу, синтезу и интерпретации в свете круга проблем, связанных со средневековыми кочевническими древностями Урало-Поволжья [Гарустович, Иванов, 2014; Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014]. В 2015 г. В.А. Иванов подводит определенный итог изучению кочевников Золотой Орды, публикуя одноименное монографическое исследование [Иванов, 2015]. На сегодняшний момент коллектив авторов под руководством В.А. Иванова продолжает ввод в научный оборот материалов раскопок некрополей средневековых кочевников [Иванов, Проценко, Русланов, 2021; Иванов, Русланов, Проценко, 2022].

В 2000-х гг. в республике была издана фундаментальная многотомная серия «История башкирского народа». После выхода двух первых томов В.А. Ивановым и Г.Т. Обыденновой совместно с коллегами были подготовлены рецензии, отметившие как сильные, так и слабые стороны данного издания [История башкирского …, 2009; 2012; Васильев, Иванов, Кореняко, 2012; 2014]. Определенным ответом на дискуссионные моменты второго тома «Истории башкирского народа» стала коллективная монография, вышедшая в 2013 г. – «Южный Урал в эпоху Средневековья (V–XVI вв. н. э.)» [Иванов, Злыгостев, Антонов, 2013].

За годы своей деятельности сотрудники Лаборатории организовали и провели более 100 археологических экспедиций. На протяжении тридцати лет археологические экспедиции проходили исключительно под общим руководством сотрудников Лаборатории. Ситуация начала меняться лишь с 2011 г., когда появляются совместные проекты (экспедиции) с ведущими научными учреждениями (ИА РАН, ИИЯЛ УФИЦ РАН), что позволило получить уникальный опыт работ на различных памятниках (в первую очередь молодым сотрудникам). В ходе этих работ были изучены интереснейшие погребальные комплексы раннего железного века оседлого (грунтовый могильник Кара-Абыз-2, раскопки 2011–2012 гг.) и кочевого (могильник Филиповка-1, раскопки 2013 г.) населения региона.

Новый виток новостроек (хоздоговорных) работ, объем которых кратно увеличился после 2012 г. в результате запуска механизма Государственной историко-культурной экспертизы в отношении земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, привел к но-

вым вызовам в адрес археологов университета. Как справедливо отмечалось А.В. Энговатовой, более десяти лет назад: «спасательная археология на современном этапе – один из важных видов научной археологической деятельности. Полноценные научные исследования требуют значительных средств, а при сложившейся в стране экономической ситуации, у археологов, без проведения спасательных работ, остается немного практических возможностей для осуществления по-настоящему широких исследований. Существующая система грантов позволяет изучать наиболее значимые с научной точки зрения памятники. Но средства, выделяемые на плановое научное изучение, – невелики, и не всегда могут обеспечить полный объем необходимых исследований. В условиях существующих экономических реалий спасательная археология – один из источников постоянных финансовых инвестиций в археологическую науку» [Энговатова, 2012, с. 149].

Одним из наиболее масштабных проектов по охранным раскопкам, реализованных сотрудниками Лаборатории, являются работы на селищах Шемяк-2 и Шемяк-1 в Уфимском районе Республики Башкортостан, которые были проведены в 2013–2014 гг. (под руководством В.С. Горбунова и Г.Т. Обыденновой). На первом памятнике было заложено 4 раскопа общей площадью 3 045 м², на втором селище площадь исследования составила 405 м² (рис. 3). Несмотря на слабо насыщенный культурный слой, удалось получить интереснейший археологический материал Нового времени [Горбунов В.С., Горбунов Ю.В., 2016]. Данные работы являлись до 2020 г. одними из самых масштабных новостроек на современном этапе в археологии Башкирии.

Стоит отметить многочисленные работы на участках, подлежащих хозяйственному освоению, проведенные под руководством Г.Т. Обыденновой. Несколько десятков археологических разведок были проведены в Центральной Башкирии. Один из наиболее значимых проектов, выполненных при непосредственном участии Гюльнары Талгатовны, – археологическая разведка 2021 г. в рамках реализации крупной инфраструктурной инициативы по реконструкции улицы Октябрьской Революции в городском округе г. Уфа (ООО «АрхеоГеоЭксперт», руководитель М.С. Чаплыгин). Площадь обследованной территории, расположенной в историческом центре города, составила более 20 га. В результате были локализованы участки сохранившегося культурного слоя и получен интереснейший материал Нового времени, соотносимый с ОКН «Древняя Уфимская крепость».

В рассматриваемый хронологический период под руководством В.А. Иванова и Г.Т. Обыденновой были реализованы гранты Министерства культуры Башкортостана, Академии наук Республики Башкортостан, Российского гуманитарного научного фонда и Государственного задания на проведение научно-исследовательской работы Министерства образования и науки РФ. Необходимо подчеркнуть, что к реализации всех проектов были привлечены молодые исполнители из числа сотрудников Лаборатории.

В результате кропотливой работы было написано несколько десятков научных статей, посвященных периодам от эпохи раннего железа до Нового времени и проведен ряд археологических экспедиций. Так, в 2014 г. под руководством Г.Т. Обыденновой были проведены исследования памятника XVII в. Табынск-3 – «Табынского городка». В ходе работ было изучено 140 м² площади памятника и выявлено, что культурный слой, слабо насыщен находками. Так, металлические изделия представлены индивидуальными находками (20 единиц), а керамика – двумя группами, «архаичной» и «ремесленной»; также удалось реконструировать одну из построек [История археологического изучения … , 2016].

Спустя семь лет Г.Т. Обыденнова вернулась к изучению поселенческих памятников бронзового века (до 2010 г. она руководила исследованиями крупнейшего Мурадымовского поселения). В 2017, 2018 и 2021 гг. экспедицией БГПУ им. М. Акмуллы были проведены раскопки Тятер-Арслановского II поселения. Основной целью комплексных исследований являлось получение новых данных по планировке и уточнение культурной принадлежности памятника. В результате раскопок была исследована площадь 464 м² и получена представительная коллекция артефактов [Human-Altered Soils … , 2021].

Следует указать, что юбиляры являются активными участниками регионального научного сообщества. В 2010 г. Владимир Александрович и Гюльнара Талгатовна выступили в качестве ключевых организаторов Уральского археологического совещания, которое состоялось в г. Уфе. Их организационный вклад способствовал успешному проведению данного научного форума, ставшего значимым событием в археологическом сообществе Уральского и сопредельных регионов. В рамках конференции было заслушано 97 докладов, в работе приняли участие археологи ведущих отечественных и ряда зарубежных научных центров [XVIII Уральское … , 2010]. Отдельным направлением деятельности юбиляров явился выпуск тематических сборников по актуальным вопросам археологической науки [Проблема поиска … , 2013; Этика в археологии, 2014; 2016].

На протяжении длительного времени В.А. Иванов и Г.Т. Обыденнова активно содействовали привлечению молодых ученых из педагогического университета к участию в Башкирской археологической студенческой конференции (БАСК), а в последние десять лет БГПУ им. М. Акмуллы четырежды выступал в качестве организатора этого мероприятия (2013, 2021–2023 гг.). В 2021 г., благодаря личной поддержке Г.Т. Обыденновой, после длительного перерыва удалось возобновить ежегодное проведение БАСКа (рис. 4). Кроме того, в 2017 г. был подготовлен и издан сборник работ молодых исследователей – «Молодая археология Урала и Поволжья» [Башкирская археологическая студенческая … , 2023, с. 35].

Наряду с разработкой научной тематики В.А. Иванов и Г.Т. Обыденнова проводили большую образовательную и просветительскую деятельность. В разные годы в БГПУ им. М. Акмуллы ими приглашались известные российские ученые (А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, А.Н. Кирпичников, В.В. Напольских и др.), которые читали открытые лекции и спецкурсы для студентов первых курсов. В ходе работы Лаборатории был разработан и издан «Атлас археологии Республики Башкортостан» для школьников [Обыденнова, Шутелева, Щербаков, 2006], учебное пособие «Уфаведение» [Обыденнова, Иванов, Кортунов, 2011]. В.А. Иванов и Г.Т. Обыденнова стали инициаторами научно-популярной серии «Мой Урал сквозь столетия», в которой в издательстве «Китап» им. Зайнаб Биишевой вышли книги: «Путь Ахмеда Ибн-Фадлана» [Иванов, 2010], «Древние живописцы Урала» [Иванов, Обыденнова, 2012], «Это были башкиры» [Иванов, Злыгостев, 2017], «Башкирский юрт Золотой Орды (1236–1437)» [Иванов, Злыгостев, 2021]. Эти издания позволили осветить яркие исторические события с глубокой древности до позднего Средневековья для широкого круга читателей.

За годы экспедиций были сформированы серьезные фонды. Сегодня фонды насчитывают несколько десятков коллекций из различных памятников, содержащих несколько тысяч единиц хранения. Большая часть предметов, накопленных за период 1980–2000-х гг., представляет материалы эпохи бронзы. Среди последних наиболее обширные коллекции получены из Береговских I и II, Юмаковского и Мурадымовского поселений. Материалы, хранящиеся в фондах, использовались другими исследователями для своих научных изысканий. В качестве примера можно отметить материалы исследований В.С. Горбунова, положенные в основу кандидатской диссертации Е.В. Русланова «Береговский археологический микрорайон в системе древностей Южного Урала» [Русланов, 2019].

Результатом этнографических экспедиций, проводившихся при поддержке Г.Т. Обыденновой, явилось создание Музея материальной культуры народов Урало-Поволжья на базе исторического факультета БГПУ им. М. Акмуллы, который в настоящий момент расформирован.

Отдельного внимания заслуживает созданная в 2014 г. по инициативе и под руководством Г.Т. Обыденновой Научно-исследовательская лаборатория «Биоархеологии, палеоантропологии и исторической экологии человека». В состав лаборатории входили крупные специалисты в области палеоантропологии, биоархеологии, зооархеологии, археоботаники и экологии человека (Н.А. Дубова, Р.М. Сатаев, Л.В. Сатаева, В.В. Куфтерин). К ее работе активно привлекались студенты БГПУ им. М. Акмуллы (М.В. Новожилова). Сфера деятель-

ности этого подразделения была представлена направлениями, включающими прежде всего комплексную экспертизу палеоантропологического, зооархеологического и археоботанического материала. Значительная часть последнего была получена в результате работы археологов БГПУ им. М. Акмуллы (рис. 5).

В целях содействия в решении научных задач и для осуществления совместного междисциплинарного естественнонаучно-гуманитарного исследования в области реконструкции взаимодействий обществ прошлого с окружающей природной средой был подписан договор о сотрудничестве между Лабораторией и Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва). В период с 2014 по 2017 г. сотрудниками Лаборатории было опубликовано более 100 научных работ и издано 4 монографии (подробнее о деятельности сотрудников подразделения см.: [Новожилова, Куфтерин, 2018]). В 2017 г. с целью отбора образцов для палеогенетических анализов в БГПУ им. М. Акмуллы приезжал Александр Миун Ким (Alexander Me-Woong Kim), в то время аспирант одного из ведущих мировых специалистов в области изучения древней ДНК – Дэвида Райха (David Reich) из Гарвардской медицинской школы (Бостон, США).

В результате деятельности двух обсуждаемых Лабораторий сложился научный конгломерат, который успешно решал как совместные, так и личные задачи в рамках работы головной организации. Этот конгломерат способствовал обмену знаниями и опытом между сотрудниками подразделений, что приводило к более эффективному выполнению проектов и исследований. Совместные усилия способствовали не только достижению намеченных целей, но и укреплению научной базы, а также расширению горизонтов исследований в рамках университета. К сожалению, во многом вследствие объективных обстоятельств (переезд В.В. Куфтерина на постоянное место работы в г. Москву и безвременный уход из жизни Р.М. Сатаева (1971–2023)), НИЛ «Биоархеология, палеоантропология и исторической экологии человека» прекратила свое существование. Уникальные палеоантропологические, а также палеонтологические и зооархеологические коллекции, собиравшиеся ее сотрудниками на протяжении всей научной жизни, в настоящее время переданы на хранение в Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН и Институт экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург) соответственно.

На протяжении нескольких десятилетий одним из центров археологической науки являлась археологическая лаборатория, существовавшая в стенах исторического факультета (ныне – Институт исторического, правового и социально-гуманитарного образования БГПУ им. М. Акмуллы). Несмотря на все сложности, в том числе и объективные трудности постсоветского периода, ее сотрудникам (в первую очередь В.С. Горбунову и Г.Т. Обыденновой) удалось пройти этот этап, и после кризисных годов продолжить уверенно развиваться. Продолжались экспедиции, выходили фундаментальные работы различной направленности. К сожалению, в настоящий момент Лаборатория фактически перестала существовать по причине ряда обстоятельств, связанных с решениями руководства ИИПСГО БГПУ им. М. Акмуллы. Как довольно часто случается, огромный багаж наработок и материала фактически стал не нужен руководству, а ряд недальновидных решений привел к уходу ведущих ученых-археологов из университета. Хочется верить, что в будущем ситуация изменится и в стенах БГПУ им. М. Акмуллы снова будет развиваться фундаментальная археологическая наука.

Заключение

В заключение акцентируем внимание на том, что и Владимир Александрович Иванов и Гюльнара Талгатовна Обыденнова на протяжении длительного времени, в том числе в рассматриваемый здесь его отрезок, несмотря на разнонаправленность собственных научных интересов, продемонстрировали высокую эффективность в развитии археологического направления в университете. Результатом их консолидированной научной, научно-организационной и педагогической деятельности стало формирование научно-исследовательского коллектива из молодых специалистов, обеспечивших преемственность и дальнейшее развитие университетской археологической школы.

Создание Г.Т. Обыденновой нового структурного подразделения – лаборатории «Биоархеологии, палеоантропологии и исторической экологии человека», несмотря на небольшой период ее существования, придало новый виток развитию междисциплинарного направления. Это подразделение способствовало интеграции различных научных областей, что обогатило исследования и расширило понимание археологических находок в контексте биологии и экологии древнего человека.

В завершение мы от лица всех учеников и последователей сердечно поздравляем наших учителей и дорогих старших коллег с замечательными юбилеями! Прежде всего желаем крепкого здоровья, семейного уюта и гармонии, неиссякаемого творческого вдохновения и успехов во всех начинаниях, верим, что те теплые и замечательные отношения, которые связывают двух юбиляров, сохранятся и укрепятся! Пусть впереди будет еще много счастливых и значимых событий, а профессиональные и личные достижения продолжают радовать и удивлять! Ура!

Библиографический список

1. *Башкирская археологическая студенческая конференция – феномен развития молодой археологии Урало-Поволжья / Г.Т. Обыденнова, А.С. Проценко, Е.В. Русланов, Р.Р. Русланова // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2023. – Вып. XXII. – С. 34–40.*
2. *Белавин А.М., Иванов В.А. К пониманию существования угорской проблемы в Прикамье и Предуралье // Вестник Пермского университета. История. – 2011. – № 1 (15). – С. 173–180.*
3. *Бубнель Е.В., Иванов В.А., Чичко Т.В. Сведения средневековых европейских письменных источников о географических координатах «Magna Hungaria» («Великой Венгрии») // Известия Самарского научного центра РАН. – 2013. – № 1 (15). – С. 229–231.*
4. *Васильев Д.В., Иванов В.А., Кореняко В.А. История башкирского народа : в 7 т. Т. 2 / редкол. : С.Г. Кляшторный, В.В. Овсянников, А.В. Псянчин, Ф.Г. Хисамитдинова ; науч. рук. М.М. Кульшарипов. – Уфа : Гилем, 2012. – 414 с.*
5. *Васильев Д.В., Иванов В.А., Кореняко В.А. История башкирского народа // Российская археология. – 2014. – № 4. – С. 162–177.*
6. *Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв. н. э.). – Уфа : БГПУ им. М. Акмуллы, 2014. – 328 с.*
7. *Горбунов В.С., Горбунов Ю.В. О некоторых проблемах изучения археологических памятников Нового времени // Археологическое наследия Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (ХХ Уральское археологическое совещание). – Ижевск : Ин-т компьютерных исследований, 2016. – С. 296–300.*
8. *Горбунов В.С., Иванов В.А. Секрет ее молодости... (к юбилею Г.Т. Обыденновой) // Уфимский археологический вестник. – 2015. – № 15. – С. 199–201.*
9. *Евгеньев А.А. 40 лет Оренбургской археологической экспедиции: основные направления и достижения деятельности // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 13 / отв. ред. Н.Л. Моргунова. – Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2017. – С. 4–26.*
10. *Заикина Н.А. Исследования Лаборатории археологического источниковедения и историографии БГПУ им. М. Акмуллы на современном этапе (2013–2017 годы) // LI Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция : материалы всерос. (с междунар. участием) конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – Курган : КГУ, 2019. – С. 222–224.*
11. *Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2015. – 208 с.*
12. *Иванов В.А. Путь Ахмеда ибн-Фадлана. – Уфа : Китап, 2010. – 64 с.*
13. *Иванов В.А. Угры Предуралья: продолжение темы // Поволжская Археология. – 2015а. – № 4 (14). – С. 201–219.*
14. *Иванов В.А., Злыгостев В.А. Башкирский Юрт Золотой Орды (1236–1437). – Уфа : Китап, 2021. – 272 с.*

-
15. Иванов В.А., Злыгостев В.А. Это были башкиры. – Уфа : Китап, 2017. – 128 с.
 16. Иванов В.А., Обыденнова Г.Т. Древние живописцы Урала. – Уфа : Китап, 2012. – 64 с.
 17. Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2014. – 396 с.
 18. Иванов В.А., Злыгостев В.А., Антонов И.В. Южный Урал в эпоху Средневековья (V–XVI века н. э.) / под ред. В.А. Иванова. – Уфа : БГПУ, 2013. – 280 с.
 19. Иванов В.А., Проценко А.С., Русланов Е.В. Погребения с признаками мусульманского обряда у кочевников Золотой Орды // Поволжская археология. – 2021. – № 4 (38). – С. 94–107.
 20. Иванов В.А., Русланов Е.В., Проценко А.С. Ишкуловский II курганный могильник – памятник монгольских кочевников XIII–XIV вв. на Южном Урале // Нижневолжский археологический вестник. – 2022. – № 2 (21). – С. 243–258.
 21. Иванова Е.В. Первые научно-исследовательские археологические темы ИИЯЛ БФ АН СССР и результаты их выполнения (1950-е гг.) // Уфимский археологический вестник. – 2007. – Вып. 6/7. – С. 191–194.
 22. История археологического изучения крепостных сооружений Башкирского Предуралья / Г.Т. Обыденнова, В.В. Овсянников, Е.В. Бубнель и др. // Поволжская археология. – 2016. – № 4 (18). – С. 278–293.
 23. История башкирского народа / В.С. Горбунов, В.А. Иванов, Г.Т. Обыденнова, В.А. Кореняко ; гл. ред. М.М. Кульшарипов ; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. – М. : Наука, 2009. – Т. 1. – 400 с. : ил.
 24. История башкирского народа / В.С. Горбунов, В.А. Иванов, Г.Т. Обыденнова, В.А. Кореняко // Российская археология. – 2012. – № 3. – С. 176–180.
 25. Мельникова О.М. Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском государственном университете. – Ижевск : УдГУ, 2006. – 142 с.
 26. Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.). – Ижевск : УдГУ, 2003. – 183 с.
 27. Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера: организационные основания (вторая половина 1940-х – первая половина 1950-х годов) // У истоков советских археологических школ (1918–1950) : материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. И.А. Сорокина. – М. : ИА РАН, 2023а. – 88 с.
 28. Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.). – Ижевск : УдГУ, 2003б. – 194 с.
 29. Новожилова М.В., Куфтерин В.В. НИЛ «Биоархеологии, палеоантропологии и исторической экологии человека» – структурное подразделение Института исторического и правового образования БГПУ им. М. Акмуллы // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании. Т. III. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2018. – С. 275–278.
 30. Обыденнова Г.Т. Итоги археологических исследований в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология / отв. ред. Г.Т. Обыденнова. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2010. – С. 34–42.
 31. Обыденнова Г.Т., Иванов В.А., Кортунов А.И. Уфаведение: история Уфы с древнейших времен до XIX в. : учеб. пособие. 8–9 кл. – Уфа : Китап : Vagant, 2011. – 279 с.
 32. Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Атлас археологии Республики Башкортостан : учеб. пособие. – 2-е изд. – Уфа : Китап, 2006. – 52 с.
 33. Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Итоги работы археологической экспедиции БГПУ им. М. Акмуллы за последние 10 лет (1998–2008 гг.) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2008. – Вып. V. – С. 76–83.
 34. Проблема поиска и изучения древних и средневековых городов на Южном Урале и сопредельных территориях / отв. ред. Г.Т. Обыденнова. – Уфа : Изд. БГПУ, 2013. – 104 с.
 35. Проценко А.С. Изучение объектов историко-культурного наследия Республики Башкортостан (опыт археологической экспедиции БГПУ им. М. Акмуллы, 2011–2013 гг.) // XLVII Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция : сб. науч. тр. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – С. 246–249.

36. Проценко А.С. Некоторые итоги изучения Кара-Абызского городища (по материалам рекогносцировочных работ 2015 г.) // Археология Евразийских степей. – 2017. – № 4. – С. 127–133.
37. Проценко А.С. Погребальный обряд кара-абызской культуры как отражение социальной структуры оседлого населения Южного Приуралья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2022. – 26 с.
38. Проценко А.С., Самаев Р.М. К вопросу об основах жизнеобеспечения носителей кара-абызской археологической культуры // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 6 (44). – С. 125–133.
39. Проценко А.С., Самаев Р.М. Новые материалы с селища Зинино-1 // Археология Евразийских степей. – 2021. – № 2. – С. 250–260.
40. Русланов Е.В. Береговский археологический микрорайон в системе древностей Южного Урала : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2019. – 21 с.
41. Энговатова А.В. Спасательная археология в России (к 40-летию отдела охранных раскопок Института археологии РАН) // Российская археология. – 2012. – № 4. – С. 141–150.
42. Этика в археологии / отв. ред. Г.Т. Обыденнова. – Уфа : Изд. БГПУ, 2014. – 185 с.
43. Этика в археологии / отв. ред. Г.Т. Обыденнова. – Уфа : Изд. БГПУ, 2016. – 203 с.
44. XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология / отв. ред. Г.Т. Обыденнова. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2010. – 366 с.
45. Human-Altered Soils at an Archeological Site of the Bronze Age: The Tyater-Araslanovo-II Settlement, Southern Cis-Ural Region, Russia / R. Suleymanov, G. Obydennova, A. Kungurtsev et al. [Электронный ресурс] // Quaternary. – 2021. – Vol. 4 (32). – P. 1–14. – URL: <https://doi.org/10.3390/quat4040032>

Рис. 1. Ю.А. Морозов, А.И. Лебедев, Е.Е. Кузьмина, А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов, М.Ф. Обыденнов и Г.Т. Обыденнова. Уральское археологическое совещание. 1985 г.

Фото из личного архива В.А. Иванова

Рис. 2. Г.Т. Обыденнова и В.А. Иванов за чаем в стенах исторического факультета БГПУ им. М. Акмуллы. 2009 г. Фото из личного архива В.А. Иванова

Рис. 3. А.А. Бунаков и Г.Т. Обыденнова. Археологическая экспедиция 2013 г., раскопки ОАН «Шемяк-2, селище». Фото из архива Лаборатории археологического источниковедения и историографии БГПУ им. М. Акмуллы

Рис. 4. И.И. Лукманов, Г.Т. Обыденнова, В.А. Иванов на открытии
Х Башкирской археологической студенческой конференции
в БГПУ им. М. Акмуллы. 2021 г. Фото П.Ю. Грабаря

Рис. 5. Г.Т. Обыденнова и Р.М. Сатаев в НИЛ «Биоархеологии, палеоантропологии
и исторической экологии человека» БГПУ им. М. Акмуллы.
2017 г. Фото Л.В. Сатаевой

Рис. 6. В.И. Иванов, Венгрия, 2010 г.

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-27-22-31

К.В. Моряхина
ДИСКУССИЯ ОБ УГРАХ В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ
В СРЕДНИЕ ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

Аннотация. В середине XIX в. стали проводиться археологические и этнографические изыскания на территории западной части Пермской губернии. Исследователи пытались осмыслить, кому принадлежали найденные древности, какие народы проживали на этой территории. Уже тогда мнения на этот счет расходились: одни считали, что это были предки коми-пермяков (Д.Д. Смышляев, Н.П. Первухин, И.Я. Кривошеков и др.), другие – что угоры (Ф.А. Теплоухов, Д.Н. Анучин, Н.И. Глушкин и др.). В 20-х гг. XX в. на территории нынешнего Пермского края работал А.В. Шмидт, по мнению которого в VI–VIII вв. проживало угорское население, в XI–XIV вв. – древнепермское. В 1930-х гг. утвердилась идея автохтонного происхождения коми-пермяков, которая господствовала долгое время (М.В. Талицкий, В.А. Оборин, Р.Д. Голдина и др.). В 1990-х гг. исследователи вновь обращаются к угорской проблеме: сначала Е.П. Казаков, вслед за ним А.М. Белавин, в трудах которого эта идея приняла более обоснованный характер. В 2009 г. вышла монография А.М. Белавина, В.А. Иванова, Н.Б. Крыласовой «Угоры Предуралья в древности и средние века», вокруг которой развернулась бурная дискуссия. Оппоненты (Р.Д. Голдина, Г.Н. Чагин, А.Ф. Мельничук и др.) выступили с критическими замечаниями против аргументов о проживании угорского населения в Предуралье с поздней бронзы, доминировании его в VII–XI вв., и выделенных угорских этномаркеров. Авторам указанной монографии приходилось неоднократно отвечать на замечания со стороны коллег-археологов и лингвистов и приводить все новые доводы в пользу своей концепции.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, Средневековье, угоры, ломоватовская культура

K.V. Moryakhina
DISCUSSION ABOUT THE UGRIANS IN THE PERM CIS-URALS
IN THE MIDDLE AGES: A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russian Federation

Abstract. In the mid – 19th century, archaeological and ethnographic research began in the western part of the Perm province. Researchers tried to understand who owned the discovered antiquities and what peoples lived in this territory. Even then, opinions on this matter differed: some believed that they were the ancestors of the Komi-Permyaks (D.D. Smyshlyayev, N.P. Pervukhin, I.Ya. Krivoshchekov, etc.), others – that they were Ugrians (F.A. Teploukhov, D.N. Anuchin, N.I. Glushkov, etc.). In the 1920^s, A.V. Schmidt worked in the territory of today's Perm region. According to him, the Ugric population lived in the 6th–8th centuries, and the Ancient Permian population in the 11th–14th centuries. In the 1930^s, The idea of the autochthonous origin of the Komi-Permyaks became established and prevailed for a long time (M.V. Talitsky, V.A. Oborin, R.D. Goldina, etc.). In the 1990^s, researchers again turned to the Ugric problem: first E.P. Kazakov, followed by A.M. Belavin, in whose works this idea took on a more substantiated character. In 2009, a monograph by A.M. Belavin, V.A. Ivanov, N.B. Krylasova, “The Ugrians of the Urals in Antiquity and the Middle Ages,” was published, around which a heated discussion unfolded. Oppo-

nents (R.D. Goldina, G.N. Chagin, A.F. Melnichuk, etc.) made critical remarks against the arguments about the Ugric population living in the Urals from the Late Bronze Age and dominated in the 7th–11th centuries, and the identified Ugric ethnomarkers. The authors of the monograph had to repeatedly respond to comments from fellow archaeologists and linguists and provide new arguments in favor of their concept.

Keywords: Perm Cis-Urals, Middle Ages, Ugrians, Lomovatovskaya culture

Статья посвящена истории дискуссии о возможности проживания угорского населения на территории Пермского Предуралья в Средневековье. Размышления на эту тему началось еще во второй половине XIX в. и не заканчиваются до сих пор. На современном этапе угорскую концепцию активно отстаивали А.М. Белавин, В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова.

Владимиру Александровичу в этом году исполняется 75 лет! Когда я писала эту статью, вспоминала, как однажды помогала Владимиру Александровичу знакомиться с нашими коллекциями в Лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГГПУ. Он тогда закончил работу над статьей «Угры Предуралья: продолжение темы», в которой отвечал на замечания Р.Д. Голдиной. Когда мы работали в лаборатории, он рассказывал мне про основы статистики и нелогичность замечаний. Так что с этой статьей я сначала познакомилась в формате лекции, а уж потом ее прочитала.

Лекции В.А. Иванова я слушала неоднократно: и когда училась в магистратуре, и когда проходила курсы повышения квалификации по применению статистических методов в археологии. Он нам тогда казался суровым, а на конференциях его доклады всегда были эмоциональными. Познакомившись поближе с Владимиром Александровичем, открыла для себя другие его черты: галантность, мягкость в каких-то ситуациях, умение поддерживать своих учеников и учеников своего лучшего друга А.М. Белавина. В.А. Иванов всегда подходит к своим исследованиям с ответственностью и скрупулезностью сбора и анализа данных, тем самым служит примером для молодых ученых.

Археологическое и этнографическое изучение территории современного Пермского края началось во второй половине XIX в. Исследователи использовали для обозначения средневекового населения термин «Пермская чудь». Ряд исследователей (А.Е. Теплоухов, Д.Д. Смышляев, Н.П. Первухин, И.Я. Кривошеков и др.) предполагали, что это были предки коми-пермяков, другие же (Ф.А. Теплоухов, Д.Н. Анучин, Н.И. Глушкин и др.), что это были угры (предки хантов и манси). Историки А.А. Дмитриев, В.И. Шишонко, И.Н. Смирнов считали, что это собирательное название, и ранее на этой территории проживало полиэтническое население – пермские финны и угры [Дмитриев, 1883, с. 56–68; Шишонко, 1884, с. 19; Смирнов, 1891, с. 114].

Ф.А. Теплоухов, исследуя чудских идолов и баснословных существ, обнаруженных на берегах Камы и ее притоков, отмечал их своеобразность и считал, что все они принадлежали одному народу. Более подробно он изучил предметы, найденные в Чаньвенской пещере, и пришел к выводу, что данные древности были оставлены вогулами и имеют сильное сходство с чудскими, «что могли бы прямо быть приписаны Пермской чуди». Ф.А. Теплоухов отмечал, что аналогичным образом дело обстоит с жертвенным местом камнем Светик на р. Колва [Теплоухов, 1895, с. 62–64].

В другой своей работе Ф.А. Теплоухов обращался к проблеме появления и исчезновения чуди на территории Пермского Предуралья. Пермская чудь, по мнению исследователя, пришла с востока, из-за Урала, на что указывает сходство древних предметов с сибирскими находками. Ф.А. Теплоухов обозначал следующие границы расселения Пермской чуди: от р. Колвы, Вишеры, Верховья Камы на севере и до границ Казанской губернии на юге, кроме того часть Вологодской губернии. Распространяясь по этой территории, чудь не встретила серьезных препятствий. Причиной ее ухода обратно на восток, как предполагает Ф.А. Теплоухов, было ухудшение условий, но это не было связано с пришествием пермяков. Движение

Пермской чуди или угров на восток началось в XI в. и продолжалось до XVIII в. Чудской период (угорский) по археологическим данным Ф.А. Теплоухов датирует V–XII вв. [Теплоухов, 1892–1895, с. 73–74].

Д.Н. Анучин, занимаясь исследованием пермского звериного стиля, пришел к выводу, что изображения птиц на древностях, присваиваемых пермской чуди, аналогичны изображениям птиц у vogulov и осяков в XIX в. По мнению Д.Н. Анучина, «вогулы жили еще 300–400 лет назад в Приуралье в Пермской и Вологодской губерниях, откуда они постепенно отступали на восток, а на этой стороне Урала отчасти смешались с древними инородцами и русскими» [Анучин, 1899, с. 135].

И.Н. Глушков, сравнивая религиозный быт vogulov и Пермской чуди, от которой остались поселения на территории Пермской, Вятской и Вологодской губерний, выделял следующие сходства: изображения коня в металлоконструкции часто встречается в «чудских ямах и городищах» и используется vogulами при молениях; чудские отливки лисиц и соболя напоминают vogульского «Пубыха», который покрыт шкурами этих животных; часто встречающийся «чудской ящер» схож vogульским изображением выдры, возможно, ящер должен был изображать выдру и бобра; образ медведя играет почетную роль в Пермской чуди, и vogul. Исследователь предполагает, что и глиняные чашечки, черепки, часто встречаются в местах стоянок, могли служить для приношения богам пищи, как это происходит у vogulов [Глушков, 1900, с. 60–64].

К. Жаков отмечал, что названия некоторых рек имеют свое происхождение из угорского языка: Ижма, Вычегда, Вымь, Сысола, Пижма, Вишера. Причем угорские названия сохранили наряду с пермяцкими и зырянскими [Жаков, 1905, с. 106–107].

А.Ф. Теплоухов, как и его отец, считал, что под чудью стоит понимать угорское население. К такому выводу он пришел, анализируя названия рек и поселений на территории Верхней Камы, Верхней Вычегды, Чепцы. Многие современные коми-пермяцкие названия деревень и рек носили раньше другие названия. Например, угорское название реки Ядья (у угров окончания -я или -ье означают реку) было заменено на пермское Ядъва, поселения Аношкар и Майкар имеют другие названия (угорские) – Туманово и Кыласова. И в настоящее время сохранились угорские названия рек (Кордья – приток Иньвы, Урья – приток Косы и др.). Вместе с этим А.Ф. Теплоухов привел жития святых, записи путешественников, которые свидетельствуют о переходе угров из Предуралья в Зауралье [Теплоухов, 1960, с. 70–74].

Постепенно термин «Пермская чудь» выходит из употребления, но вопрос об этнической принадлежности средневекового населения Пермского Предуралья остается открытым.

В 20-е гг. XX в. на территории нынешнего Пермского края А.В. Шмидтом были проведены раскопки и изучен местный материал. Этническую принадлежность средневекового населения А.В. Шмидт обозначал по археологическим данным следующим образом: VI–VIII вв. – угорское население, XI–XIV вв. – древнепермское. Период IX–X вв. он оставил под знаком вопроса [Шмидт, 1927, с. 49–53].

В 1930-е гг. утвердилась идея автохтонного происхождения коми-пермяков, которая господствовала до 1990-х гг. Активно развивали эту мысль М.В. Талицкий, В.А. Оборин, Р.Д. Голдина.

В 1964 г. В.А. Могильников в одной из своих статей, посвященной хантыйскому могильнику, отметил, что значительное количество аналогий имеется в ломоватовской и ба-хмутинской культурах, что, по его мнению, подтверждает угорскую принадлежность этих культур. Аналогии исследователь привел из Неволинского и Бурковского могильников [Могильников, 1964, с. 270, 266]. На тот момент неволинские памятники еще не были выделены в отдельную археологическую культуру.

В 1992 г. вышла в свет монография Е.П. Казакова «Культура ранней Волжской Болгарии», в которой автор рассматривал, в том числе, вопрос миграции части поломского и ломотовского населения на территорию Волжской Болгарии в IX в. Исследователь отмечал, что поломские памятники отличаются от тех, что расположены севернее и западнее них,

а также от захоронений удмуртов-язычников XVI–XVII вв., поломская керамика схожа с зауральской и западносибирской. По мнению Е.П. Казакова, памятники ломоватовской культуры можно разделить на две группы: 1) северо-западные (Агафоновские I и II, Урвинский, Каневский и другие могильники). Для этих памятников характерны биобрядность, слабовыраженный культ коня, привнесенные с Запада финские изделия. Как отмечал Е.П. Казаков, они ближе к вымской культуре и поволжским финнам; 2) юго-восточные (Деменковский, Баяновский, Редикарский, Загарский), основной материал которых относится к IX–X вв. Характерные черты этой группы памятников: трупоположение, культ коня, погребальные маски, шумящие подвески. На основе выделенных черт Е.П. Казаков проводит связь между ломоватовским, зауральским и западносибирским населением. Также он обращает внимание на то, что на юго-восточных памятниках комплекс вещей близок к салтовскому [Казаков, 1992, с. 248–249].

Вслед за Е.П. Казаковым концепцию о доминировании угрев среди населения ломоватовской культуры начал активно продвигать А.М. Белавин. Среди первых выделенных угорских признаков были предметы пермского звериного стиля [Белавин, 1996]. В последующем А.М. Белавиным были сформулированы угорские признаки в погребальном обряде средневекового населения Пермского Предуралья: 1) расположение могильников на возвышенном месте рядом с рекой, погребения ориентированы на реку; 2) неглубокие могильные ямы; 3) наличие угля в засыпи ямы; 4) обрачивание берестой; 5) наличие погребальных масок; 6) захоронение в полном костюмном комплексе; 7) снабжение умершего транспортным средством (преимущественно конем), пищей, орудиями труда, оружием. Выделенные признаки были обоснованы как угорские путем проведения сравнительного статистического анализа с материалами могильников неволинской, калякуповской культур, Зауралья и угрев Западной Сибири. В исследовании были учтены материалы Каневского, Редикорского, Баяновского, Плесинского, Рождественского, Огурдинского, Запосельского могильников. Всего были учтены материалы 1 224 погребений и 61 признак [Белавин, 2003; Белавин, 2009].

В совместной статье А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова и И.В. Бочаров помимо выделенных признаков погребального обряда анализируют предметы материальной культуры. К характерным угорским изделиям отнесены шнуро-гребенчатая керамика, предметы пермского звериного стиля, шумящие накосники, наборные пояса, сумочки. Особо показательна, по мнению авторов, керамика. Шнуро-гребенчатая керамика имеет свое происхождение из угорских культур. В Пермском Предуралье она массово встречается на поселенческих и погребальных памятниках до конца XI в., в XII в. меняется на ямочно-гребенчатую, розеточно-гребенчатую, гребенчато-кружковую. Аналогии украшениям прослеживаются в калякуповской и кушнаренковской культурах, наборные пояса также встречаются у ранних венгров, а шумящие накосники сохранились у обских угрев вплоть до XIX в. В конце статьи авторы делают вывод, что в Верхнем и Среднем Прикамье в VII–XI вв. проживал в основном угорский этнос, родственный мадьярам Южного Приуралья и уграм Восточно-Урала. Наряду с уграми на рассматриваемой территории проживали пермские финны, для которых, по мнению авторов, был характерен обряд кремации [Белавин, Крыласова, Бочаров, 2007, с. 132–141].

Большое количество серебряных изделий в средневековых могильниках, в том числе и несколько находок блюд, А.М. Белавин связал с мировоззренческими представлениями угрев, которые известны по этнографическим данным. Угры особо почитали серебро, оно выступало в качестве основы для изображений духов-покровителей и их помощников на серебряной посуде [Белавин, 2013].

В качестве еще одного угорского маркера в погребальном обряде Н.Б. Крыласова выделила наличие речного песка в засыпи погребения. Прослойки речного песка были зафиксированы на Баяновском, Огурдинском и Рождественском могильниках. Н.Б. Крыласова пришла к выводу, что он использовался преимущественно в качестве подсыпки под покойника или для его покрытия, реже в качестве подсыпки под комплекс сопровождающего инвентаря или при засыпи могильной ямы. Аналогичный обряд зафиксирован на угорском могильнике

Арантур 27 в Тюменской области. Н.Б. Крыласова предполагала, что «присутствие речного песка в погребениях могло быть связано с идеей о том, что путь в «нижний мир» лежит по реке» или же мог использоваться в качестве очистительного средства в дополнение к культу огня [Крыласова, 2009, с. 92–97].

На страницах выпуска VI Трудов Камской археолого-этнографической экспедиции развернулась дискуссия вокруг керамики со шнуро-гребенчатым орнаментом: можно ли ее считать этническим индикатором. С одной стороны, выступили сторонники угорской теории А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова, с другой – их оппоненты А.Ф. Мельничук, С.Н. Коренюк, М.Л. Перескоков. Ученые единогласно сходятся во мнении, что шнуро-гребенчатая керамика получила распространение еще в finale бронзового века и была типична для населения Среднего Предуралья вплоть до XI в. Но А.Ф. Мельничук, С.Н. Коренюк, М.Л. Перескоков считают, что керамика с подобным орнаментом не может считаться этническим маркером, поскольку она получила распространение на широкой территории, а местные культуры (особое внимание они уделили ананьинской общности и гляденовской культуре) связывают с автохтонным финно-пермским населением. В качестве подтверждение своей позиции исследователи подчеркивают, что подобная керамика не встречается в раннесредневековых угорских культурах Зауралья [Мельничук, Коренюк, Перескоков, 2009]. А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова в своей ответной статье приводят обоснования того, что межовскую культуру поздней бронзы, для которой характерна шнуро-гребенчатая керамика, можно считать угорской, а ананьинскую общность включала разные этнические группы. Обращаясь к вопросу об аналогичной керамике в Зауралье, исследователи отмечают, что шнуровая керамика представлена в прыговской культуре III–V вв. [Белавин, Крыласова, 2009].

Более подробно угорская концепция и результаты проведенной ранее работы представлены в коллективной монографии А.М. Белавина, В.А. Иванова, Н.Б. Крыласовой «Угры Предуралья в древности и средние века» [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009]. В монографии авторы уделяют внимание письменным и ономастическим источникам, рассматривается формирование угорской ойкумены в Предуралье начиная с поздней бронзы, приведен сравнительный анализ погребального обряда средневековых культур Предуралья и Зауралья на основе данных статистики. Всего в выборку включено 1 224 погребений, из них 589 относятся к ломоватовской культуре (Каневский, Редикарский, Баяновский, Плесинский, Рождественский, Запосельский, Огурдинский могильники). Остальные погребения представлены неволинской, карайкуповской культурами, зауральскими и западносибирскими могильниками. В сводных таблицах приведены признаки погребального обряда в процентном соотношении, что позволяет увидеть полную картину и верифицировать полученные выводы [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 82–93].

Вскоре после выхода в свет монографии последовали критические отзывы на нее. Г.Н. Чагин и А.Ф. Мельничук в довольно объемной статье подвергли сомнению приведенные в монографии письменные и ономастические источники, подтверждающие проживание угорского населения на территории Верхнего Прикамья в Средневековье. По их мнению, можно считать достоверными только сведения о жизни угров в восточном предгорье Пермского края. Наличие угорских топонимов в более западных регионах, в том числе в вятском крае, они связывают с союзническими отношениями между народами. Г.Н. Чагин и А.Ф. Мельничук ставили для себя целью найти в монографии про угров недостающие ссылки, неточности в ссылках, на что и указали в своей статье [Чагин, Мельничук, 2010].

Следом была опубликована статья А.М. Белавина, В.А. Иванова «К пониманию сущности угорской проблемы в Прикамье и Предуралье», в которой авторы признали некоторые свои упущения в тексте, и в то же время дали четкий ответ на все замечания, приведя недостающие изначально факты и ссылки [Белавин, Иванов, 2011].

После этого возникла дискуссия между И.Ю. Пастушенко и Н.Б. Крыласовой. Толчком для выхода статьи И.Ю. Пастушенко «Возможно ли говорить об «угорской эпохе в Прикамье» послужил доклад Н.Б. Крыласовой «Маркирующие элементы материальной культуры угров эпохи Средневековья» на конференции «Пермские финны: археологические культуры

и этносы» в 2007 г. И.Ю. Пастушенко критикует само понятие «угорская эпоха», поскольку сторонниками угорской концепции четко не определены территории, которую можно считать угорской ойкуменой, нет четких хронологических рамок их проживания в Прикамье. Исследователь не отрицает наличие угорского компонента, но считает его незначительным и не согласен с теми признаками, которые А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова выделили как угорские. В конце статьи он критикует Н.Б. Крыласову, что она практически все характерные черты ломоватовской и родановской культур свела к угорским маркерам. И.Ю. Пастушенко некоторым маркерам уделяет особое внимание, опровергая их угорскую принадлежность. Так, например, он отмечает, что не указана детально техника, форма и детали орнамента керамики, чтобы понимать, какую именно стоит считать угорской. Погребальные маски и культ коня встречаются в разных культурах и не могут считаться этномаркерами, кости коня в процентном соотношении не так часто встречаются. Пермский звериный стиль, как отмечает И.Ю. Пастушенко, выделяется новой техникой изготовления, какой не было в более раннее время, и она не была распространена у угров Зауралья, ее появление скорее связано с влиянием Средней Азии и Приазовья [Пастушенко, 2011].

Н.Б. Крыласова дала довольно подробный ответ на замечания И.Ю. Пастушенко. Большое внимание исследовательница уделила теоретическим вопросам развития археологических культур, в частности, как инновации перерастают в традиции, тем самым поясняя свои позиции относительно новых явлений в культуре, и как они развиваются в местной традиции. Более подробно в таком ключе Н.Б. Крыласова рассматривает традиции использования погребальных масок, технику изготовления и сюжеты пермского звериного стиля. Также ее была дана подробная характеристика керамики, в отсутствии которой ее упрекал И.Ю. Пастушенко. Н.Б. Крыласова неоднократно подчеркивает, что признаки надо рассматривать в комплексе, их сочетание свидетельствует об угорском происхождении. Наталья Борисовна критикует подход И.Ю. Пастушенко искать аналогии в хронологически и территориально не связанных культурах. Идея моноэтничности населения Прикамье кажется ей не уместной, поскольку на этой территории были постоянные миграции, активно велась торговля, шли войны. Прикамские культуры принято считать финно-угорскими, и в отдельные хронологические периоды доминировали разные этносы. По мнению Н.Б. Крыласовой, с VII до середины XI в. доминировало угорское население, а пермские финны составляли меньшинство [Крыласова, 2012].

Продолжая развивать угорскую концепцию, А.М. Белавин, В.А. Иванов и Н.Б. Крыласова в отдельной статье рассмотрели этническую ситуацию в Предуралье от поздней бронзы до Средневековья. Исследователи выделяют несколько волн миграции угорского населения: первая миграция была в конце бронзового века и была связана с племенами черкаскульской культуры, в эпоху раннего железного века отмечено влияние гафурийско-убаларского этнокультурного типа, в раннее Средневековье проникает угро-мадьярский компонент. В XI в. отмечено смещение угров на восток в Зауралье и Приобье [Белавин, Иванов, Крыласова, 2013].

Полемика вокруг угорской проблемы разгоралась не только на страницах научных журналов, но и на крупных конференциях. Р.Д. Голдина и В.В. Напольских выступили с докладом «"Угорская эпоха в истории Предуралья": научная гипотеза или историографический казус?». Исследователи обратили внимание на существующие, на их взгляд, методологические ошибки в монографии «Угры Предуралья в древности и средние века». К таковым были отнесены: неверные процентные подсчеты и отсутствие данных о количестве погребений, исходя из этого выводы сходстве культур являются недостоверными; на картах указано неверное расположение памятников; при проведении статистического анализа были объединены типологически близкие вещи в одно целое. Особое внимание в докладе уделялось критике использованных лингвистических данных [Голдина, Напольских, 2013].

В скором времени В.А. Иванов дал подробный ответ на замечания по поводу неверных статистических подсчетов в монографии «Угры Предуралья в древности и средние века». Исследователь пояснил методику проведения статистического анализа и почему при сумми-

ровании признаков на получается 100 %. Это связано с тем, что сравниваются только «представительные признаки, которые перешагнули «порог значимости» [Иванов, 2015, с. 203]. В.А. Иванов соглашается, что в одном случае действительно были ограхи в расчетах, и представил перепроверенные данные, которые, в конечном счете, не отразились на выводах [Иванов, 2015, с. 205].

Р.Д. Голдина в статье «К итогам дискуссии “Угры в Предуралье”» попыталась поставить точку и еще раз обозначить несогласие с угорской принадлежностью следующих признаков: 1) погребальные маски. Исследовательница отметила, что погребальные маски использовали в обряде захоронения не только угры, но и, например, они известны по материалам Древней Греции, Пальмиры, Южной Индии, Древней Руси и т.д.; 2) умерших сопровождали шкурами лошадей с головами и нижними частями ног. Р.Д. Голдина, опираясь и на других исследователей, связывала культ коня в венгерских и булгарских захоронениях с печенежским влиянием. Также она отмечала, что на Неволинском могильнике всего в 6,8 % похорон встречаются кости лошади и являются следами поминальной тризы; 3) круглодонная лепная керамика со шнуро-гребенчатым орнаментом. Р.Д. Голдина привела примеры использования такого орнамента в разных культурах, в том числе Среднем Поволжье и Ветлужско-Вятском междуречье традиция украшать шнуром керамику имеет глубокие корни. По мнению исследовательницы, приведенные аргументы не позволяют говорить о том, что памятники ломоватовской культуры были оставлены угорским населением [Голдина, 2016, с. 103–105].

Г.П. Головчанский и А.Ф. Мельничук в статье, посвященной проблеме современного этнокультурного и хронологического восприятия древностей Верхнего Прикамья, критиковали идею о смене этнического состава населения Верхнего Прикамья и, соответственно, ломоватовской культуры на родановскую в XI в. В качестве контраргументов Г.П. Головчанский и А.Ф. Мельничук отмечают, что кремация – это не хронологический признак, а в первую очередь территориальный. Так, кремация наравне с ингумацией характерна только для северных памятников ломоватовской культуры, что «можно объяснить с их взаимодействием с родственными ванвиздинскими общинами, у которых существовала биобрядность захоронений». Обеднение погребального инвентаря, о чем писали сторонники угорской концепции, Г.П. Головчанский и А.Ф. Мельничук объясняли не сменой культур, а послемонгольским временем [Головчанский, Мельничук, 2017, с. 17–20]. Иных аргументов в опровержение, связанных с погребальным обрядом, указанные исследователи не привели. На их взгляд, нет подтверждений тому, что в XI в. угорское население сменилось на пермских финнов, и соответственно, что вообще доминировало угорское население в VII–XI вв.

В последние годы А.М. Белавин активно продвигал идею о проживании группы венгерского населения на территории Пермского Предуралья в X–XI в. В статье А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой, А.В. Данича «Венгерские (мадьярские) черты погребального обряда средневековых могильников Предуралья» представлены результаты статистического анализа исследования мужских захоронений на Баяновском и Рождественском могильниках. Исследователи пришли к выводу, что к венгерским чертам погребального обряда можно отнести наличие в могильных ямах сумочек, погребальных масок и драгоценных поясов, которые сопровождали захоронения социальной элиты [Белавин, Крыласова, Данич, 2018, с. 8–10]. Дальнейшее изучение этой темы нашло отражение в статье А.М. Белавина, В.А. Иванова, Н.Б. Крыласовой «Археологические признаки культуры древних венгров на Урале: реальные и мнимые». Помимо выделенных уже ранее признаков авторы обратили внимание на наличие в погребениях таких венгерских черт, как серебряные подвески-всадники (Рождественский, Баяновский могильники) и сабли (Баяновский могильник) [Белавин, Иванов, Крыласова, 2021, с. 39–40].

В данной статье рассмотрены не все публикации А.М. Белавина, посвященные угорскому вопросу, только наиболее основные и дискуссионные. Более полно с историографией угорской концепции в трудах А.М. Белавина можно ознакомиться в статье В.А. Иванова «Творческий путь Андрея Михайловича Белавина «Из булгар в угри» [Иванов, 2024].

Сейчас накал дискуссии спал, но исследователи так и не пришли к единому мнению. Несмотря на то что обсуждение данной темы не всегда носило корректный характер, в ходе споров археологи перепроверяли данные, пересматривали опубликованные материалы, смотрели на источники под новым углом, что в свою очередь дало импульс для развития местной археологической науки.

Подводя итоги, стоит отметить, что еще в дореволюционное время была выдвинута идея угорской принадлежности средневековых древностей. Тогда были предприняты первые попытки интерпретировать имеющийся археологический материал, обращались к этнографическим данным, легендам и лингвистике. Кто-то находил подтверждение того, что ранее в Пермском Предуралье проживали угры, а кто-то видел связь с местными коми-пермяками. В советское время постепенно утвердилась идея автохтонного происхождения коми-пермяков, и несколько десятилетий не велось обсуждений по поводу этнической принадлежности средневекового населения Пермского Предуралья. В постсоветское время активно накапливался новый археологический материал, пересматривался старый. Постепенно возродили идею присутствия угорского населения в Предуралье. Среди пермских ученых эту идею впервые озвучил А.М. Белавин и в дальнейшем ее активно продвигал. Итогом научных изысканий по данному вопросу стала публикация коллективной монографии А.М. Белавина, В.А. Иванова, Н.Б. Крыласовой «Угры Предуралья в древности и средние века». После выхода в свет данной работы началась активная научная дискуссия между сторонниками автохтонного происхождения пермских финнов (Р.Д. Голдина, Г.Н. Чагин, А.Ф. Мельничук, И.Ю. Пастушенко и др.) и сторонниками угорской концепции (А.М. Белавин, В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова), которая нашла отражение в докладах на крупных научных конференциях и публикации ряда статей. Сторонники концепции автохтонного происхождения пермских финнов в своих статьях в основном все сводят к критике угорских признаков и выискиванию неточностей (не хватающих или неверных ссылок, опечаток) в трудах своих оппонентов, но при этом, как это было отмечено ранее Н.Б. Крыласовой [Крыласова, 2012, с. 173], не приводят подтверждения того, что эти признаки могут быть характерны для пермского населения. Исключение составляют отсылки к лингвистике. Сторонники угорской концепции, наоборот, ищут все новые подтверждения своей теории и продолжают ее развивать.

Библиографический список

1. Анучин Д.Н. К истории искусства и верований у Приуральской чуди // Материалы по археологии восточных губерний. Т. 3. – М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1899. – 165 с.
2. Белавин А.М. О роли угров в этнической истории Верхнего Прикамья // XIII Уральское археологическое совещание (23–25 апр. 1996 г.) : тез. докл. Ч. 2. – Уфа : Восточный университет, 1996. – С. 61–62.
3. Белавин А.М. Опыт использования статистического анализа в определении этнической принадлежности археологических культур Предуралья эпохи Средневековья // Из археологии Поволжья и Приуралья: материалы II Халиковских чтений. – Казань : Школа, 2003. – С. 143–147.
4. Белавин А.М. Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2009. – Вып. VI. – С. 7–16.
5. Белавин А.М. «Серебро закамское» в истории и археологии Пермского Предуралья // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2013. – № 2. – С. 50–61.
6. Белавин А.М., Иванов В.А. К пониманию сущности угорской проблемы в Прикамье и Предуралье // Вестник Пермского университета. История. – 2011. – № 1 (15). – С. 173–180.
7. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Шнуровой орнамент – этнический маркер в культурах Предуралья эпохи железа! // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2009. – Вып. VI. – С. 118–124.

8. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Археологические признаки культуры древних венгров на Урале: реальные и мнимые // Золотоординское наследие : сб. ст., посвящ. 700-летию со дня рождения средневекового татарского поэта Сейфа Сараи. Вып. 4. – Казань : ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. – С. 35–42.
9. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Археологическое содержание и основные этапы формирования угорской ойкумены в Предуралье // II Международный Мадьярский симпозиум, 13–15 августа 2013 г. : сб. науч. тр. – Челябинск : Рифей, 2013. – С. 167–173.
10. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2009. – 285 с.
11. Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Бочаров И.В. К вопросу об этнической принадлежности средневекового населения Верхнего Прикамья // Уфимский археологический вестник. – 2007. – Вып. 6/7. – С. 131–145.
12. Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Данич А.В. Венгерские (мадьярские) черты погребального обряда средневековых могильников Предуралья // Археология евразийских степей. – 2018. – № 6. – С. 8–12.
13. Глушиков И.Н. Чердынские вогулы : этнограф. очерк. – М. : Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1900. – 64 с.
14. Голдина Р.Д. К итогам дискуссии «Угры в Предуралье» // Российская археология. – 2016. – № 2. – С. 102–119.
15. Голдина Р.Д., Напольских В.В. «Угорская эпоха в истории Прикамья»: научная гипотеза или историографический казус? // Переходные эпохи в археологии : материалы Все-рос. археол. конф. с междунар. участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар, 2013. – С. 90–92.
16. Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Проблема современного этнокультурного и хронологического восприятия средневековых древностей Верхнего Прикамья (конец I тыс. – первая половина II тыс. н. э.) // Этнокультурные процессы в странах и регионах : материалы междунар. науч.-практ. оч.-заоч. конф. – Киров : Аверс, 2017. – С. 13–26.
17. Дмитриев А.А. Историко-археологические очерки Чердынского края // Календарь Пермской губернии. – Пермь : Тип. Губ. правл., 1883. – С. 56–99.
18. Жаков К. По Иньве и Коце // Камасинский Я. Около Камы. Этнографические очерки и рассказы. – М. : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1905. – 211 с.
19. Иванов В.А. Творческий путь Андрея Михайловича Белавина «Из булгар в угри» // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2024. – Вып. XXV. – С. 82–90.
20. Иванов В.А. Угры Предуралья: продолжение темы // Поволжская археология. – 2015. – № 4 (14). – С. 201–219.
21. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. – М. : Наука, 1992. – 335 с.
22. Крыласова Н.Б. Использование песка в погребальном обряде средневековых угрев // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2009. – Вып. VI. – С. 92–97.
23. Крыласова Н.Б. Об «Угорской эпохе в Прикамье» говорить нужно // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2012. – № 1. – С. 168–175.
24. Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Шнуровой орнамент – этнический индикатор в культурах железного века Среднего Предуралья? // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2009. – Вып. VI. – С. 109–117.
25. Могильников В.А. Элементы древних угорских культур в материале хантыйского могильника Халас-Погор на Оби // Археология и этнография Башкирии. – 1964. – Т. 2. – С. 265–270.
26. Пастушенко И.Ю. Возможно ли говорить об «угорской эпохе в Прикамье» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2011. – № 1. – С. 144–150.
27. Смирнов И.Н. Пермяки // Известия общества археологии, истории и этнографии. Т. 9. – Казань : Тип. Имп. ун-та, 1891. – 289 с.
28. Теплоухов Ф.А. Древности, найденные в Чаньвенской пещере, Соликамского уезда // Пермский край. Т. 3. – Пермь : Пермским губ. стат. комитетом, 1895. – С. 3–74.

29. *Теплоухов А.Ф.* О произошедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // Ученые записки ПГУ. – 1960. – Т. 12, вып. 1. – С. 70–74.
30. *Теплоухов Ф.А.* Отиски статей и заметок о древностях Пермской губернии. – Пермь : Тип. н-ков Каменского, 1892–1895. – 280 с.
31. *Чагин Г.Н., Мельничук А.Ф.* Современное состояние «угорской концепции» в свете письменных и ономастических источников Пермского края // Вестник Пермского университета. История. – 2010. – № 2 (14). – С. 140–153.
32. *Шишинко В.Н.* Пермская летопись с 1263–1881. Первый период с 1263–1613. – Пермь : Тип. губ. зем. управы, 1884. – 238 с.
33. *Шмидт А.В.* О Чуди и ее гибели // Записки УОЛЕ. – 1927. – Т. XL, вып. II. – С. 49–53.

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-27-32-36

И.К. Ким
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ
АЛЕКСЕЯ ВИКТОРОВИЧА ШМИДТА

Католический университет им. Петера Пазманя, Венгрия

Аннотация. Алексей Викторович Шmidt был выдающимся исследователем археологии Волго-Уралья, преимущественно Прикамья, в 20-х и первой половине 30-х гг. XX в. Подобно всем прочим исследователям-археологам и в общем всем, кто в те годы в СССР занимался гуманитарными науками, в определенный момент ему потребовалось изменить свое научное мировоззрение в соответствии с принятыми тогда идеологическими доктринаами. В предлагаемой статье рассматриваются некоторые аспекты его научных взглядов до и после «великого перелома» 1930 г. на примере двух его работ о пермском зверином стиле, также затрагивается ранневенгерская проблематика, которой он занимался в значительно меньшей степени, но тем не менее работал с ней в духе своего времени. Помимо этого, дается краткая характеристика применявшейся им (равно как и другими его современниками и коллегами) методологии.

Ключевые слова: «история материальной культуры», теория стадиальности, «лингво-археологический» подход, «великий перелом», пермский звериный стиль, ранние венгры

I.K. Kim
SOME ASPECTS OF ALEXEY VIKTOROVICH
SCHMIDT'S ACADEMIC VIEWPOINTS

Pázmány Péter Catholic University, Hungary

Abstract. Alexey Viktorovich Schmidt was an outstanding researcher of archeology of the Volga-Ural region, mainly the Kama region, in the 20^s and first half of the 30^s of the XX century. Like all other researchers-archaeologists and, in general, all those who in those years in the USSR were engaged in the humanities, at a certain moment he had to change his scientific outlook in accordance with the then accepted ideological doctrines. This article discusses some aspects of his scientific views before and after the “great turning point” of 1930 on the example of his two works about the Perm animal style; it also touches upon Early Hungarian problems, which he dealt with to a much lesser extent, but nevertheless worked with them in the spirit of his time. In addition, a brief characterization of the methodology he (as well as his other contemporaries and colleagues) used is given.

Keywords: «history of material culture», stadiality theory, «linguistic-archaeological» approach, «great turning point», Perm animal style, early Hungarians

А.В. Шmidt (1894–1935) прожил недолгую, но плодотворную жизнь, став одним из знаковых исследователей древностей Урала и одним из основателей прикамской археологии [Коробейников, Оконникова, 2007]. То относительно короткое время, в течение которого он вел свою исследовательскую деятельность, совпало с коренным переустройством советского общества во всех его сферах, в том числе и в научной. Изменения научных парадигм, по большей части происходившие «сверху», напрямую затронули труды всех советских архео-

логов, и пример Шмидта в этой связи весьма показателен. Вышедшая в 1930 г. программная работа В.И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры» идеологически обосновала ту систему координат, на которую отныне должны были равняться исследователи. Для советской археологии, таким образом, этот год стал годом «великого перелома», когда от «буржуазного вещеведения» специалистам надлежало перейти к марксистской «истории материальной культуры». Впрочем, «история материальной культуры» основывалась не только на марксизме, но и на таких учениях, как марризм и теория стадиальности. Методы и подходы «историков материальной культуры» подчас отличались своеобразием, и один из них заслуживает рассмотрения, поскольку на его основе А.В. Шмидт производил некоторые историко-археологические выводы.

Г. Дьёни назвал этот подход «лингво-археологическим». В советской литературе 20–30-х гг. такой термин отсутствует. Особенностью «лингво-археологического» подхода, как и современного междисциплинарного синтеза гуманитарных дисциплин, широко использующихся в исторических исследованиях, является соединение исторических, этнографических, лингвистических и археологических данных. Однако особенностью «лингво-археологического» подхода являлось то, что он базировался на «новом учении о языке». Перед ним стояла задача реконструировать не только этногенетические связи, но и формы общественных отношений [Дьёни, 2007, с. 9]. Этот подход не стоит путать с теорией стадиальности, несмотря на то, что обе эти парадигмы так или иначе связаны с марризмом. Н.И. Платонова указывает, что в отечественной науке 10–20-х гг. ХХ в. идеи «мутационных изменений» в культуре не были маргинальными, а, напротив, брали свои корни из научной традиции Н.П. Кондакова [Платонова, 2010, с. 256]. Этим можно объяснить то обстоятельство, что ссылки на работы Н.Я. Марра в работах археологов того времени нередко были сугубо формальными. Что касается «лингво-археологического» подхода, то он – самое что ни на есть детище марризма. Иными словами, теория стадиальности в общих чертах, которая сама по себе не отрицает и не приижает значимость миграций, сформировалась еще до внедрения «нового учения о языке», марризм ее лишь модифицировал. А вот «лингво-археологический» подход – своего рода синтез теории стадиальности с марризмом.

Немалый интерес в этой связи представляет сравнение двух работ – «К вопросу о происхождении пермского звериного стиля» (1926) и «О кладе из Подчёрёма» (1931). И первая, и вторая работы посвящены культовой металлокерамике, которую относят к пермскому звериному стилю.

Говоря о пермском зверином стиле в первой из этих работ, А.В. Шмидт приводит точку зрения, что только стилистический разбор способен установить хронологическую принадлежность этих артефактов [Шмидт, 1927, с. 136]. Действительно, артефакты, найденные без контекста, который, как известно, содержит едва ли не больше информации о предмете, чем сам предмет, можно изучать только в таком ключе. Иного выхода у Шмидта не было: многие из рассматриваемых им в данной работе вещей были найдены в отсутствующем контексте – он упоминает, что среди них была целая группа случайных находок [Шмидт, 1927, с. 157]. Описывая стилистические особенности предметов звериного стиля, Шмидт не строит жесткую типологическую схему, однако все же классифицирует данные предметы. При этом артефакты он рассматривает сами по себе, не делая определенных выводов о причинах, приведших к изменениям тех или иных изделий. «В птицах с Гляденовского костища мы видим продолжение и развитие обоих мотивов. Птица с головой человека уже отсутствует, но вместо нее появляется птица с головой ушастого филина. По-видимому, перед нами весьма естественная замена переставшего быть понятным изображения птицы с человеческой головой более привычным образом тоже широкоголовой и ушастой птицы, филина» [Шмидт, 1927, с. 146]. Что привело к замене одного образа на другой, Шмидта здесь не интересует. Ему здесь интересна эволюция образов сама по себе. Помимо этого, Шмидт не делает однозначных выводов о том, являются ли эти предметы культовыми или нет. «Как показывают условия находок, полые фигурки подвешивались к женскому костюму на длинных кожаных ремешках; пернская доисторическая женская одежда некоторых эпох напоминала этими ре-

мешками шаманские костюмы современных сибирских туземцев. Имели ли эти фигурки какое-нибудь религиозное значение, трудно сказать. Очень возможно, что в ломоватовскую эпоху и позднее они являлись простыми украшениями» [Шмидт, 1927, с. 156]. Впрочем, в других местах своей работы он говорит о вотивном, т.е. жертвенном их назначении, но это относится к более ранним изделиям, найденным на Гляденовском костище. Иными словами, говоря о пермском зверином стиле, А.В. Шмидт больше внимания уделяет именно стилистическим особенностям, а прочие вопросы рассматривает в меньшей степени.

Теперь охарактеризуем его работу «О кладе из Подчёрёма». Эта статья, в отличие от предыдущей, небольшая и посвящается не всему пермскому звериному стилю, а всего лишь одному-единственному кладу.

В этой работе, написанной уже после «великого перелома» 1930 г., ощущается изменение научной парадигмы, которой следовал А.В. Шмидт. Если в «К вопросу о происхождении...» он почти все внимание уделил стилистическим особенностям предметов культового литья и основанной на этих выкладках хронологии, то здесь он почти сразу, буквально уже на второй странице, ставит вопрос о функциональности вещей Подчёрёмского клада (заметим, что сомнений о том, что все эти предметы были частями костюма, у него не возникает) [Шмидт, 1931, с. 51–52]. Обращает внимание читателя Шмидт и на то, что клад богат изображениями животных, что, по его мнению, и дает «ключ к разгадке функционального значения подчёрёмской одежды» [Шмидт, 1931, с. 51–52]. Далее он утверждает, что данный набор вещей был частью шаманского костюма, приводя этнографические параллели с народами Сибири. Любопытно и то, что если в предыдущей работе Шмидт, говоря о предметах металлопластики ломоватовского времени (VI–VIII вв.), оставляет открытым вопрос, культовые предметы были или нет, то здесь он уже однозначно утверждает, что это костюм шаманский, а значит, и ритуальный. Сложно дать однозначный ответ на вопрос, откуда происходит такая смена взглядов. Писал ли Шмидт, ожидая определенную реакцию от идеологов – Равдоникаса, Быковского, Худякова? Или это был всего лишь его отклик на свои же собственные мысли, как интерпретировать находки, решение прибегнуть к другой гипотезе? Как бы то ни было, утверждение Шмидта о том, что данные вещи шаманские, потому что изображения на них богаты зооморфными мотивами, в должной мере логично. Разумеется, в статье, написанной после «великого перелома», не могло не быть выкладок социологического характера. «Пермское общество ломоватовской эпохи – это разлагающиеся родовые земледельческие общины... Примитивно-родовое общество охотников и рыболовов Печорского края было объектом эксплуатации со стороны пермских ломоватовских “промышленников”...» [Шмидт, 1931, с. 52–53].

Ранневенгерская проблематика, на которую обратил внимание А.В. Шмидт, занимаясь археологией Приуралья, также представлена в его трудах как часть «истории материальной культуры». Впрочем, работы знакомого и коллеги Шмидта Н. Феттиха, впервые приехавшего в Советский Союз с целью знакомства с коллекциями советских музеев в 1926 г., «историки материальной культуры», вне всякого сомнения, также сочли бы «вещеведением», если бы владели венгерским языком. Как известно, работая с материалами советских музеев, Феттих обнаружил аналогии находкам эпохи завоевания родины на севере Пермского края, которыми он счел материалы Редикорского могильника на Верхней Каме, причем редикорский комплекс он считал относящимся к «искусству древнемадьярской группы памятников». Эти аналогии носили весьма поверхностный характер. Однако монографии Феттиха 1929 и 1937 гг., в сборе материала для которых принял участие и Шмидт, внесли важный вклад в изучение венгров в эпоху миграции. Роль самого А.В. Шмидта в подготовке своего фундаментального исследования 1937 г. Н. Феттих оценивал высоко: в числе людей, которым он выражает благодарность на страницах монографии, помещен А.В. Шмидт [Fettich, 1937, р. 6].

Самостоятельные же работы, связанные с ранними венграми, Шмидт начал выполнять в 1928 г., когда он проводил раскопки Бахмутинского могильника (рис. 1). Проанализировав культурный комплекс этого могильника, выделив на его основе новую археологическую культуру, датированную им IV–VII вв., Шмидт пришел к выводу, что носителями этой куль-

туры были ранние венгры. Однако несмотря на то, что сам Шмидт в «Археологических изысканиях Башкирской экспедиции...» заявлял, что венгерская прародина может быть установлена по археологическому материалу [Шмидт, 1929, с. 26], он базировал свою этническую атрибуцию бахмутинской культуры на умозрительной и совершенно не археологической догадке: венгерская прародина располагалась в лесной зоне, так как именно на этой территории расселены ханты и манси – ближайшие языковые родственники венгров [Шмидт, 1929, с. 16]. Еще Шмидт предположил, что дата окончания функционирования бахмутина в VII в. может означать уход предков венгров с территории Башкирии, однако придал этому тезису формат гипотезы [Шмидт, 1929, с. 26]. Время показало, что эта концепция ошибочна и фактологически, и методологически, однако она была в духе теории стадиальности и «лингво-археологического» подхода, охарактеризованного выше. Особый интерес вызывает то, что к таким выводам А.В. Шмидт пришел еще до того, как «история материальной культуры» полностью возобладала в советской археологии. Впрочем, это обстоятельство можно объяснить следующим образом: несмотря на «великий перелом», определенные научные взгляды, связанные с «историей материальной культуры», теорией стадиальности и пр., были распространены и тогда.

Немаловажен и тот факт, что, руководствуясь данной методологией, Шмидт смог в этом вопросе и совершить определенное прогрессивное движение. Так, руководствуясь теорией автохтонного этнического развития, он показал, что отождествление венгров с носителями культур раннего железного века, например, с ананьинской, как считал Тальгрен, ошибочно.

М.Г. Худяков в своей статье, написанной им после смерти Шмидта, где он охарактеризовал его научное наследие, указывал, что «все эти миграционные представления грешили поисками этнических определений и <...> этногенез считался неразрывно связанным с миграциями» [Худяков, 1935, с. 135]. И также он писал, что в более поздних работах Шмидт эти неудовлетворительные для «истории материальной культуры» представления преодолел. При этом с высказанными Шмидтом тезисами о ранних венграх Худяков не спорил, по-видимому, понимая, что на современном ему уровне развития науки весомых аргументов «против» просто не существует. Таким образом, вклад Шмидта в археологию Волго-Уралья с учетом его, можно сказать, смешанных представлений (старое «вещеведение» и новая «история материальной культуры»), по сей день имеет несомненную ценность.

Библиографический список

1. Дьёни Г. Протовенгры на Урале в первом тыс. н. э. в российской и венгерской историографии : дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2007. – 248 с.
2. Коробейников А.В., Оконникова Т.И. А.В. Шмидт – один из основателей прикамской археологии. – Ижевск, 2007. – 20 с.
3. Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. – СПб., 2010. – 316 с.
4. Худяков М.Г. Вклад А. В. Шмидта в археологию Прикамья и Приуралья // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1935. – № 9/10. – С. 129–143.
5. Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук. (Предварительный отчет о работах 1928 г.) / Прил. к № 8–9 «Хозяйства Башкирии» за 1929 год. – Уфа : Изд. Госплана Башкирской АССР, 1929. – 28 с.
6. Шмидт А.В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сборник МАЭ. – 1927. – Вып. VI. – С. 125–164.
7. Шмидт А.В. О кладе из Подчерёма // Сообщения ГАИМК. – 1931. – Вып. 11/12. – С. 51–55.
8. Fettich N. A honfoglaló magyarság fémművessége. – Budapest, 1937.

Рис. 1. Расположение Бахмутинского могильника

УДК 623.11

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-27-37-39

**А.М. Губайдуллин
ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ**

Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии РТ, Казань, РФ

Аннотация. Представлен краткий анализ укрепленных поселений раннего железного века, расположенных на территории Урало-Поволжья, на основе опубликованных много летних археологических изысканий ряда исследователей и в первую очередь исследований Приуралья выдающегося археолога В.А. Иванова, составившего свод памятников и их особенностей, включая памятники ранней фортификации. Рассматривается целый комплекс оборонительных мероприятий, которые осуществлялись населением этого региона. Здесь делается попытка выявления общих закономерностей, а также различий по расположению на местности городищ, системам их оборонительных линий и типам дерево-земляных защитных сооружений, ограждавших поселения того времени. В статье ставится вопрос и о возможном внешнем влиянии, касающемся этой ранней фортификации, или об отсутствии такового.

Ключевые слова: археология, Урало-Поволжье, ранний железный век, укрепленные поселения

**A.M. Gubaidullin
ON THE RESEARCH OF DEFENSIVE STRUCTURES
OF THE EARLY IRON AGE OF THE URAL-VOLGA REGION**

Institute of Archaeological named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy
of Sciences, Kazan, Russian Federation

Abstract. A brief analysis of the fortified settlements of the Early Iron Age located on the territory of the Ural-Volga region is presented, based on the published long-term archaeological surveys of a number of researchers and, first of all, the studies of the Ural region by the outstanding archaeologist V.A. Ivanov, who compiled a set of monuments and their features, including monuments of early fortification. The article discusses a whole set of defensive measures that were carried out by the population of this region. Here, an attempt is made to identify general laws, as well as differences in the location on the terrain, the systems of their defensive lines and types of wood-earth protective structures that protected the settlements of the time. The article raises the question of the possible external influence regarding this early fortification, or the absence of one.

Keywords: archaeology, Ural-Volga region, early Iron Age, fortified settlements

Археологические исследования памятников эпохи раннего железа региона Урало-Поволжья имеют довольно длительную историю. Это же касается и изучения укрепленных поселений того времени. Научная литература по этому вопросу очень обширна, поэтому в рамках одной статьи рассмотреть ее не представляется возможным. В этом плане мы можем отметить таких исследователей как, например, А.В. Збруева, А.Х. Халиков, В.Ф. Генинг, Б.Б. Агеев, В.Н. Марков, Л.И. Ашихмина и многие другие.

Несомненно, в этом ряду почетное место занимает известный ученый-исследователь, археолог В.А. Иванов, посвятивший свою научную жизнь изучению различных проблем, касающихся многих аспектов историко-археологической науки. Важную область в работе ис-

следователя занимало и занимает рассмотрение вооружения и военного дела раннего железного века Приуралья. Например, в его монографии, опубликованной в 1984 г., обращается внимание на оборонительные сооружения памятников того периода [Иванов, 1984]. В ней В.А. Иванов дал развернутую характеристику теме комплексной защиты поселений и организации их обороны, применявшейся с I тыс. до н. э. по первую половину I тыс. н. э. Исследователь проследил также и развитие фортификации за этот хронологический период, тесно связывая это с угрозами вторжения южных кочевников [Иванов, 1984, с. 42].

Интересно и его замечание об увеличении площадей городищ с течением времени [Иванов, 1984, с. 44], что, по-видимому, можно связать с изменениями, произошедшими в системе взаимодействия между различными группами ананьинского населения. Это, начиная от существовавших нескольких разрозненных коллективов, до более крупных сообществ перед лицом внешнего военного давления. Прослеживаются также и различные способы возведения оборонительных насыпей, ограждавших поселения, причем на разных хронологических стадиях, где исследователь сопоставляет валы пьяноборских, караабызских и мазунинских городищ [Иванов, 1984, рис. 14, 16]. С чем можно связать это – вопрос открытый. Например, в эпоху Средневековья данный факт свидетельствовал о влиянии существовавших в то время определенных навыков и даже «школ» среди строителей-градодельцев [Губайдуллин, 2019]. Однако это присуще государственным образованиям, в то время как в раннем железном веке на территории Урало-Поволжья таковых еще не было, в отличие от Средней Азии и Востока. Поэтому, по нашему мнению, здесь имеется тема для будущих исследований.

В своей работе В.А. Иванов обращает внимание и на расположение на местности памятников, а также рассматривает количество их линий обороны, где видны и некоторые различия между типами мысовых городищ и их линиями укреплений [Иванов, 1984, с. 52–53, рис. 15]. Все это также позволяет лучше понимать общие тенденции, а вместе с этим и знания в строительстве укрепленных поселений, которые были характерны для населения региона в ту эпоху. Исследователь приводит и описание остатков наземных конструкций, которые были выявлены в ходе археологических раскопок, тогда как сами насыпи валов иногда обмазывались глиной или обкладывались камнем [Иванов, 1984, с. 60–62]. По ним мы можем судить об определенном разнообразии возводимых оборонительных оград – от частокола и плетня, до столбовых конструкций.

Таким образом, В.А. Иванов в своей монографии приводит целый свод имеющихся данных, накопленных на протяжении нескольких десятков лет. Все это показывает нам всю сложность и разнообразие археологических свидетельств существования различных финно-угорских культур на территории Приуралья в раннем железном веке на примере укрепленных поселений. По мнению исследователя, проанализировавшего системы и конструкции оборонительных сооружений, «...развитие фортификационного дела у оседлого населения региона рассматриваемого времени происходило исключительно на местной основе», что свидетельствует «...об этнической преемственности их создателей» [Иванов, 1984, с. 67].

Для сравнения можно привести и некоторые другие археологические памятники того времени. Например, укрепленные поселения городецкой культуры, расположенные в Среднем Поволжье. Их число доходит примерно до 170, которые существовали с VII в. до н. э. и до первой половины I тыс. н. э. [Челяпов, Буланкин, Губайдуллин, 2002]. Их типология по размещению на местности более разнообразна. Как и на территории Приуралья, наибольшее число памятников относится к мысовым, но также имеются городища, занимающие останцы террас, холмы, примыкающие к обрыву или краю террасы, расположенные на дюнах в поймах рек, круговые на ровной местности, а также так называемые сложнomyсовые [Челяпов, Буланкин, Губайдуллин, 2002, с. 5]. Среди них видно определенное разнообразие, например, по количеству оборонительных линий, иногда доходящих до трех. Фиксируются также и дополнительные линии валов и в редких случаях системы проездов на городища. Последние представляют собой въезды, устроенные между оконечностями укреплений и краем площадки, по языковидным скатам террас, а также между оконечностями укреплений, когда один

вал заходил за другой в виде небольшого коридора [Челяпов, Буланкин, Губайдуллин, 2002, с. 7–8]. По-видимому, здесь мы видим какие-то заимствования и влияния окружающих народов, что фиксируется на разнообразии типов памятников и их оборонительных линий.

Сами оборонительные сооружения городецких поселений относятся к типу деревоzemляных. Здесь не прослеживается какое-либо разнообразие, особенно в деревянных конструкциях, что несколько соответствует и другим городищам Урало-Поволжья. Это, в основном, частокол или плетень, но в некоторых случаях фиксируются и своеобразные клети из вертикальных бревен, которые К.А. Смирнов связывал со следами от построек типа «жилых стен» и влиянием балтского населения [Смирнов, 1994, с. 7]. Все это свидетельствует о том, что население этого региона не было изолировано от окружающих территорий в раннем железном веке, когда происходили различные заимствования в материальной культуре.

В последнее время изучение памятников этой эпохи продолжается целыми коллектиками исследователей. Так, городищам и их оборонительным сооружениям ананынской культурно-исторической области посвящаются статьи и коллективные монографии, в которых, в частности, привлекаются и данные почтоведения [Скорняковское городище …, 2016]. Таким образом, заметно активизировались исследования, касающиеся ананынской проблематики и в целом раннего железного века.

Библиографический список

1. Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. // Археология Евразийских степей / отв. ред. А.Г. Ситдиков. – Казань : Orange Key, 2019. – № 3. – 323 с.
2. Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.). – М. : Наука, 1984. – 88 с.
3. Скорняковское городище на Вятке / А.А. Чижевский, Е.М. Черных, А.А. Хисяметдинова и др. // Археология евразийских степей. Вып. 22 / под ред. С.В. Кузьминых. – Казань : Казанская недвижимость, 2016. – 156 с.
4. Смирнов К.А. Эволюция укреплений на поселениях Верхней Волги в эпоху раннего железа. Проблемы средневековой археологии волжских финнов // АЭМК. Вып. 23 / под ред. Г.А. Архипова, Т.Б. Никитиной. – Йошкар-Ола : МарНИИ, 1994. – С. 5–8.
5. Челяпов В.П., Буланкин В.М., Губайдуллин А.М. К вопросу о фортификации городищ городецкого времени Среднего Поволжья // Finno-Ugrica / под ред. Е.П. Казакова. – Казань : ИИ АН РТ, 2002. – С. 4–14.

УДК 904

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-27-40-46

Н.П. Матвеева¹, А.Е. Мосина²
О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ДРЕВО-ЗЕМЛЯНЫХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ*

^{1, 2}Тюменский государственный университет, Тюмень, РФ

Аннотация. Авторы показали, что развитие темы проходило от соображений здравого смысла в интерпретации фортификаций к научно обоснованным реконструкциям на основе измерений и расчетов. Указано на необходимость анализа источника с учетом его сложности и вероятной компрессии следов разновременных строительных работ с применением различных материалов. Оборонительная архитектура выражена в планировке, устройстве и эволюции сооружений, обусловленных природными условиями и военными задачами. От них зависели мощность укреплений, характер их руинирования, причины их перестройки. Для определения размеров преград используется принцип тождества площади профиля изначальных валов и рва, если из рва делали выемку для насыпи, при превышении площади сечения первого над вторым делался вывод о привнесении грунта из других мест. Для насыпных валов расчет высоты опирается на допустимый угол откосов при определенном составе грунта. Выделены археологические признаки забутовки стен, руинирования срубов с заполнением и полых клетей, перекладных, крюковых, столбовых, колодезных, въездных конструкций, а также досыпок валов, обновления рвов, эскарпов, потайных ходов, в том числе нетипичных элементов, линейных и вспомогательных укреплений. Обоснован отказ от интерпретации сложных валов как каркасных с приспами в пользу бревенчатых стен с земляным заполнением. В методику оценки обороноспособности городищ включается совокупность признаков характеристики местности, сложности и размеров архитектурных сооружений, в методику реконструкции военных задач – различные параметры деятельности субъектов строительства: архитектора, руководителя и исполнителей.

Ключевые слова: археология, Средневековье, древо-земляные фортификации, методика

N.P. Matveeva¹, A.Ye. Mosina²
ON THE METHODOLOGY OF STUDYING
MEDIEVAL TIMBER-GROUD DEFENSES

^{1, 2}Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

Abstract. In the article ‘On the methodology of studying medieval timber-ground defenses’ authors showed that the topic evolved from common sense considerations to scientifically based reconstructions realized through measurements and calculations in the interpretation of fortifications. We have pointed out the need to take into account in analyzing the source of its complexity and the fact that traces of different construction works with different materials may have been subject to compression. Defensive architecture is expressed in the layout, arrangement and evolution of structures determined by natural conditions and military objectives. The capacity of the fortifications, the way they were ruined and the reasons for their rebuilding depended on these aspects. To determine the size of the barriers, we used the principle in which the profiles of a rampart and

a ditch are considered identical if the ditch was excavated for an embankment. If the cross-sectional area of the former exceeds that of the latter, a conclusion is drawn about the introduction of soil from elsewhere. For ground ramparts the height calculation is based on the allowable slope angle for a certain soil composition. We have highlighted archaeological signs of filling walls and ruins of their hollow elements, overhead, hook, post, well, entrance structures, as well as renewal of ramparts and ditches, escarpments, secret passages, including atypical elements, linear and auxiliary fortifications. The refusal to explain complex ramparts with earth slopes as frame structures and prisps was justified. The methodology for assessing the defense capacity includes the characteristics of the terrain, the complexity and size of architectural structures of ancient settlement sites. Different parameters of the construction participants are used: architect, manager and executors in order to reconstruct military tasks.

Keywords: archaeology, Middle Ages, timber-ground fortifications, methodology

Отмечая научные заслуги В.А. Иванова в изучении раннего железного века и Средневековья европейской истории в прошлом, обратим внимание на относительно редкий в литературе анализ оборонительных сооружений городищ Приуралья в системном ключе [Иванов, 1984, с. 41–68], проведенный им для эпохи раннего железного века и не утративший полезности за сорок лет. Автору удалось дать характеристику автохтонной традиции оборонительного строительства, выделив в ней социально-политические и этнокультурные компоненты [Иванов, 1984, с. 66].

В тематике оборонительного зодчества можно выделить четыре основных направления: реконструкция сооружений, оценка их обороноспособности, моделирование тактики нападения и обороны, типология укрепленных поселений. Мы остановимся на методике анализа руинированных археологических сооружений и их реконструкции, которая имеет не только локальное значение, а может быть применима ко всем памятникам лесной и лесостепной зоны с рыхлыми отложениями. Только аргументированный анализ источника с пониманием его сложности и вероятной компрессии следов разновременных строительных работ с применением различных материалов может приблизить нас к пониманию роли укреплений, особенностей архитектуры, тех или иных культурных традиций, общего социально-политического уровня поселений, что ведет в конечном итоге к общей типологии поселений.

Так как практически во всех случаях исследователи имеют дело с фрагментированными и разрушенными сооружениями, их реконструкция первоначально строилась на сопоставлении с письменными источниками и соображениях здравого смысла. Постепенно сложилась более сложная и научно значимая процедура в силу ее большей объективности и проверяемости, основанная на анализе планиграфических наблюдений при раскопках, стратиграфии напластований, привлечении архитектурных расчетов. Для изучения оборонительного зодчества, выраженного в планировке, устройстве и эволюции сооружений, следовательно, и строительных приемов, требуется установить ландшафтные особенности, размеры и формы преград, материалы, от которых зависела мощность укреплений (ввиду стратегической значимости охраняемой территории и трудозатрат), характер их руинирования, причины их перестройки.

Традиционный анализ стратиграфии и планиграфии включает в себя тщательное изучение состава слоев и прослоек (разновидности грунта, их морфологические особенности, включения, нарушения, перемещение, распределение находок) и их датировки. Именно он во многом определяет дальнейшую реконструкцию сооружений по их следам и остаткам. Поэтому допущение неточностей в описаниях фактов или их сопоставлении между собой скрывается на характере интерпретации изначального и трансформированного облика конструкций. Для исключения этих неточностей и определения круга информационных возможностей памятника исследователями проводится обязательная критика источников, анализ и дополнение работ предшественников, а также предлагаются новые методики. Как правило, удается относительно легко интерпретировать остатки кратковременно существовавших сооружений по отчетливым различиям в цветности, плотности и составе слоев, особенно в слу-

чаях их геометрически правильного залегания. Однако в случаях нескольких перестроек, значительных перемещений грунтов, обрушений и истлевания бревенчатых конструкций, задачи восстановления изначальных размеров и форм становятся трудно разрешимыми.

Исследуя «Змиевые валы», длинные пограничные линии на юге Древней Руси, М.П. Кучера предложил для вычисления их изначальных размеров два способа [Кучера, 1987, с. 115–116]. В их основе лежит определение площади поперечного сечения (т.е. профиля) изначального вала. Первый метод заключается в реализации принципа тождества площади профиля рва с площадью профиля вала в его изначальном состоянии [Кучера, 1987, с. 115]. Ров, как правило, является наиболее сохранившимся элементом оборонительной линии, и зачастую представлял собой главный источник грунта для насыпи, поэтому использование площади его профиля в качестве переменной для вычисления высоты вала оправдано, и широко используется археологами. Однако М.П. Кучера обращал внимание на тот факт, что значительная часть грунта нередко могла привноситься из других мест, например, с жилой площадки городища, что не раз было установлено [Раппопорт, 1956, с. 71]. По этой причине он придерживался второго метода, по которому производился расчет площадей профилей обеих конструкций. Они сопоставлялись, и если сечение рва получалось меньше, делался вывод, что он не был единственным местом выемки грунта. В таком случае размеры вычислялись посредством определения ширины подошвы (основания профиля) изначальной конструкции и суммирования мощности нижней и верхней частей тела вала [Кучера, 1987, с. 116–122].

Так как предметом исследования М.П. Кучеры были стены из дерева и земли, часть основания устанавливалась по ширине срубов. Другую часть представляли откосы вала, для вычисления основания которых автор взял их «максимальную крутизну», т.е. угол 45 градусов. Исследователь отдавал себе отчет в том, что часть оплавившей в ров земли, которая также включалась в профиль руинированной насыпи, могла сползти с напольной стороны, т.е. не иметь к изначальной конструкции никакого отношения. Так или иначе, оба способа не претендуют на максимально точную реконструкцию размеров: первый не учитывает вероятность добычи грунта из других источников, второй, наоборот, включает в расчеты объем грунта, которого могло в постройке не быть. Более того, сама целесообразность реконструкции дерево-земляных конструкций именно как каркасных валов поставлена некоторыми исследователями под сомнение [Борисевич, 1987; Моргунов, 2009; Коваль, 2024].

А.В. Коробейников вносит уточнения в методику реконструкции первоначальной высоты насыпных валов добавлением анализа структуры грунта. Идея состоит в определении угла естественного откоса насыпи как переменной для вычисления высоты. Поскольку этот параметр зависит от типа грунта (песок, супесь, суглинок, глина, щебень и др.), для его определения используются строительные нормативы. Согласно им, при создании насыпей из неоднородного грунта, какими найденные при раскопках сооружения часто являются, максимально допустимая крутизна их откоса определяется типом наиболее слабого грунта, так песок дает 45° , а глина – 60° . Таким образом, определив с помощью стратиграфического анализа данный тип в структуре вала, можно выявить максимально допустимую крутизну откоса (в градусах) и рассчитать проектную высоту постройки [Коробейников, 2006, с. 212–233]. Интересно предложение А.В. Коробейникова по установлению по азимуту вертикального или наклонного характера и шага столбов, но что довольно трудоемко в его способе [Коробейников, 2005, с. 40–56]. Обычно это успешно делается по стандартной методике путем вертикального разреза заполнения ямок. Совершенно необходимая вышеназванная процедура применяется для выяснения наклона стен сооружения, например, частокольных, которые могли быть не только прямыми, и определения ямок, оставленных несущими опорами или ремонтными столбами и др.

Весьма удобно пользоваться методикой «графической очистки» стратиграфических чертежей на планах и разрезах валов и рвов, разработанной Ю.Ю. Моргуновым, что позволило более точно выявлять сооружения разных строительных периодов. Исследователь оставлял на новом чертеже только один период, относительно точно датированный по сово-

купности находок [Моргунов, 2009, с. 32–33] и анализировал состав грунта, формы линз. Так, скопления однородного грунта прямоугольной в плане и разрезе формы он интерпретировал как забутовки стен, определял характер руинирования срубов с заполнением и полых клетей, перекладных, крюковых, столбовых (частоколов и заплотов), опираясь на геометрию отдельных прослоек. Кроме того, он описал признаки колодезных, въездных конструкций, а также досыпок валов, обновления рвов, эскарпов, потайных ходов, башен (стеновых и дозорных), обратив внимание на нетипичные (эскарпы и элементы эшелонированной обороны), линейные (засеки и «змиевые валы») и вспомогательные укрепления (тыны, столпия и пр.), «косые остроги» [Моргунов, 2009, с. 83–102, 270–277].

А.В. Коробейников остановился на вопросе реконструкции сооружений не стандартной конфигурации, далеко отклоняющихся от геометрически правильных форм и типичных размеров, целесообразность возведения которых как единой плановой системы обосновать довольно трудно. Исследователь гипотетически определяет такие руинированные сооружения как незавершенные, и реконструирует профиль, который с наибольшей вероятностью предполагался в конце строительства [Коробейников, 2005, с. 144–145].

Особый интерес представляет дискуссия о происхождении и функционале каркасных валов, т.е. земляных насыпей со следами или остатками деревянных конструкций внутри. Важность правильной интерпретации этих сооружений обоснована двумя аспектами: валы – это самая распространенная, практически повсеместная форма археологизированных оборонительных линий, и в зависимости от реконструкции их облика различается моделирование строительного процесса. Именно поэтому установление наиболее вероятной конструкции вала в конкретных условиях видится совершенно необходимым.

Ко второй половине XX в. устоялась традиция определять деревянные остатки как специально погребенные под землей конструкции, выполнявшие либо роль фундамента наземных сооружений для повышения их прочности и высоты [Монгайт, 1961, с. 38], либо роль каркасов, укреплявших конфигурацию вала [Раппопорт, 1956 с. 153]. В 1980-е гг. иную позицию обосновал Г.В. Борисевич. По его мнению, валы с древесиной представляли собой результат разрушения забутованных стен (городней или тарасов), которые до того момента выглядели как бревенчатые наземные сооружения. Аргументация автора состоит в следующем: насыпь имеет естественные углы откоса, поэтому ее бессмысленно закреплять изнутри; оборонительные сооружения на свежей насыпи устоять не способны, так как из-за рыхлого грунта она будет проседать, следовательно, конструкции, сами недавно засыпанные землей, для удержания наземного сооружения бесполезны; строительство стены и последующая присыпка к ее основанию откосов также не имеет смысла: она таким образом облегчает эскаладу. Образование валов и конструкций на них исследователь объяснил компрессией разновременных остатков строительства: сгорала и обрушалась забутованная стена, на месте получившегося вала строилась другая [Борисевич, 1987, с. 181–182].

Позицию Г.В. Борисевича поддержал Ю.Ю. Моргунов. Он реконструировал упомянутые предшественником строительные эпизоды на средневековых городищах, разделив их на длительные строительные работы и экстренные. При первых стены возводились на древних уплотнившихся отложениях руин, при вторых – на месте только что разрушенных [Моргунов, 2009, с. 85–87]. Последний случай интересен тем, что свежий развал представляет собой рыхлый грунт, на котором, согласно Г.В. Борисевичу, укрепления возводить нельзя. Ю.Ю. Моргунов объяснил возобновление строительства на разрушенном участке следующим образом: надежным фундаментом для новых сооружений являлась забутовка погребенного под развалом основания стены из городней [Моргунов, 2009, с. 86]. Кроме того, исследователь адаптировал методику реконструкции высоты сооружений М.П. Кучеры для вычисления высоты стен без присп (площадь поперечного сечения рва принимается за тождественную площади сечения стены, и по ширине ее основания определяется соразмерная данной площади высота) [Моргунов, 2009, с. 93–95].

А.М. Губайдуллин считает, что интерпретация средневековых стен как забутовки разрушенных бревенчатых конструкций не может быть универсальной для всего древоземляного оборонительного зодчества. Аргументируя эту позицию, он реконструирует при-

близительную высоту стен по данным сохранившихся до наших дней валов, и находит ее недостаточно эффективной для успешной обороны, поскольку 3–3,5 метров, по его мнению, недостаточно для обзора местности и значительного затруднения эскалады. Поэтому исследователь предполагает, что слишком небольшие для самостоятельной обороны валы были не забутовкой стен, а выполняли функцию фундаментов, повышавших высоту наземных укреплений. В подкрепление данной позиции он обращает внимание на правильную конфигурацию «подавляющего большинства» дошедших до нас валов, что, по его мнению, невозможно в результате разрушения заполнения стен [Губайдуллин, 2018, с. 299].

В.Ю. Коваль, развивая идеи Г.В. Борисевича и Ю.Ю. Моргунова, подробно рассматривает археологические признаки, с помощью которых можно распознать в структуре вала остатки стены. Он делает вывод о том, что наличие древесины в виде уцелевших остатков, узких полос после истлевания бревен, угля или прямоугольных в плане отдельностей грунта являются достоверными признаками древнерусских городней [Коваль, 2024, с. 213–216]. Также исследователь обращает внимание на сложности разграничения разных этапов возведения стен на одном и том же месте: из-за многократности строительных работ могут не прослеживаться маркирующие их стерильные прослойки, в результате чего велик риск ошибочного понимания облика сооружения в конкретный период [Коваль, 2024, с. 216–217]. Именно этой проблемой автор объясняет заблуждение предшественников относительно откосов вала как присп., о неэффективности которых писал ранее Г.В. Борисевич. В.Ю. Коваль допускает, что в определенный строительный период конкретный вал действительно мог быть валом, имея внутри остатки каркаса некогда разрушенной и позднее дополненной досыпками стены [Коваль, 2024, с. 216]. Однако в таком случае этот каркас не имеет ничего общего с изначальным архитектурным проектом оборонительного сооружения. Следует согласиться с ним, что концепция намеренно создававшихся для поддержания конфигурации насыпи «внутривальных конструкций» некорректна, а значит, есть основания, вслед за автором, отказаться от использования этого термина.

Важной составляющей процедуры реконструкции строительного процесса на городище является расчет трудозатрат, иными словами, – времени и человеческих ресурсов, затраченных на возведение сооружений. Для этой цели П.А. Раппопорт, анализируя вал Ярослава, сперва посчитал необходимый для его размеров объем материалов (грунта и дерева). Далее для подсчета количества трудовых дней он использовал «Урочное положение» – строительные нормативы XIX в., содержание которых ориентировано по большей части на ручной труд. С учетом различий в инструментарии Нового времени и Средневековья, исследователь посчитал нужным сократить нормы выработки в 2 раза [Раппопорт, 1956, с. 97]. А.В. Коробейников кроме «Положения», необходимость использования которого он также подробно обосновывает [Коробейников, 2005, с. 121–130], привлекает в качестве пособия для вычислений СНИПы (Строительные нормы и правила, 1991 г.) [Коробейников, 2005, с. 26–27]. Важно преобразование алгоритмов расчета: исследователь разделяет строительные процессы на отдельные операции, так как они обусловлены разными видами работ [Коробейников, 2005, с. 120]. Также он учитывает качества участников (квалифицированность, пол, возраст и т.д.), влиявшие на объем работы, которую они могли выполнить за гипотетический рабочий день [Коробейников, 2005, с. 122–123].

Оценка обороноспособности городищ производится исследователями весьма редко. Под этим термином предлагаем понимать «уровень защищенности» городища и стратегию обороны – предварительные действия, результат которых должен обеспечивать необходимую защиту в перспективе.

Обычно оценка защищенности городищ обусловлена способностью или не способностью системы оборонительных конструкций защищать поселение от определенных угроз, и характеризуется абстрактными рассуждениями типа «слабая – мощная». А.В. Коробейников предлагает количественную систему оценивания. Она состоит из выявления актуальных угроз, от которых население поселка одновременно и равносильно. Далее следует оценка этих угроз с привлечением расчетов. Так, для оценки угрозы обстрела и способности укреп-

лений от нее защитить, рассчитывается уровень «визирования» вражеского стрелка в определенных по отношению к городищу позициях (у подошвы поймы, с соседнего холма, с напольной стороны и т.д.) [Коробейников, 2005, с. 61–64], а также соотношение площадей укрепленных площадок, доступных прицельному обстрелу из лука. Он показал, что определяющим фактором «уровня естественной защищенности» укрепленных поселений является высота городища над уровнем поймы, поскольку она сокращает угол обзора для лучника. Вторым фактором является площадь, параметры которой важны для защиты от прицельного обстрела из лука, так как большая площадь препятствует поражению. Следует признать обоснованность этих показателей, надежность и легкость вычисления, поскольку высота и площадь за время археологизации объекта меняются незначительно [Коробейников, 2005, с. 69–82].

В дискуссию об оценке обороноспособности городищ включились исследователи Н.П. Матвеева и В.А. Сотникова, предложившие учитывать величины валов и рвов, стены, если по результатам раскопок их размеры достоверно установлены, а также и дополнительные сооружения. Они определяют уровень защиты городищ методом экспертной оценки нескольких показателей по балльной системе. Ее преимущество заключается в формировании единого «итогового балла» городища по комплексу его разнородных военно-инженерных характеристик, что упрощает сравнительный анализ укрепленных поселений между собой [Матвеева, Сотников, 2024, с. 84–85]. Так, оценив обороноспособность бакальских городищ раннесредневековой эпохи Западной Сибири, исследователи обнаружили их деление на три группы и предположили, что разный уровень защиты поселений обусловлен их разной социально-экономической ролью [Матвеева, Сотников, 2024, с. 94–95].

Довольно интересный вопрос о стратегии обороны, реализованный в планировании и строительстве городищ, также редко рассматривается в литературе. Отметим А.В. Коробейникова, предложившего модель «субъекта строительства» как совокупность мотивов и возможностей строителей, которыми была предопределена форма реальных оборонительных сооружений. Важность этой модели автор обосновывает на примере хорошо изученного Иднакара. Было установлено, что три разных по времени возведения его оборонительных линий, несмотря на одинаковые природные условия, имеют колоссальные различия, следовательно, каждый раз «субъект» руководствовался различными мотивами и возможностями [Коробейников, 2005, с. 159]. А.В. Коробейников предлагает реконструировать эти мотивы с помощью анализа технологических параметров сохранившихся сооружений: от кого и как должно было защищать сооружение, имея те или иные характеристики? Для удобства и наглядности анализа автор разделил деятельность «субъекта», на три группы операций, выполняемых «заказчиком», «производителем» и «исполнителями», каждый из которых обладал конкретным набором функций и определенной квалификацией. Мотивы зависели от военных угроз и возможностей «заказчика» (лидера, сформулированной общественной потребности), тем временем качество реализации – от квалифицированности «производителя» (опытных мастеров, прораба и т.п.) и образа жизни и количества основных работников [Коробейников, 2005, с. 156–168]. Универсальность модели позволяет восстанавливать предположительный ход строительства при работе с памятниками любой культуры. Таким образом, оценка обороноспособности в совокупности рассмотренных методик дает возможность анализировать сооружение как продукт комплекса факторов: условий местности, характера угроз, качества планирования, строительных мощностей, приемов, величины сооружений. Их подробный разбор дает понимание того, что фортификации соответствовали потребностям и возможностям обществ, которые их возводили.

Итак, со второй половины XX в. формируется отечественная методическая база, позволяющая анализировать древо-земляные фортификации с военной, социальной, архитектурной сторон по археологическим данным. Она разработана на разнообразном и выразительном материале средневековых оборонительных сооружений Восточной Европы, но применима ко всем памятникам лесной и лесостепной зон поздней древности и Средневековья. Прослеживается тенденция к разработке вычислительных алгоритмов в реконструкции,

оценке обороноспособности, типологизации для обоснования предположений, с помощью которых появляется возможность восстанавливать роль определенных городищ в социально-политической жизни прошлого. А обобщение таких данных позволяет понять роль военных конфликтов в комплексе исторических явлений более полно и конкретно. Таким образом, к сегодняшнему дню мы имеем возможность применить к менее изученным территориям, в частности, к лесостепной зоне Западной Сибири, комплекс рассмотренных выше теоретических и методических наработок.

Библиографический список

1. Борисевич Г.В. Сооружения городища Слободка // Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. – М. : Наука, 1987. – С. 180–182.
2. Губайдуллин А.М. Способы возведения и типы булгарских оборонительных сооружений // Поволжская Археология. – 2018. – № 2 (24). – С. 297–306.
3. Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (II тыс. до н. э. – первая половина I тыс. до н. э.). – М. : Наука, 1984. – 88 с.
4. Коваль В.Ю. Археологические признаки древнерусской древо-земляной фортификации // Археологические вести. – 2024. – № 43. – С. 211–219.
5. Коробейников А.В. Историческая реконструкция по данным археологии. – Ижевск : ИПМ УРО РАН, 2005. – 179 с.
6. Коробейников А.В. Новый Иднакар: очерк историко-культурной реконструкции. – Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2006. – 254 с.
7. Кучера М.П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. – Киев : Наукова думка, 1987. – 204 с.
8. Матвеева Н.П., Сотников В.А. О характере зауральских городищ эпохи раннего Средневековья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2024. – № 2 (65). – С. 84–97.
9. Монгайт А.Л. Старая Рязань / отв. ред. Н.Н. Воронин. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 229 с. – (МИА; № 49).
10. Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII вв. – М. : Наука, 2009. – 300 с.
11. Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X–XV вв. / отв. ред. Н.Н. Воронин. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 244 с. – (МИА; № 52).

УДК 902.01

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-27-47-57

**И.Э. Любчанский
БРОНЗОВЫЕ ЛИТЫЕ КОТЛЫ: КАРТОГРАФИЯ
ВОЗМОЖНЫХ МИГРАЦИЙ КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН
ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ (I ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ Н. Э.)**

Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, Челябинск, РФ

Аннотация. Статья посвящена картографии бронзовых литых котлов начала – середины I тыс. н. э. из закрытых комплексов, кладов и случайных находок из районов степной и лесостепной Евразии. Было выделено два хронологических периода в истории распространения котлов, которые и отражены на составленных картах. Одну хронологическую группу составили котлы с конусовидным поддоном среднесарматского и котлы без поддона позднесарматского времени. В другую хронологическую группу вошли котлы «гуннского» типа. Составленные карты визуализируют возможные пути миграций кочевых племен, центров консолидации элит кочевников. Значительная часть котлов I–II вв. н. э. сосредоточены в Подонье, на Кубани и в Северном Причерноморье. Котлы III в. н. э. позднесарматского времени очерчивают два центра – Нижневолжский и Урало-Казахстанский. Картография ХГ 2 (4) дает возможность задуматься о центрах производства котлов «гуннского» типа. А отток населения после раз渲ала державы Аттилы виден отчетливо. Высказанные суждения позволяют увидеть степень интенсивности миграционного процесса в степном коридоре на протяжении начала – середины первого тысячелетия нашей эры.

Ключевые слова: картография, бронзовые литые котлы, кочевники, миграции, районы концентрации

**I.E. Lyubchansky
BRONZE CAST CAULDRONS: CARTOGRAPHY
OF POSSIBLE MIGRATIONS OF NOMADIC TRIBES
OF THE EURASIAN STEPPES (I MILLENNIUM AD)**

Center for Historical and Cultural Heritage of Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the cartography of bronze cast cauldrons of the early – middle of the 1st millennium AD from closed complexes, treasures and accidental finds from the regions of steppe and forest-steppe Eurasia. Two chronological periods in the history of the spread of cauldrons were distinguished, which are reflected on the compiled maps. One chronological group consisted of cauldrons with a cone-shaped pallet of the Middle Sarmatian period and cauldrons without a pallet of the Late Sarmatian period. Another chronological group includes cauldrons of the "Hunnic" type. The compiled maps visualize the possible migration routes of nomadic tribes, centers of consolidation of nomadic elites. A significant part of the cauldrons of the I–II centuries AD are concentrated in the Don region, in the Kuban and in the Northern Black Sea region. The cauldrons of the III century AD of the late Sarmatian time outline two centers – the Lower Volga and the Ural-Kazakhstan. The cartography of HG 2 (4) makes it possible to think about the centers of production of boilers of the "Hunnic" type. And the outflow of the population after the collapse of Attila's empire is clearly visible. The expressed judgments allow us to see the degree of intensity of the migration process in the steppe corridor during the early to mid-first millennium AD.

Keywords: cartography, bronze cast cauldrons, nomads, migrations, areas of concentration

Искреннему Другу, бескомпромиссному
ученому, вдумчивому коллеге с наилучшими
пожеланиями к 75-летнему юбилею.

От друга и коллеги

Введение

Настоящая работа призвана проверить тезис о возможности исследования *литых бронзовых котлов* в контексте маркера по изучению возможных миграции кочевников евразийских степей на протяжении почти начала-середины I тыс. н. э.

В качестве объекта исследования выступают бронзовые литые котлы из памятников кочевников, кладов и случайных находок. Источниковая база составляет 133 экземпляра. 83 экземпляра относятся ко времени I–III вв. н. э. Время второй половины IV–V вв. н. э. представлено 50 экземплярами. Вполне возможно, что число котлов, особенно из восточных районов Евразии, может быть больше. Автор использует только те экземпляры, которые были встречены в публикациях, представлены в фондах музеев и размещены на информационных интернет-ресурсах.

Литые бронзовые котлы среднесарматского и позднесарматского времени (эпохи поздней древности) вошли в группу I–III вв. н. э.

Группу второй половины IV–V вв. н. э. составляют котлы классического «гуннского» типа.

Исследованию литых котлов посвящена значительная по объему литература. Первые исследования относятся еще к XIX в., но наиболее интенсивно изучение бронзовых литых котлов началось со второй половины XX в. В процессе изучения рассматривались различные аспекты, связанные с морфологией, технологией производства, типологией котлов [Демиденко, 2008; Демиденко, 1997, с. 120–160; Боковенко, 1977, с. 228–233; Максимов, 1966, с. 51–60; Гришин, 1960, с. 116–206].

В данной статье не ставится цель полностью представить всю историографическую литературу, проанализировать ее, вычленить положительные и отрицательные аспекты в исследованиях бронзовых литых котлов. С такой работой прекрасно, на мой взгляд, справился С.В. Демиденко [Демиденко, 2008, с. 6–14]. Его монографическое исследование самое новое в процессе изучения бронзовых литых котлов Поволжья и южного Приуралья.

Основная часть

Для восприятия огромного массива котлов нами сформированы карты, которые отражают реальные точки, где были обнаружены рассматриваемые котлы из всех групп. Каждая карта посвящена одной хронологической группе. В выборке есть несколько котлов со спорной датой существования, но в целом они не меняют общей картины и никак не влияют на процесс анализа картографии местонахождения бронзовых литых котлов.

Карта распространения литых котлов I–III вв. н. э. (рис. 1).

Для формирования карты № 1 было собрано 87 (?) экземпляров бронзовых литых котлов, отдельных фрагментов и керамических подражаний.

В I–III вв. н. э. происходит обособление, причем резкое, территорий, на которых получали распространение бронзовые литые котлы. Очень хорошо выделяется «монгольский район», который включает в себя территории Внутренней Монголии (11 экз.) и Ордоса (4 экз.) Китая; Центральной Монголии (3 экз.); Северной Монголии (2 экз.). Еще два котла происходят из района Среднего Енисея. Особенность в распространении котлов заключается в их колossalном разбросе по территории. Расстояние между находками составляет от 1 000 до 5 000 км. Второй особенностью выступает то обстоятельство, что большинство находок случайны. Обстоятельства обнаружения, точная привязка находок неизвестна. Все известные автору находки бронзовых литых котлов происходят из коллекций музеев Пекина, Улан-Баатара, Киото.

Вторым районом распространения бронзовых котлов является участок евразийской степи от Южного Зауралья до Донбасса. Причем большинство находок происходят из погребальных комплексов кочевых племен этих регионов. Безусловно, имеются и случайные находки. На этой огромной территории можно выделить несколько типов бронзовых литых котлов, которые определяют две хронологические группы. К группе 1 относятся котлы из погребальных комплексов середины I–II вв. н. э. Группа 2 включает бронзовые литые котлы из погребальных комплексов середины III в. н. э. Именно к этой группе относится значительное число случайных находок. Время их обнаружения связано с работами конца XIX – начала XX в. Единичная находка котла «сарматского типа» происходит из Казахстана (находка близ оз. Боровое).

Группа I бронзовых литых котлов середины I–II вв. н. э. распространена на компактной территории Краснодарско-Ростовского региона. В Прикубанье котлы были найдены в мог. у ст. Усть-Лабинская, кург. № 42; у ст. Казанская, кург. № 6; ст. Тифлисская, кург. № 20 [Гущина, Засецкая, 1994, с. 31, рис. 13, с. 43, табл. 4/40, с. 61, 132, табл. 33/315]; мог. Балабинский, кург. № 11, погр. 1; склеп у ст. Владимировской, а также из аулов Кончукохабль и Хатажукаевский [Демиденко, 2008, рис. 94, 96]. С территории Нижнего Дона происходят котлы из погребений следующих могильников и курганов: Валовый I, кург. № 33; Высочино II, кург. № 1; Высочино V, кург. № 26, погр. 2; Высочино VII, кург. № 28; Кобяково, кург. № 5; Криволимский, кург. № 16, погр. 9; мог. у хутора Новый, кург. № 12, погр. 3, кург. № 43; с. Ново-Александровка, кург. № 45, погр. 1; Садовый; хутор Верхне-Янченково, кург. № 13; хутор Кудинов, кург. № 14; хутор Нодвиговка [Демиденко, 2008, рис. 90, 91, 92, 103, 107, 113, 114]. Из Волго-Донского междуречья котлы происходят из могильников у с. Третьяки. кург. 16; Барановка, кург. № 2; Терновский, кург. № 12, погр. 2 [Демиденко, 2008, рис. 92, 97, 112]; Октябрьский V, кург. № 1 [Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999, рис. 4/14]; Аксай II, кург. 34, погр. 1 (2 экз.) [Демиденко С.В., Демиденко Ю.В., 2017, с. 62, 63]; погр. у г. Новоаннинский [Демиденко С.В., Демиденко Ю.В., 2017, с. 73, 1]; у хутора Антонов, кург. № 5; Новочигольский, кург. № 5 [Березуцкий, 2017, с. 23, 24. рис. 2]; случайная находка у с. Средний Икорец [Березуцкий, Золоторёв, 2017, с. 301]. Единичная находка происходит из кургана Яшкуль в Калмыкии [Очир-Горяева, 2019, с. 54]. Один котел происходит из г. Бугуслав на Украине. Имеется котел из разрушенного погребения Давыдов Брод [Симоненко, 1993, рис. 19/26]. Два котла хранятся в фондах ГИМа. Особняком стоит находка котла из Слободзее в Поднестровье в Молдове [Курчатов, Тельнов, 2010, с. 138, 140, рис. 1–3].

Бронзовые литые котлы из комплексов III в. н. э. сосредоточены в Нижнем Поволжье (Саратовская, Волгоградская. Астраханская области) и в степях Южного Урала и Казахстана (Челябинская, Оренбургская области, Башкортостан, Уральская область в Казахстане). Единичные экземпляры встречены в Чечне и Ингушетии [Максимов, 1966, с. 52, рис. 2/9].

Нижнее Поволжье представлено бронзовыми литыми котлами из Старой Иванцовки (колония Альт-Веймар кург. № D16); Нагавский II, кург. № 11, погр. 1; Усатово, кург. № F16 [Демиденко, 2014. с. 27. рис. 1/7, 9, 10]; Желтухин, кург. 2, погр. 1 [Сергацков, 2000, рис. 121/1]; случайные находки из с/х «Красный Октябрь»; г. Красноармейска [Максимов, 1966, с. 52, рис. 1/3, 6]; с. Сидоры; Шульц, кург. № В4; ст. Березовская; пос. Октябрьский; д. Норка (Некрасово); находка из Новоузенского уезда; Еремеевка; д. Большая Дмитровка; находки 1886 и 1896 гг. у дер. Комаровка; ст. Сарепта [Демиденко, 2008, с. 217, 219, 220, 221, 222, рис. 105/2; 106/8; 108/1; 109/1–3, 5; 110/1, 2, 5, 6].

Ростовская область представлена несколькими находками бронзовых котлов и случайные их находки из г. Ростов-на-Дону, г. Азов [Демиденко, 2008, с. 216, 222, рис. 104/2; 110/4], ст. Еланская, с. Ново-Егорлыкское [Максимов, 1966, с. 53, рис. 2/7–8].

На Южном Урале котлы обнаружены в погребениях могильников Больше-Караганский. кург. № 8 [Боталов, Гуцалов, 2000, рис. 9/58]; дер. Наваринка [Боталов, 2008, с. 206, рис. 49/1–2]; Магнитный II, кург. № 21; Темясовский, кург. 9 [Боталов, 2019, с. 101]; Гиряля [Максимов, 1966, с. 52, рис. 1/7], Ереминки, разрушенного погребения из д. Мухраново [Боталов, 2019, с. 101, 105].

Особое место занимает знаменитый Лебедевский некрополь, в курганах которого обнаружено значительное количество бронзовых литых котлов: Лебедевский курган; Лебедевка IV, кург. № 36; Лебедевка V, курганы № 1, 49; Лебедевка VI, курганы № 24, 39, погр. 1 [Демиденко, 2014, с. 27, рис. 1/1–6].

Карта распространения котлов IV–V вв. н. э. (рис. 2).

На карту № 2 нанесены места находок котлов так называемого классического «гуннского» типа. Основная концентрация находок бронзовых литых котлов связана с территорией Восточной Европы. Эти находки общеизвестны. Они происходят из Румынии, Венгрии, Польской Силезии, Чехии и Молдовы. С этой территории происходит 18 экземпляров котлов.

С Нижнего Дона и Прикубанья происходят 5 экземпляров, один котел известен в Среднем Поволжье (Осока). В Волгоградском областном краеведческом музее хранится один экземпляр, самый большой по объему (до 90 л). Условно можно выделить Волго-Уральский регион. Из него известны не только котлы, но и их керамические подражания (фрагменты ручек). Всего известно 8 экземпляров котлов и 2 экземпляра керамических подражаний. По два котла известны на Алтае и в Туве. С территории Китая происходят четыре котла, но, как и все котлы, мы знаем по экспозициям музеев Урумчи, Наньшаня, Харбина. Один котел происходит из пещерного погребения Кызыл-Адыр в Оренбургской области [Засецкая, 1994, табл. 38, 39].

Котлы «гуннского» типа из Румынии происходят из юго-восточных земель этого государства – Западная Остения; местечко Хинова в уезде Мехединц; Сукидава в Мунтении; местечке Червсени; Десса в Олтении, Бошнягу уезд Колераш, Хоторани жудец Бэкау [Засецкая, 1994, рис. 20/2; рис. 21/2–3]. Очень близко к этим районам расположено местечко Шесточи в Молдове, где тоже был найден котел [Засецкая, 1994, рис. 20/3].

Венгерские находки котлов происходят из разных районов страны – Тертел(ь); торфяник Каджибраке на р. Капос (наиболее известен как Капошвельд); Варпалолтта, медье Веспреш; Бантапушта; Интерциssa. Один котел был найден в Чехии в местечке Бениш (Бенех) близ Опавы (Трапнад). Два котла известны в Польской Силезии в местечке Хекрихт [Засецкая, 1994, рис. 20/1, 4–5; рис. 21/4; рис. 22/3]. Обломки еще одного котла были найдены на знаменитых Каталаунских полях во Франции.

Котлы «гуннского» типа из второй совокупности происходят из с. Хабаз Зольского района КБР; г. Ставрополь; с. Малай Калининского района Краснодарского края; котел «Анапский», находка 2014 г. в Горгиппии; из с. Ивановского Сальского района Ростовской области [Засецкая, 1994, рис. 21/1].

Найдки котлов из Волго-Уральского региона происходят из лесостепных районов. Это находки из г. Перми; с. Осока Симбирской губернии, находка 1884 г. (Ульяновская обл.) (котел хранится в ГИМе), Верхний Конец, Сыктывкар [Засецкая, 1994, рис. 22/1–2]; находки у сел Камаево и Татарское Сунчелеево в Татарстане (музей-заповедник Булгар); Липнигова, г. Шадринск Курганской области [Боталов, 2019, с. 102, 104].

Из 50 учтенных бронзовых котлов «гуннского» типа только 4 экземпляра происходят из закрытых комплексов – пещерного погребения Кызыл-Адыр в Оренбургской области [Засецкая, 1994, рис. 22]; мог. Саглы-Балжи V, кург. № 25, Тыва; Даг-Аразы, кург. № 1; Курай IV, кург. № 1, погр. 2, Республика Алтай [Боталов, 2008, с. 224, 226. рис. 58]. Все остальные котлы – это исключительно случайные находки конца XIX – начала XX вв. Самыми последними находками котлов «гуннского» типа являются подброшенные к Волгоградскому краеведческому областному музею две сумки с фрагментами котла и находка, сделанная в урочище Мечетное-2 в Луганской области [Красильников, 2019, с. 270].

Отдельным регионом следует выделить урочища в бассейне Сырдарьи в районе распространения памятников джеты-асарской культуры. Именно здесь в конце IV–VI вв. н. э. появляются, хоть и единичные, но все-таки глиняные подражания котлам «гуннского» типа, а также кованые железные подражания для эпохи поздней древности. Котлы происходят из Большого Дома городища Джеты-Асар 3 (верхний горизонт, 2 экз.); могильников Алтын –

Асар 4в, кург. № 92, 131; Алтын-Асар 4л, кург. № 233; Алтын-Асар 4о, кург. № 328; Алтын-Асар 4, склеп 316 [Левина, 1996, с. 260, рис. 65/1–3, 6, 8–9]. Железные котлы обнаружены в могильнике Косасар 2, кург. № 36, 41 и могильнике Байдаг [Левина, 1996, с. 260, рис. 65/5–7, ил. 23].

Заключение

Сравнительный анализ составленных карт предоставляет возможность сформулировать несколько суждений по вопросу миграционных процессов в степной Евразии.

Суждение первое. Уже упоминалось, что в сарматском мире начинают происходить серьезные изменения. Итак, в I–II вв. н. э. значительная часть бронзовых литых котлов сконцентрировано в Подонье, на Кубани и Северном Причерноморье. Это обстоятельство может свидетельствовать о переселении значительной племенной группы из Волго-Донского междуречья. Вероятнее всего, из этого же района небольшая группа сместились к северо-западу, к границе лесостепи. И, вполне возможно, что мелкие отряды могли закрепиться в районе Нижнего Приднепровья. Типы бронзовых литых котлов этого времени, по-видимому, заканчивают генетическую линию развития сарматских котлов с сопловидными (конусными) поддонами.

Какие события могли повлиять на раскол в сарматской группировке. Корни этого процесса следует искать в процессе формирования позднесарматской археологической культуры в Нижнем Поволжье. На это обстоятельство указывает распространение бронзовых литых котлов без поддонов. По итогам картографирования прекрасно видно, что формируются две группировки кочевых племен – Нижневолжская и Урало-Казахстанская. Вторая группировка, скорее всего, выступает в качестве арьергарда первой. Находясь на определенном отдалении, Урало-Казахстанская группа сохранила своеобразную самобытность. В то время как кочевая группа Нижнего Поволжья испытывает серьезное влияние со стороны сарматской культурной традиции. Освоение Нижнего Поволжья пришедшей группы кочевников шло равномерно. Погребения устраивались на площадках могильников предшествующих эпох. Урало-Казахстанская группа осваивала только те пространства, которые имели стратегическое значение в верховьях и среднем течении р. Урал. Ядро этой группировки, скорее всего, сосредотачивалось в Уральской и Актюбинской области (некрополь Лебедевки, могильники Целинный, Атпа I–III). Что касается судьбы литых бронзовых котлов без поддона, то традиция их изготовления затухает во второй половине III в. н. э. [Демиденко, 2008, с. 64].

Самая восточная группа распространения котлов традиционно сосредоточены в Ордосе и Внутренней Монголии Китая. Три экземпляра происходят из центральной Монголии и два экземпляра обнаружены на притоках Селенги (случайные находки). Причем их датировка условно корректна – в пределах I–III вв. н. э. Считаю, что к концу III в. н. э. традиция изготовления бронзовых котлов в системе культуры ордосских бронз окончательно затухает. Также весьма сомнительна морфологическая и технологическая связь котлов из Китая с котлами эпохи поздней древности Урало-казахстанских и Волго-Донских степей.

Суждение второе. Карта № 2 демонстрирует схему распространения котлов вытянутых цилиндрических форм с рамочными ручками, изредка украшенные грибовидными навершиями, известные как котлы «гуннского» типа. Их картография, по мере сокращения их находок, распространяется от Центральной Европы до Восточного Туркестана (единичные находки). Так же как и на предыдущей карте, нами выделено три региона, в которых «компактно» распространены котлы. Первая группа котлов зафиксирована на территории Центральной Европы (Румыния, Венгрия, польская Селеzia, Чехия, Франция). Вторая группа сосредоточена в регионе Волго-Донья и Предкавказья. Третий район распространения находок обозначается лесостепной, и даже лесной зоной Волго-Камья. Находки в лесостепной зоне сосредоточены в Курганской и Тюменской областях. Единичные находки происходят с Алтая, Тувы, Манчжурии и Бангладеш.

Все известные бронзовые литые котлы «гуннского» типа являются случайными находками. Исключением является уникальный пещерный комплекс Кызыл-Адыр в Оренбургской области [Засецкая, 1994, рис. 20–22].

Во-первых, места производства этих типов котлов следует, все-таки, искать в производственных центрах Европы, ибо их концентрация не выходит за условные границы гуннского государства в Европе. Во-вторых, отдельные находки котлов могут маркировать следы отступавших кочевых групп в Волго-Донье и Предкавказье, а также в Волго-Камье, Зауралье и Западную Сибирь. Единичные находки котлов на Алтае, в Туве и Китае, возможно, свидетельствуют об оттоке единичных родов в пределы территорий своих дальних предков.

Интересным элементом являются керамические подражания котлам из могильников и поселений Нижней Сырдарьи и Каракалпакии, которые датируются постгуннским периодом (конец V–VI вв. н. э.).

Таким образом, складывается впечатление, что котлы «гуннского» типа действительно маркируют процесс оттока населения рухнувшей державы Аттилы. Очень сложно согласиться с мнением С.Г. Боталова о том, что котлы из лесостепи и леса были привнесены в Центральную Европу [Боталов, 2019, с. 101–104].

Библиографический список

1. Березуцкий В.Д. Бронзовые котлы из сарматского погребения Новошибольского курганного могильника // Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология. – 2017. – № 2. – С. 21–25.
2. Березуцкий В.Д., Золотарёв П.М. Сарматский котел из донского левобережья // Краткие сообщения института археологии. – 2017. – № 246. – С. 298–305.
3. Боковенко Н.А. Типология бронзовых котлов сарматского времени Восточной Европы // Советская археология. – 1977. – № 4. – С. 228–233.
4. Боталов С.Г. Гунны и тюрки. – Челябинск : Рифей, 2008. – 672 с. : ил., табл.
5. Боталов С.Г. Эпоха Великого переселения народов и раннее Средневековье Южного Урала (II–VIII века) // История Южного Урала : в 8 т. Т. 4. / отв. за вып. Н.О. Иванова. – Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. – 384 с.
6. Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей // Серия «Этногенез уральских народов» / отв. ред. Т.В. Любчанская, Н.О. Иванова. – Челябинск : Рифей, 2000. – 268 с. : ил.
7. Гришин Ю.С. Производство в тагарскую эпоху // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1960. – № 90. – С. 116–206.
8. Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье / ред. О.А. Щеглова. – СПб. : Фарн, 1994. – 172 с. : ил.
9. Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 328 с.
10. Демиденко С.В. О позднесарматских литых котлах // Российская археология. – 2014. – № 1. – С. 26–32.
11. Демиденко С.В. Типология литых котлов сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии / отв. ред. С.В. Демиденко, Д.В. Журавлев. – М. : Наука, 1997. – С. 120–160.
12. Демиденко С.В., Демиденко Ю.В. Сарматское погребение у г. Новоанненский // Нижневолжский археологический вестник. – 2017. – № 2 (16). – С. 67–76.
13. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). – СПб. : Эллипс Лтд., 1994. – 224 с. : ил.
14. Красильников К.И. Закрытый сакральный гуннский комплекс Мечетное-2 на Донбассе // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в европейском пространстве Т. 1 / отв. ред. В.А. Алёкин, Л.Б. Кирчо. – СПб. : Изд-во ИИМК, 2019. – С. 269–271.

15. Курчатов С.И., Тельнов Н.П. Сарматский котел из Нижнего Поднестровья // Stratum plus / отв. ред. О.В. Шаров. – 2010. – № 4. – С. 137–145.
16. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. – М. : Восточная литература, 1996. – 396 с. : ил.
17. Максимов Е.К. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление // Советская археология. – 1966. – № 1. – С. 51–60.
18. Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Скрипкин А.С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // Нижневолжский археологический вестник. – 1999. – № 2. – С. 149–167.
19. Очир-Горяева М.А. Погребение воина- всадника из курганной группы Яшкуль // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. – 2019. – № 4. – С. 5–60.
20. Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. – 270 с., 62 л. ил. : табл.
21. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. – Киев : Наукова Думка, 1993. – 157 с.

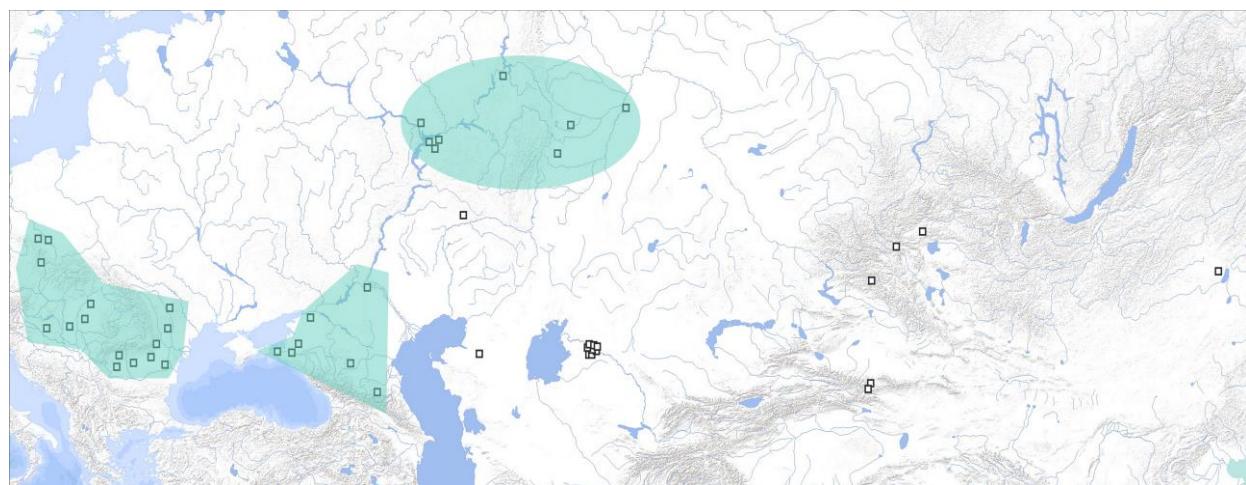

Рис. 1. Карта № 1 распространения котлов I–III вв. н. э. (в связи с крупномасштабностью карты на нее нанесены совокупности расположения котлов)

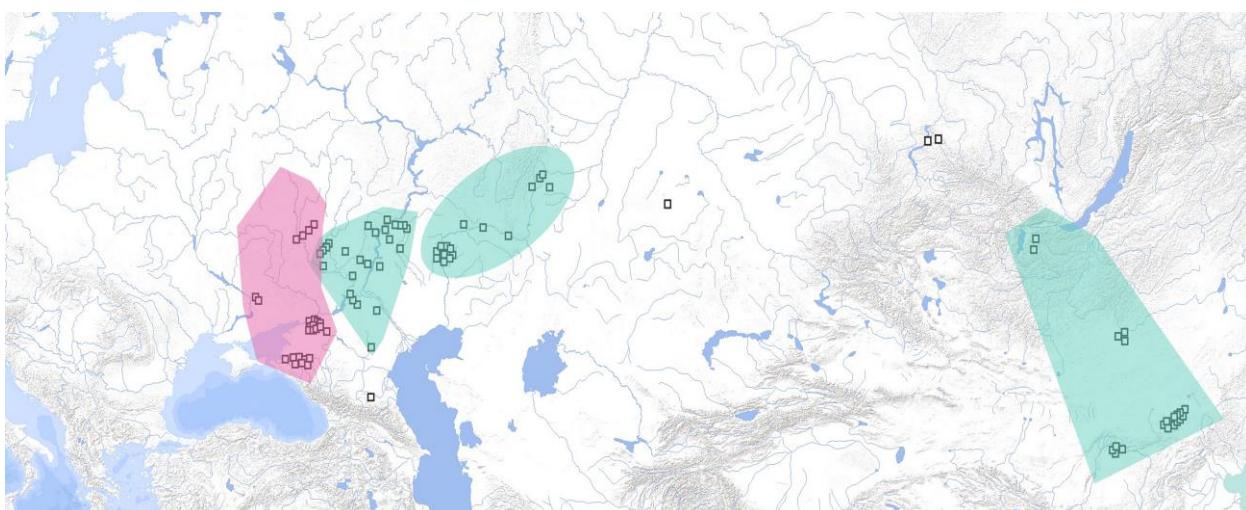

Рис. 2. Карта № 2 распространения котлов середины IV–V вв. н. э. (в связи с крупномасштабностью карты на нее нанесены совокупности расположения котлов)

Рис. 3. Котлы литые бронзовые I–II вв. н. э.:

- 1 – Барановка, курган 2; 2 – хут. Антонов, курган 5, малый котел;
- 3 – хут. Кудинов, курган 14; 4 – хут. Верхнее-Янченков, курган 13;
- 5 – ст. Усть-Лабинская, курган 42; 6 – случайная находка из Краснодарского края;
- 7 – котел из ВОКМ; 8 – г. Новоанненский

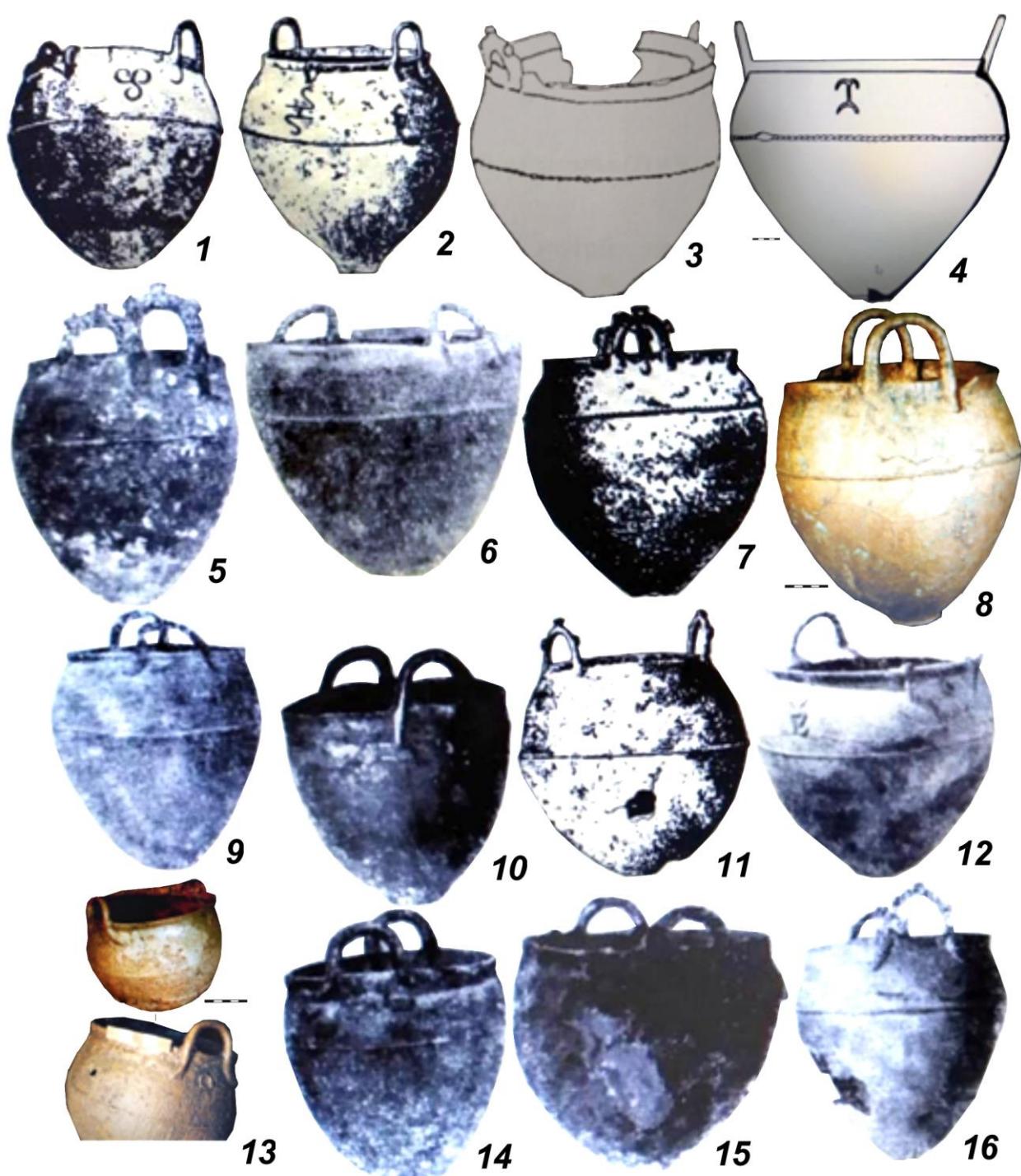

Рис. 4. Котлы литые бронзовые «поздней древности» III в. н. э.:
 1 – Чечено-Ингушетия; 2 – ст. Еланская; 3 – мог. Криволиманский 1;
 4 – случ. находка в Ростове-на-Дону; 5 – Альт-Веймар, курган D 16;
 6 – Гирьял; 7 – Еремеевка (Заволжье); 8 – хут. Желтухин; 9 – дер. Комаровка;
 10 – Новоузенский уезд; 11 – Некрасово (Норка); 12 – пос. Октябрьский;
 13 – ст. Нагавская, курган 11, погр. 1; 14 – Усатово, курган F 16;
 15 – Шульц (Красный Октябрь), курган В 4; 16 – г. Красноармейск

Рис. 4 (продолжение):

1 – Ереминка; 2 – Мухраново Оренбургская область;
3 – Темясово, Башкортостан; 4 – Наваринка; 5 – мог. Магнитный,
курган 3 Челябинская область; 6 – мог. Лебедевка V, курган 24 Казахстан

Рис. 5. Котлы «гуннского» типа: 1 – Бантапушта; 2 – Шесточи; 3 – оз. Десса; 4 – Тертерел; 5 – торфяник Куджибраке; 6 – Хекрихт; 7 – случ. находка; 8 – Верхний Конец; 9 – Осака; 10, 11 – Сунчелеево; 12 – Анапа, 2014; 13 – Ивановка; 14 – Котел из ВОКМ, 2019; 15 – Липеягово, Курганская обл.; 16 – Мечетное-2, Луганская обл.; 17 – Кызыл-Адыр, погребение; 18 – сл. Находка с Телецкого озера; 19 – Музей Урумчи, Синьцзян

УДК 902/904
 DOI: 10.24412/2658-7637-2025-27-58-66

**Д.В. Васильев^{1,2}
 ВНОВЬ ОБ ОГУЗАХ И ПЕЧЕНЕГАХ В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ**

¹Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, РФ

²Астраханский музей-заповедник, Астрахань, РФ

Аннотация. Анализируются некоторые археологические данные в сравнении со сведениями письменных источников, которые позволяют внести ясность в некоторые вопросы, связанные с этническим составом населения города Саксина. Остатки этого города локализуются на Самосдельском городище в дельте Волги. Сопоставление сведений из сочинений Абу Хамида ал-Гарнати, относящихся к 30–50-м гг. XII в., с этнокультурными группами керамики Самосдельского городища позволяет выделить в составе населения городища огузо-печенежский этнический компонент, в котором лидирующую роль играли огузы, а печенеги играли подчиненную роль. Их ал-Гарнати упоминает в своих сочинениях как «магрибинцев», имея в виду их принадлежность к маликитскому мазхабу, распространенному в основном в странах Магриба.

Ключевые слова: город и область Саксин, Самосдельское городище, огузы, печенеги, керамика, юртообразные жилища

**D.V. Vasiliev^{1,2}
 ONCE AGAIN ABOUT THE OGHUZ
 AND PECHENEGS IN THE VOLGA DELTA**

¹Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russian Federation

²Astrakhan Museum-Reserve, Astrakhan, Russian Federation

Abstract. The article analyzes some archaeological data in comparison with written sources, which help clarify some issues related to the ethnic composition of the population of the city of Saksin. The remains of this city are localized in the Samosdelka settlement in the Volga Delta. Comparison of information from the works of Abu Hamid al-Garnati, dating back to the 30–50^s of the 12th century with the ethnocultural groups of ceramics of the Samosdelka settlement allows us to identify an Oghuz-Pecheneg ethnic component in the population of the settlement, in which the Oghuz played a leading role, and the Pechenegs played a subordinate role. Al-Garnati mentions them in his writings as "Maghribis", meaning that they belong to the Maliki madhhab, which was widespread mainly in the Maghreb countries.

Keywords: the city and region of Saksin, Samosdelka settlement, the Oghuz, the Pechenegs, ceramics, yurta-shaped dwellings

Изучение древностей огузов и печенегов стало одним из направлений средневекового номадоведения, которое было глубоко и фундаментально проработано Владимиром Александровичем Ивановым. Результаты многолетних трудов были изложены им совместно с Г.Н. Гарустовичем в монографии «Огузы и печенеги в евразийских степях» [Гарустович, Иванов, 2001]. Авторы нарисовали историю присутствия огузских и печенежских племен в степях Евразии на основе анализа, прежде всего письменных источников, при этом для подтверждения получившейся картины они привлекли данные анализа археологических источников. Получившаяся картина вышла довольно пестрой, местами – противоречивой, пол-

ной «белых пятен» и вскрывающей новые направления поиска для будущих поколений историков и археологов. Сами авторы констатируют, что «бросается в глаза явная неравномерность в формировании и осмысливании источников базы по истории огузов и печенегов, и прежде всего в ее археологическом аспекте. Средневековые письменные источники вполне определенно повествуют о пребывании и достаточно активной военно-политической деятельности этих народов на просторах азиатских степей, но мы не имеем ни малейшего представления об археологической культуре огузов ни в Средней, ни в Передней Азии. Вопрос об этногенезе печенегов (кангаров, кенгересов) по-прежнему остается на уровне керамических коллекций, собранных С.П. Толстовым в конце 40-х гг. на городищах Нижней Сырдарьи» [Гарустович, Иванов, 2001, с. 4]. Пусть за прошедшие четверть века некоторые вопросы археологической интерпретации огузов и печенегов были закрыты работами В.А. Иванова и некоторых археологов, специально занимавшихся данной эпохой (среди них следует назвать прежде всего волгоградского исследователя Е.В. Круглова [Круглов, 1990; 2001; 2003; 2005; 2021; Государство гузов ..., 2016]), но некоторые конкретные проблемы до сих пор сохраняют свою остроту, и находятся в том же состоянии – описанная средневековыми письменными источниками историческая и этническая ситуация не нашла до сих пор археологического подтверждения и объяснения. В частности, до сих пор не получил внятного объяснения феномен присутствия огузов в дельте Волги, который фиксируется на материалах Самосдельского городища.

Лишь в настоящее время у нас появились данные, которые позволяют сформировать свое мнение по некоторым вопросам этнической структуры Самосдельского городища на основе сопоставления данных археологии и письменных источников.

Самосдельское городище интерпретируется в качестве археологических остатков города Саксина или Саджсина. И основным письменным источником, проливающим свет на этническую ситуацию в городе Саксине, являются сочинения Абу Хамида ал-Гарнати, который 20 лет прожил в этом городе и совершил оттуда свои путешествия по Азии и Европе. Именно ал-Гарнати пишет, что в городе Саксине «...сорок племен гуззов, и у каждого племени – отдельный эмир. У них большие дворы, а в каждом дворе – покрытый войлоками шатер, огромный, как большой купол, один вмещающий сто и больше человек» [Путешествие ..., 1971, с. 27; Васильев, 2004; Фёдоров-Давыдов, 1969].

Откуда могли появиться в дельте Волги эти племена огузов? Попробуем найти подтверждение словам ал-Гарнати в материалах Самосдельского городища. Здесь было обнаружено в виде подъемного материала и находок из раскопов огромное количество лепной и доведенной на гончарном круге керамики, которая имеет широкие территориальные аналогии. В Восточной Европе мы ее можем найти прежде всего среди материалов донских городищ Хазарии (в частности, в материалах Саркела) [Плетнева, 1959, с. 230–242], где она связывается исследователями с кочевническим компонентом населения. Кроме этого, известна подобная керамика на так называемых «болотных» городищах Янгикентской группы, обнаруженных С.П. Толстовым в низовьях Сырдарьи [Толстов, 1947, с. 57–67]. Здесь в 1946 г. Хорезмской экспедицией были обследованы городища Джанкент (Янгикент), Куюк-Кескенкала и Большая Куюк-Кала. С.П. Толстов высказал мнение, которое продолжает бытовать и у большинства современных исследователей, о принадлежности «болотных городищ» огузам. Также отдельные формы керамики имеют прямые параллели с керамическим материалом Средней Сырдарьи (Отрап) [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 190]. Мы уже выдвигали в свое время предположение о том, что элементы культуры «болотных городищ» попали в Восточную Европу именно в составе культуры огузов [Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003, с. 83–122].

Ранее мы писали, что в составе населения городища выделяется огузский этнокультурный компонент [Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003, с. 83–12]. Говоря об огузах, мы затрагиваем весьма острую тему, поскольку в представлении большинства археологов, занимающихся изучением кочевников Средневековья, огузы – это кочевые тюркоязычные племена, известные также в южнорусских степях под именем «торки», которые занимали про-

странства от Волги до Днепра в X–XI вв. Более того – огузский период в археологии кочевников ограничивается именно XI в. Однако ал-Гарнати писал об огузах в дельте Волги в XII в.

В связи с этим хотелось бы вновь высказать несколько предположений по вопросу расселения огузов и печенегов в Восточной Европе и в Низовьях Волги в частности. С.П. Толстов впервые обратил внимание на закономерность в расселении огузов и печенегов в Азии и Европе – на их тяготение к дельтовым и низовым районам [Толстов, 1947, с. 90]. Иллюстрирует он это расселением огузов в низовьях Сырдарьи, в низовьях Волги, борьбой огузов и печенегов в низовьях Дона, отмечает расселение печенегов в болотистых низовьях Днепра и Дуная. Он также считает, что огузы низовий Сырдарьи вели комплексное земледельческо-скотоводческо-рыболовецкое хозяйство, и именно этим объясняется их стремление к подобного рода экологическим нишам. Однако Г.Н. Гарустович и В.А. Иванов, полемизируя с С.П. Толстовым, утверждают, что анализ погребального обряда огузов и печенегов прямо говорит об их кочевом образе жизни, и оставляют открытым вопрос об этнической принадлежности материальной культуры нижнесырдаринских городищ [Гарустович, Иванов, 2001, с. 97]. По их мнению, городища эти были заселены родственными между собой племенами приаральского происхождения, связанные культурными и экономическими узами с Хорезмом. Присутствие же в их среде огузов или печенегов было весьма незначительным [Гарустович, Иванов, 2001, с. 98]. В.А. Иванов и Г.Н. Гарустович утверждают, что собственно огузы приходят в низовья Сырдарьи с востока лишь в нач. IX в. и с этого времени становятся соседями печенегов, а затем и вытесняют их с традиционных территорий кочевания [Гарустович, Иванов, 2001, с. 106]. До сих пор вопрос о происхождении населения нижнесырдаринских городищ остается нерешенным. В настоящий момент, не проводя дополнительные исследования на поселенческих памятниках в низовьях Сырдарьи, невозможно ответить на него со всей определенностью. Ограничимся предположением, что элементы культуры сырдаринских городищ попали в Восточную Европу именно в составе культуры огузов, ведь именно огузское нашествие было той силой, которая увлекла в X в. на запад огромные массы кочевников (и, возможно, связанного с ними оседлого или полуоседлого населения).

Есть сведения о кочевых и оседлых огузах и в средневековых источниках. В книге «Таба и ал-хайаван», написанной ал-Марвази, придворным врачом сельджукских султанов, содержится информация, перерепутая им из сочинений Джайхана – «...Одни из них (огузов) живут в городах, другие живут в степях и пустынях, владея палатками и юртами. Их степи граничат со страной Мавераннахра, а часть их примыкает к землям Хорезма» [Гарустович, Иванов, 2001, с. 24]. Однако эти данные относятся к более позднему периоду, чем интересующий нас.

На наш взгляд, необходимо провести разделение огузского мира на кочевой и оседлый или полуоседлый компоненты. Под термином «огузский мир» мы понимаем те племена и роды, которые были втянуты в процесс культурного, этнического и политического смешения в Азии и Европе в связи с миграцией огузов на Запад.

Возможно также, что огузский мир, состоявший из множества этнических компонентов, содержал и племена, имевшие в основе своего хозяйства не только кочевое скотоводство, как и предполагал С.П. Толстов. Он считал наличие комплексного скотоводческо-рыболовецко-земледельческого хозяйства не признаком оседания кочевников на землю, а пережитком предшествующих форм хозяйствования, той экономикой, на базе которой и сформировалось кочевое скотоводство, как более рентабельное в степях. Старые же формы хозяйствования сохранились лишь в экологических нишах, подобных дельте Сырдарьи [Толстов, 1947, с. 99].

Однако в отличие от кочевых компонентов огузского «мира», изученных сравнительно неплохо по курганным захоронениям, оседлый или полуоседлый образ жизни огузов лишь начинает изучаться. Вполне вероятно, что инфильтрация огузов в низовья Сырдарьи и частичное вытеснение представителей джеты-асарской культуры с занимаемых территорий началось раньше – в VIII в., причем эти процессы наложились на начало экологической ката-

стrophы – усыхание Сырдарьи – приведшей к исчезновению части «болотных городищ». Часть населения этих городищ уходит в Хорезм (Кердер) [Гудкова, 1964, с. 140], а затем – дальше на Запад, часть остается на местах, подчинившись огузам. Низовья Сырдарьи становятся центром племенного огузского объединения. Поэтому, не зная достоверно, были ли люди, ушедшие с «болотных городищ» на запад, действительно огузами, но, зная о тесных их контактах с огузами, некоторой близости огузской и джеты-асарской материальных культур, мы условно будем именовать их оседлыми или полуоседлыми огузами. Более того, мы можем предположить, что именно кочевые или полукочевые огузы, воспринявшие частично керамическую традицию джеты-асаров, как наиболее мобильная часть общества, приняли участие в переселении.

Существует интересное мнение, что именно огузо-печенеги составляли гарнизон города-крепости Саркел, защищавшей западные рубежи Хазарского каганата [Артамонов, 2001, с. 414, 419, 423–424]. Из письма хазарского царя Иосифа министру эмира Кордовы Хасдаю ибн Шапруту известно о том, что его охраняет гвардия из хорезмийцев-мусульман. Уже упоминавшийся нами ал-Марвази сообщает: «Когда они (огузы) стали соседями мусульманских стран, часть из них приняла ислам. Они стали называться туркменами» [Гарустович, Иванов, 2001, с. 24]. В связи с этим можно сделать предположение об огузской принадлежности так называемых ал-арсий – гвардейцев хазарского царя. Это предположение объясняет пути проникновения огузов в дельту Волги в X в. Оговоримся, однако, что М.И. Артамонов считал, что вопрос о происхождении ал-арсий недостаточно разработан и соотносил этот этоним с аорсами, не отрицая, однако, возможности найма хазарами на службу и кочевников – тюрок [Артамонов, 2001, с. 553–555].

Судя по материалам Самосдельского городища, огузы появляются в дельте Волги в конце хазарского периода. Маркируется их приход туда появлением в керамическом комплексе городища лепной посуды с так называемым «пышным» орнаментом. Относится это явление к слоям начала – середины X в. [Зиливинская, 2011, с. 12–13]. И эта кочевническая керамика – котлы, горшки, а также подражания круговым формам – кувшины, кружки, миски, тазы и пр. – доживает вплоть до периода монгольского нашествия во второй четверти XIII в. практически без изменений, что говорит о сохранении основных черт культуры носителей этой керамической традиции – нижневолжских огузов [Попов, 2011, с. 60–88; 2009].

Очевидно, что огузы, которых ал-Гарнати исчисляет в количестве «сорока племен» и упоминает на первом месте в списке народов, населявших Саксин, составляли основу его населения и вели полукочевой образ жизни. Однако невозможно представить себе кочевание в условиях дельты Волги – этот регион представляет собой огромное количество отделенных друг от друга широкими речными протоками островов и островков. Сообщение между островами для больших масс населения было возможно только зимой, в период ледостава. Каждый из этих островов тем не менее пригоден для содержания довольно большого стада в течение круглого года, поскольку ни один из них полностью не затапливается половодьем, а также способен производить большое количество травы на заливных лугах. Современное скотоводческое хозяйство в дельте Волги построено именно на принципе стойлового содержания скота в зимний период и на придомном выпасе в периоды, когда луга не покрыты снегом. Запасы кормов в виде сена и силоса позволяют спасти скот от бескорницы в снежные или холодные зимы.

Очевидно также, что именно мясная диета составляла основу рациона жителей города в X–XIV вв. Главным образом, это крупный и мелкий рогатый скот. Примечательно, что животных в городе не содержали – в культурных слоях городища обнаружены не целые скелеты, а лишь кости со следами кухонной и рыночной разделки [Яворская, 2011, с. 152]. Видимо, мясо в город поставлялось из ближайшей округи. Можно предположить, что огузы играли в составе населения города очень важные роли, поскольку они были связаны с поставщиками мяса и в силу своей мобильности служили щитом города от внешних вторжений.

Упоминание ал-Гарнати именно сорока племен гузов можно трактовать по-разному. Вряд ли их было именно сорок. В.С. Флеров подробно проиллюстрировал опасность для историка, кроющуюся в круглых и священных числах, таких как «три», «девять», «сорок», «со-

рок тысяч» и пр. По его мнению, восточные средневековые авторы были склонны с одной стороны преувеличивать указываемые цифры, а с другой стороны – округлять [Флёрнов, 2011, с. 91–96]. Так что мы можем просто принять на веру, что племен огузов в Саксине было действительно много. Но сколько конкретно – мы не знаем. И не знаем также, с чем связана численность этих племен. Очевидно только, что огузы не составляли жестко соподчиненного, иерархически организованного политического единства, поскольку у каждого племени, по словам ал-Гарнати, был свой эмир. Однако наверняка эти «сорок племен» жили в мире между собой, деля экономическое влияние в городе и в округе. Можно осторожно предположить, что каждое «племя» контролировало какой-либо крупный остров в дельте или ряд островов, и дельта Волги в те времена могла быть разделена на отдельные экономически замкнутые микрорегионы, связь между которыми осуществлялась через торговлю на рынках крупного города Саксина.

Такое положение сохраняется в дельте Волги до сих пор – экономические интересы жителей дельтовых поселений порой оказываются более зависимы от далеко расположенных рынков, чем от торговли в близлежащих населенных пунктах – виной тому сложившиеся маршруты удобных переправ через многочисленные дельтовые протоки. Соседнее село, расположенное на противоположном берегу большой реки, оказывается менее достижимым, чем село или город на другом конце большого дельтового междуречья, поскольку до него надо переправляться на лодке, а не добираться посуху.

Наверняка, такая же ситуация существовала в дельте Волги в золотоордынскую эпоху. Не так давно вышла книга Л.Ф. Недашковского, в которой автор выделяет округу крупных золотоордынских городищ методом построения окружностей различного диаметра, символизирующих дальнюю и ближнюю периферию, экономически связанную с городским центром [Недашковский, 2010, с. 123–155, 192–193, ил. 4, 15–19]. Эту методику он применяет и к дельте Волги. Таким образом, в округу городища Шареный бугор (остатки золотоордынского города Хаджи-Тархан), по Л.Ф. Недашковскому, попадает практически вся дельта, в том числе, и Самосдельское городище, и городище Мошаик, которые возникли задолго до появления Хаджи-Тархана. Хотелось бы разразить автору исследования, что к Нижнему Поволжью невозможно применять такую методику определения округи, поскольку здесь, скорее, будет более верной осевая структура, привязанная к речным берегам и островам.

Как в золотоордынскую, так и в более раннюю эпоху эти средневековые поселения были связаны между собой экономически, они представляли собой элементы хозяйственно-рыночного единства, будучи нанизаны на вертикальную транспортную ось (или множество осей), образованных речными руслами (водные торговые пути) и сухопутными дорогами по вытянутым с севера на юг островам волжской дельты. Переправы на левый и правый берег дельты, ограниченной широкими и многочисленными водными артериями, были затруднены. Дельта и пойма представляли собой замкнутую хозяйственную систему, вне которой находились лишь торговые караваны, которые могли приходить с левого берега и переправляться на правый.

Однако существовала ли сухопутная транзитная караванная торговля в предмонгольскую эпоху в Нижнем Поволжье? И если существовала, то в каких масштабах? Об этом у нас нет никаких сведений. Вполне вероятно, что поселения дельты Волги в XI–XII вв. обслуживали, в основном, транзитную торговлю по Каспию и Великому Волжскому пути. Об этом косвенно свидетельствует, например, значительная доля закавказского (ширванского, иранского) импорта в находках на Самосдельском городище.

Большие дворы. Ал-Гарнати пишет, что «у них большие дворы, а в каждом дворе – покрытый войлоками шатер, огромный, как большой купол, один вмещающий сто и больше человек» [Путешествие ..., 1971, с. 27]. Я думаю, что эти сведения относятся не ко всем огузам, а лишь к эмирам, которые держали в городе свои стационарные дома, во дворах которых стояли кочевнические шатры. Это не вполне вписывается в ту картину, которую мы прослеживаем на ограниченной площади раскопов на Самосдельском городище, но все же, попробую объяснить.

Традиция установки юрт или шатров во дворах усадеб оседающей в городах кочевой знати археологам хорошо известна. Так, например, на Царевском городище были прослежены остатки юрт, установленных во дворе знатной усадьбы [Степи Евразии ..., 1981, с. 279, рис. 100]. Были обнаружены юрты и на Селилренном городище, к северу от общественной бани [Рудаков, 2007, с. 12]. Возможно, что не обычные жилые, а огромные по размерам и вместительные шатры или юрты были необходимы эмирам огузов не столько для проживания, сколько для совершения каких-либо общественных церемоний, связанных с управлением своим «племенем».

В ходе исследований на Самосдельском городище были выявлены крупные сооружения, вписанные в строгую городскую планировку – многокомнатные дома из сырцового кирпича и пахсы. Эти дома, исследованные на раскопах 1 и 2, появляются в начале XI в. и доживают до конца XIII в. Основным материалом из заполнения этих домов является лепная огузская хозяйственная посуда. Интересно, что в одном из этих жилищ, в сооружении 27, которое исследовано на раскопе 2, были обнаружены кочевнические лепные котлы с раковинообразными ручками-ушками, вкопанные в полы жилищ с хозяйственными целями в слоях, предшествовавших монгольскому нашествию и в слоях, последовавших за пожаром второй половины 1330-х гг. [Васильев, 2011, с. 34–45]. Вполне вероятно, что это жилище как раз и могло принадлежать знатному огузскому эмиру. Но скорее всего, центральную часть города занимали, все-таки, булгары – большая часть керамического материала из стационарных домов имеет булгарский облик.

В ходе исследований на раскопе № 2 Самосдельского городища были обнаружены также юртообразные постройки и жилища, вписанные в строгую уличную планировку города XII в. [Васильев, Болдырева, Зиливинская, 2020, с. 211–229]. Таким образом, мы можем трактовать сведения ал-Гарнати напрямую – огузы содержали в Саксине не дома, а дворы, т.е. площадки, на которых на окраинах города устанавливались шатры, где они могли проводить общественно значимые церемонии.

Полтора десятилетия назад, когда исследования на Самосдельском городище в дельте Волги только начинались, волгоградский исследователь-кочевниковед Е.В. Круглов выступил с дискуссионной статьей «К проблеме этнокультурной атрибуции населения Самосдельского городища и лепной керамики, украшенной гирляндоподобным орнаментом» [Круглов, 2005, с. 164–166].

В ней автор констатирует факт обнаружения на Самосдельском городище значительно-го числа фрагментов лепной керамики, украшенной «пышным» орнаментом, аналогии которой встречаются, в частности, в материалах Саркела. При этом Е.В. Круглов указывает, что процентное соотношение лепной посуды пока вычислить невозможно даже приблизительно. В настоящее время эта цифра известна, по крайней мере, по материалам раскопа № 1. Общее количество фрагментов данной посуды составляет от 13 до 15 % от общего объема выборки, что является довольно значительной цифрой [Васильев, 2010, с. 241–249]. Е.В. Круглов не согласен с неоднократно высказывавшейся исследователями городища Д.В. Васильевым и Э.Д. Зиливинской этнической интерпретацией данной группы керамики в качестве огузской [Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003, с. 83–122; Зиливинская, Васильев, Гречкина, 2006, с. 24–36]. При этом он совершенно справедливо указывает на то, что принадлежность керамики с «пышной» орнаментацией именно огузам нигде и никем не доказана.

В свое время, встречаясь с Е.В. Кругловым на различных научных конференциях, мне доводилось полемизировать с ним по поводу интерпретации этой керамики как огузской. Главным аргументом Е.В. Круглова в спорах было то обстоятельство, что в захоронениях огузская посуда не обнаружена, и, кроме того, огузская эпоха в Нижнем Поволжье заканчивается гораздо раньше, чем наблюдаемая нами посуда появляется в Самсоделке. Совершенно неожиданно для меня как-то сходную мысль высказал и В.А. Иванов: «Не спешите интерпретировать эту часть населения городища в качестве огузов!».

Однако прямое указание ал-Гарнати на наличие в составе населения города огузов («гуззов») не позволяет нам игнорировать эту этническую группу в своих реконструкциях, несмотря на то, что время господства огузов в степях в XII в. уже ушло в прошлое. Тем более

что подобная посуда была обнаружена впервые С.П. Толстовым в низовьях Сырдарьи на «болотных городищах» Янгикентской группы, и интерпретирована в тот момент как огузская [Толстов, 1947, с. 55–102]. Возможно, это определение произвольно, и также возможно, что именно авторитет С.П. Толстова сыграл в этом вопросе свою роль, однако на долгие годы за подобной керамикой закрепилась именно эта интерпретация. Е.В. Круглов совершенно справедливо приводит мнение С.Г. Кляшторного о том, что огузы появляются в низовьях Сырдарьи лишь в середине IX в., поэтому связывать данную группу керамики с этой этнической группой будет не вполне корректно. Он же указывает, что К.А. Акишев, К.М. Байпаков и Л.Б. Ерзакович связывают данную группу керамики с автохтонным населением Средней и Нижней Сырдарьи – кенгересами-печенегами [Круглов, 2005, с. 164–166].

Сам Е.В. Круглов аргументированно связывает керамику, покрытую накольчатым и гирляндообразным орнаментом, именно с печенегами, анализируя материалы погребальных памятников печенегов [Круглов, 2005, с. 164–166]. Сравнительного материала для аналогий, правда, приводится мало.

Тем не менее основной «свидетель», описывающий этнический состав населения города Саксина, ал-Гарнати, пишет именно об огузах. Как же снимается данное противоречие?

Абу-Хамид ал-Гарнати помимо огузов упоминает среди населения города Саксина неких «магрибинцев» [Путешествие … , 1971, с. 27], которые придерживаются «толка Малика», т.е. исповедуют ислам в форме маликитского мазхаба. Причем в одном месте ал-Гарнати говорит об «арабах из Магриба», перечисляя купцов разных народностей, а в другом – именно о магрибинцах-маликитах.

В одной из своих прошлых статей [Васильев, 2015, с. 205, 218] я расценил это лишь как свидетельство наличия в Саксине купцов из стран мусульманского Запада – Магриба (Северной Африки). Однако в своем комментарии к сочинению ал-Гарнати О.Г. Большаков указывает на то, что сама фраза как будто не допускает иного понимания, но обращает внимание на то, что говорится о «сыновьях магрибинцев» в других частях данного сочинения [Путешествие … , 1971, с. 66]. Вот что, например, пишет ал-Гарнати о своем пребывании в Киеве: «И прибыл я в город [страны] славян, который называют «Гор[од] Куйав». А в нем тысячи «магрибинцев», по виду тюрков, говорящих на тюркском языке и стрелы мечущих, как тюрки. И известны они в этой стране под именем беджн[ак]» [Путешествие … , 1971, с. 37]. В части, касающейся наличия «магрибинцев» в Венгрии, речь идет все о тех же многотысячных по численности кочевниках, в обоих случаях ими оказываются печенеги (беджнаки), что заставляет искать иное понимание фразы о магрибинцах в Саксине.

Возможно, что слово «Магриб» здесь употреблено не в значении «Запад», а в значении «далъ», «отдаленность», «уход». Вполне вероятно, что и здесь речь идет именно о печенегах, «отдаленно проживающих народах» [Путешествие … , 1971, с. 66]. Между тем следует сделать оговорку, что маликитский мазхаб ислама распространен именно в странах Северной и Центральной Африки, а также в Испании, т.е. в странах, относящихся к арабскому Магрибу.

Вопрос мог бы быть решен достаточно просто, имея в нашем распоряжении курганный могильник с разнообразным погребальным обрядом. Однако городское население было исламизировано, и погребальный обряд был унифицирован. В самом культурном слое городища были найдены лишь случайные непреднамеренные захоронения людей, связанные с периодом монгольского нашествия 1230-х гг. и кыпчакского набега середины – второй половины XI в. [Мартынова, 2020, с. 281–283]. Единственным пригородным некрополем, на настоящий момент известным в окрестностях городища, является кладбище Левобережного Самосдельского селища, на котором в 2018 г. было исследовано 12 мусульманских погребений [Васильев, 2018, с. 27–29]. Однако факт остается фактом – на фоне «40 племен», т.е. множества огузов, в Саксине существуют еще и печенеги. Вполне ясно, что они занимали подчиненное по отношению к огузам положение, возможно, даже будучи инкорпорированы в состав огузских племен.

Если наши предположения верны, и ал-Гарнати под термином «магрибинцы» имеет в виду печенегов-маликитов, то в составе населения Самосдельского городища мы вправе выделять именно «огузо-печенежский» компонент, а именно какие-то печенежские племена, инкорпорированные в огузское племенное объединение.

Библиографический список

1. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отран. – Алма-Ата : Наука, 1972. – 256 с.
2. Артамонов М.И. История хазар. – СПб. : Лань, 2001. – 688 с.
3. Васильев Д.В. Город и область Саксин в свете новых данных археологии // Поволжская археология. – 2015. – № 2 (12). – С. 189–267.
4. Васильев Д.В. Методика обработки и общая характеристика массового материала с Самосдельского городища // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия : материалы III Междунар. Нижневолж. археолог. конф. (г. Астрахань, 18–21 окт. 2010 г.). – Астрахань : АГУ, 2010. – С. 241–249.
5. Васильев Д.В. Некоторые результаты исследований на раскопе № 2 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. – Астрахань : Изд.: Сорокин Роман Васильевич, 2011. – С. 36–47.
6. Васильев Д.В. О местоположении города Саксин // Проблемы археологии Нижнего Поволжья // I Междунар. Нижневолж. археолог. конф. (г. Волгоград, 1–5 нояб. 2004 г.) : тез. докл. – Волгоград : ВолГУ, 2004. – С. 264–269.
7. Васильев Д.В. Об археологических исследованиях в окрестностях села Самосделка в 2018 году // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки : материалы XIV Всерос. науч. конф. (г. Астрахань, 17 мая 2018 г.) / отв. ред. и сост. Е.Г. Тимофеева, А.О. Тюрин, И.В. Торопицын. – Астрахань, 2018. – С. 27–29.
8. Васильев Д.В., Болдырева Е.М., Зиливинская Э.Д. Юртообразные жилища и постройки X–XII вв. на Самосдельском городище // Нижневолжский археологический вестник. – 2020. – № 1 (19). – С. 211–229.
9. Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Городище Самосделка – памятник до-монгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 3. Поло-вецко-золотоордынское время / гл. ред. А.В. Евлевский. – Донецк : ДонГУ, 2003. – С. 83–122.
10. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. – Уфа : Гилем, 2001. – 211 с.
11. Государство гузов в памятниках археологии и по данным Ибн Фадлана / Е.В. Круглов, Н.В. Хабарова, А.В. Жадаева, А.В. Кривошеева // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара : кат. / ред. : М.Б. Пиотровский, А.И. Торгоев, И.Р. Ахмедов. – М. : ИД Марджани, 2016. – С. 186–225.
12. Гудкова А.В. Ток-кала. – Ташкент : Наука, 1964. – 148 с.
13. Зиливинская Э.Д. Раскоп № 1 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. – Астрахань : Изд.: Сорокин Роман Васильевич, 2011. – С. 13–36.
14. Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // Российская археология. – 2006. – № 4. – С. 24–36.
15. Круглов Е.В. К проблеме этнокультурной атрибуции населения Самосдельского городища и лепной керамики, украшенной гирляндоподобным орнаментом // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України / гл. ред. В.В. Отрощенко. – Київ ; Луганськ : Шлях, 2005. – С. 164–166.
16. Круглов Е.В. Об аналогиях к сосудам первой группы лепной посуды Самосдельского городища // Астраханские краеведческие чтения : сб. ст. Вып. 13 / отв. ред. А.А. Курапов. – Астрахань : Изд. : Сорокин Роман Васильевич, 2021. – С. 68–75.

17. Круглов Е.В. Печенеги в эпоху Средневековья // Тезисы докладов VII научной конференции профессорско-преподавательского состава ВолГУ / ред. А.В. Шестакова. – Волгоград : ВолГУ, 1990. – С. 74–75.
18. Круглов Е.В. Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 3 / редкол. : акад. НАНУ П.П. Толочко, чл.-кор. НАНУ А.П. Моця и др., гл. ред. А.В. Евглевский. – Донецк : ИА НАНУ : ДонНУ, 2003. – С. 13–82.
19. Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 2 / редкол. : акад. НАНУ П.П. Толочко, чл.-кор. НАНУ А.П. Моця и др., гл. ред. А.В. Евглевский. – Донецк : ИА НАНУ : ДонНУ, 2001. – С. 395–448.
20. Мартынова Е.В. «Брошенные» захоронения XI–XIII вв. на Самосдельском городище // ЛII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 5–9 февраля 2020 г.) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, молодых ученых. – Пермь : ПГНИУ, 2020. – С. 281–283.
21. Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. – М. : Восточная литература, 2010. – 351 с.
22. Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. – М. ; Л. : АН СССР, 1959. – С. 212–272. – (МИА; № 75).
23. Попов П.В. Лепные котлы Самосдельского городища и проблема их этнической интерпретации // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 7. Хазарское время. – Донецк : ДонНУ, 2009. – С. 153–186.
24. Попов П.В. Предварительные итоги изучения керамики Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / отв. ред. Д.В. Васильев. – Астрахань : Астрах. цифровая тип, 2011. – С. 60–89.
25. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / публ. О.Г. Большикова и А.Л. Монгайта. – М. : ГРВЛ, 1971. – 136 с.
26. Рудаков В.Г. Селистренное городище: хронология и топография : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2007. – 26 с.
27. Степи Евразии в эпоху Средневековья. – М. : Наука, 1981. – 304 с. – (Археология СССР; т. 18).
28. Толстов С.П. Города гузов (историко-этнографические этюды) // Советская этнография. – 1947. – № 3. – С. 55–102.
29. Фёдоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII–XIV вв. // Древности Восточной Европы. – М. : ИА АН СССР, 1969. – С. 253–261. – (МИА; № 169).
30. Флёрков В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М. : Мосты культуры / Гешарим, 2011. – 264 с.
31. Яворская Л.В. Основные результаты археозоологических исследований городища Самосделка (2005–2010 гг.) // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. – Астрахань : Изд.: Сорокин Роман Васильевич, 2011. – С. 151–154.

УДК 902 / 904

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-27-67-71

Е.П. Казаков**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КАРАЯКУПОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(К 75-ЛЕТИЮ В.А. ИВАНОВА)**

Институт археологии АН Республики Татарстан, Казань, РФ

Аннотация. В эпоху Средневековья в Урало-Поволжье археологи отмечают многие культуры, попавшие сюда миграционным путем. Они четко отличаются между собой по керамике и иногда по погребальному обряду и вещевому инвентарю. Одним из таких образований является карайкуповская культура, для которой характерна лепная круглодонная, небольших пропорций керамика с характерными, расположеннымными в ряд ямками и «жемчужинами» и реже гребенчатым орнаментом. Первоначально исследователи объединяли ее с кушнаренковской культурой, однако В.А. Иванов твердо уверен – несмотря на определенную близость этих объединений, относятся они к разным образованиям, что автор доказывает в ряде работ. В настоящее время некоторые специалисты считают, что обе отмеченные культуры оставлены уграми или самодийцами.

Ключевые слова: кушнаренковская, карайкуповская культуры, угры, самодийцы, *Magna Hungaria*

E.P. Kazakov**THE CULTURE OF KARAYAKUPOVO: PROBLEMS OF STUDYING
(ON THE 75TH ANNIVERSARY OF V.A. IVANOV)**Institute of Archaeology of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

Abstract. During the Middle Ages of the Ural-Volga region archaeologists noted many cultures that came here by migration. They clearly differ from each other in ceramics and sometimes in burial rites and inventory. One of such formations was the Culture of Karayakupovo, which is characterised by moulded round-bottomed, low-proportioned pottery with rows of holes and ‘pearls’ and, more rarely, combed ornamentation. Initially researchers united it with the Culture of Kushnarenkovo, however, V.A. Ivanov is firmly convinced that, despite a certain proximity of these cultures, they belong to different formations, which the author proves in a number of works. At present some specialists believe that both cultures above mentioned belong to the Ugrians or Samoyeds.

Keywords: culture of Kushnarenkovo, Culture of Karayakupovo, Ugrians, Samoyeds, *Magna Hungaria*

В эпоху Средневековья в Урало-Поволжье наблюдается несколько волн миграции из западносибирской лесостепи и Зауралья. Во многом это было вызвано бурными событиями периода образования Тюркских каганатов.

Среди новых культур была и карайкуповская, которую мы и рассматриваем. Название свое она получила после раскопок Г.И. Матвеевой в 1962 и 1967 гг., когда были получены значительные по объему материалы оседлого населения, имеющие свои особенности, с памятников, расположенных в основном на левобережье р. Белой и в сопредельных районах.

Первоначально кааякуповскую группу даже не относили к культуре, датируя ее VIII–XII вв. и считая, что она привнесена в Западное Приуралье населением из южных районов Западной Сибири [Археологическая карта Башкирии, 1976, с. 31–32].

С накоплением нового материала с замечательными комплексами на огромной территории Урало-Поволжья все больше становится точек зрения о самобытности кааякуповской культуры и о связи ее с культурой кушнаренковской. В.А. Иванов в отдельной статье отмечает, что одни исследователи связывали такие комплексы с уграми, другие – с самодийцами [Иванов, 2009, с. 177]. Он же, доказывая самостоятельность этой культуры и используя статистические методы, указывал те ее черты, которых не было в синхронных комплексах, в частности, ямочный рядовой орнамент и другие признаки [Иванов, 2022, с. 51–57].

Автор справедливо отмечает, что кушнаренковская и кааякуповская посуда «...представляют две различные керамические группы, оставленные, хотя и родственными, но отнюдь не тождественными этническими группами» [Иванов, 2009, с. 192].

Точка зрения, что кушнаренковская культура оставлена самодийцами или выходцами из сибирской лесостепи, существовала у В.Ф. Генинга [1962; 1978], Е.П. Казакова [2007, 2024]. В настоящее время подобные группы керамики известны в Томском Приобье, Павлодарском Прииртышье [Чиндина, 1977; Арсланова, 1980].

Уже достаточно давно, еще в прошлом веке, крупных ученых, – в основном, языковедов, интересовал вопрос – каким образом финны, эсты, а также саамы – самодийцы попали на северо-запад Евразии, хотя родина их – лесостепь Западной Сибири между Уральскими и Алтайскими горами. Как они, и в какое время прошли эту огромную территорию?

Возможно, на эти вопросы, в какой-то мере, могут ответить все более объемные материалы археологических экспедиций. Дело в том, что указанный регион является, своего рода «плавильным котлом» крупнейших языковых групп. Проживающее здесь население, помимо благоприятных условий жизни и наличия кремня, с началом железа получило мощное развитие экономики.

Отмечается выраженное миграционное движение на северо-запад, что связано с появлением культур с ямочным орнаментом. В целом орнамент, как правило, лепной круглодонной посуды угорских и самодийских народов, заслуживает своего внимания: угорские группы Урала украшали горловины сосудов веревочными оттисками, символизирующими небо в облаках, а на плечиках сосудов – отмечали парными оттисками гребенки или дорогу, или планы подпрямоугольных или округлых в плане жилищ, или же изображали лес.

В.А. Иванов описал кааякуповскую керамику [Иванов, 2009, с. 183–185] как лепные, невысоких пропорций, круглодонные горшки с орнаментом в виде ряда «жемчужин» или ямок, иногда с оттисками гребенчатых отпечатков (рис. 1). Учитывая, что орнамент на лепной посуде фактически всегда символ, возможно предположить, что ямки являлись «убежищами добрых духов», охраняющих пищу в сосуде.

В целом исследователи считают, что активная миграция сибирских групп на северо-запад, началась с эпохи поздней бронзы – начала железа. Это же справедливо и для Урало-Поволжья, где зафиксировано появление таких культур с отмеченной посудой. Впоследствии, возможно, под давлением других кочевников, это население вынуждено было уйти еще дальше на северо-запад. По материалам А.Х. Халикова и В.С. Патрушева, в марийском крае в рассматриваемые исторические периоды отмечается масса новых мигрантов, которые по речным путям могли продвигаться и далее, вплоть до Скандинавии. Керамика самодийцев известна.

Однако и в эпоху Средневековья, сибирские группы продолжали миграцию в Урало-Поволжье. В частности, этот процесс происходил и во второй четверти VII в., когда самодийцы (кушнаренковцы, кааякуповцы), являющиеся северным крылом «Magna Hungaria», разгромили в Урало-Поволжье турбаслинско-именьковские (сарматские) племена, самодийская керамика которых имеет истоки далеко на востоке (рис. 2).

В Урало-Поволжье появились новые группы населения с совершенно иной культурой: неволинская, карайкуповская и другие. Имея высокий уровень развития и производства, они в предшествующее эпохе викингов время активно вели торговлю по рр. Каме, Волге, Оке, доставляя свои товары в отдаленные районы Восточной Европы: Подонье, Прибалтику и другие регионы. Учитывая, что в Скандинавию попали товары, имеющие истоки в самодийских районах западносибирской лесостепи, возможно таких торговцев связать с этонимом «биармийцы» [Казаков, 2022, с. 102–113].

С возникновением Волжской Болгарии самодийские группы, являющиеся северным крылом «Magna Hungaria», не ушли вместе с венграми на запад. Они мигрировали к восточной границе болгар, где отмечены их могильники: Большетиганский, XII Измерский. В материале Танкеевского могильника четко фиксируется взаимодействие кушнаренковских и карайкуповских групп в ранней Волжской Болгарии (рис. 3).

Хотя данная небольшая работа, в основном, посвящена В.А. Иванову как создателю и защитнику карайкуповской культуры, мы знаем, что Владимир Александрович необычайно широко работал с материалами археологических коллекций значительной территории. Именно ему коллеги доверяли их оценки: достаточно сказать, что руководство Республики Башкортостан поручало описание, оценку и датировку средневековых культур Приуралья в энциклопедии республики именно В.А. Иванову.

Археологи, товарищи и друзья Владимира Александровича считают, что юбиляр, как истинный казак, всегда был и останется их близким другом; желают ему здоровья, новых интересных открытий и доброго, хорошего настроения!

Библиографический список

1. Арсланова Ф.Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Приртышья // Средневековые древности Евразийских степей. – М. : Наука, 1980. – С. 79–104.
2. Археологическая карта Башкирии / отв. ред. О.Н. Бадер, Н.А. Мажитов, А.П. Смирнов. – М. : Наука, 1976. – 263 с. : 1 л. карт.
3. Генинг В.Ф. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры // III Уральское археологическое совещание в городе Уфе (февраль 1962 г.) : тез. докл. – Уфа : БФАН СССР, 1962. – С. 111–129.
4. Генинг В.Ф. Magna Hungaria в археологических источниках (замечания и концепции Е.А. Халиковой) : [рукописный текст, 1978].
5. Иванов В.А. Еще раз о «кушнаренковско-карайкуповской проблеме» // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности : сб. науч. ст., посвящ. 75-летию д. и. н. Е.П. Казакова. – Казань : Фэн, 2009. – С. 177–196.
6. Иванов В.А. Карайкуповские памятники Башкирского Приуралья // Археология Волго-Уралья. Т.В. Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы. – Казань : Изд-во АН РТ, 2022. – С. 51–57.
7. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань : ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. – 208 с.
8. Казаков Е.П. Памяти учителя (к 100-летию В.Ф. Генинга) // VI Северный археологический конгресс : материалы докл. (8–11 окт. 2024 г.) – Сургут ; Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2024. – С. 299–301.
9. Казаков Е.П. Постпетроградом в системе средневековых угорских культур Урало-Поволжья // Поволжская археология. – 2022. – № 2 (40). – С. 102–113.
10. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. – 192 с.

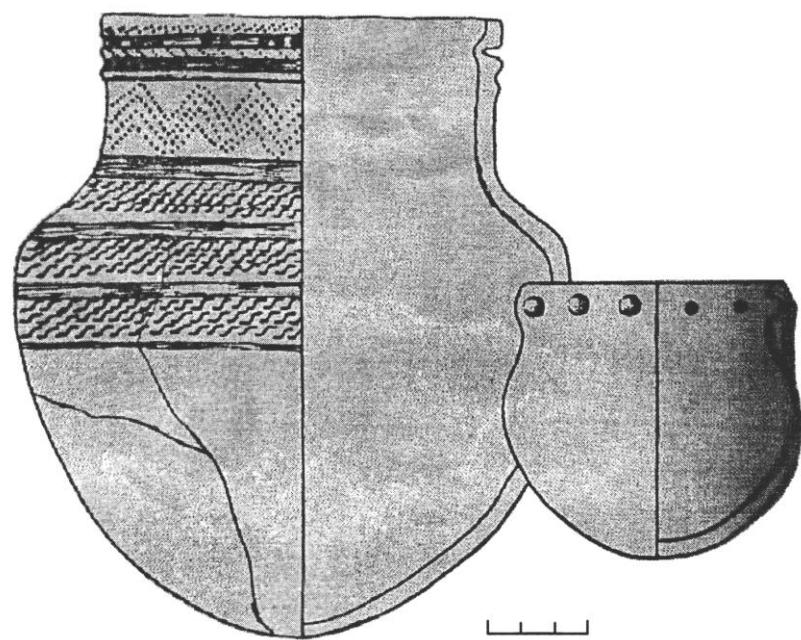

Рис. 1. Протокушнаренковская и протокарааякуповская керамика могильника «Рёлка» (по Л.А. Чиндиной)

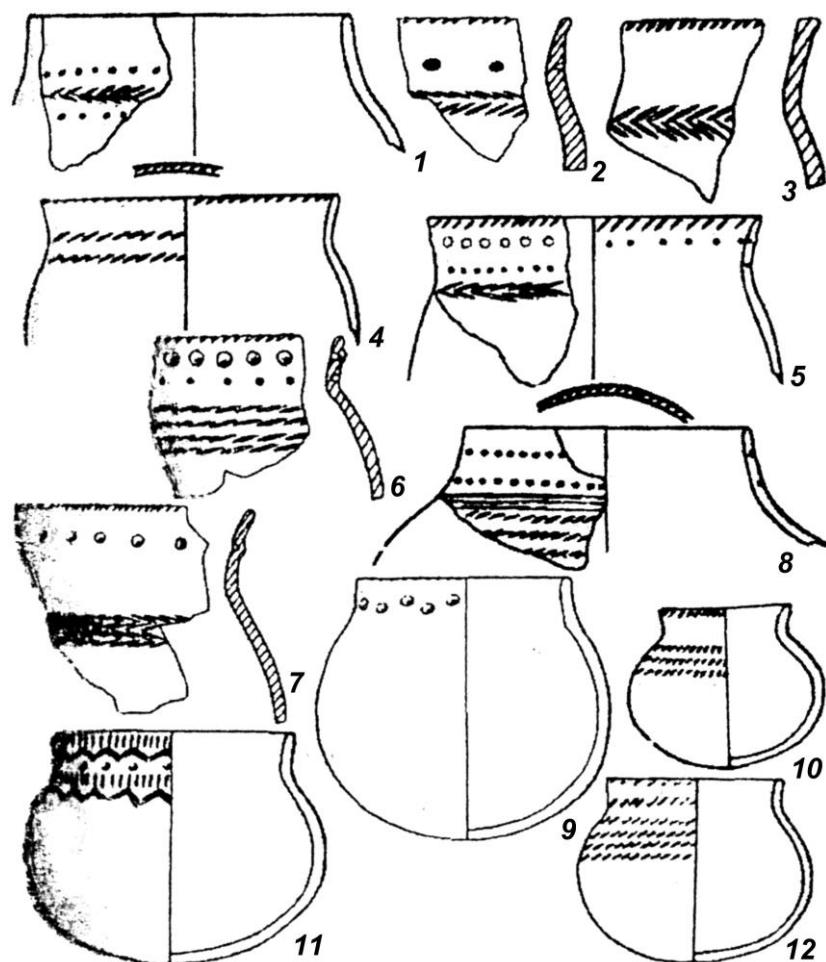

Рис. 2. Ка雅куповская керамика Приуралья (по В.А. Иванову)

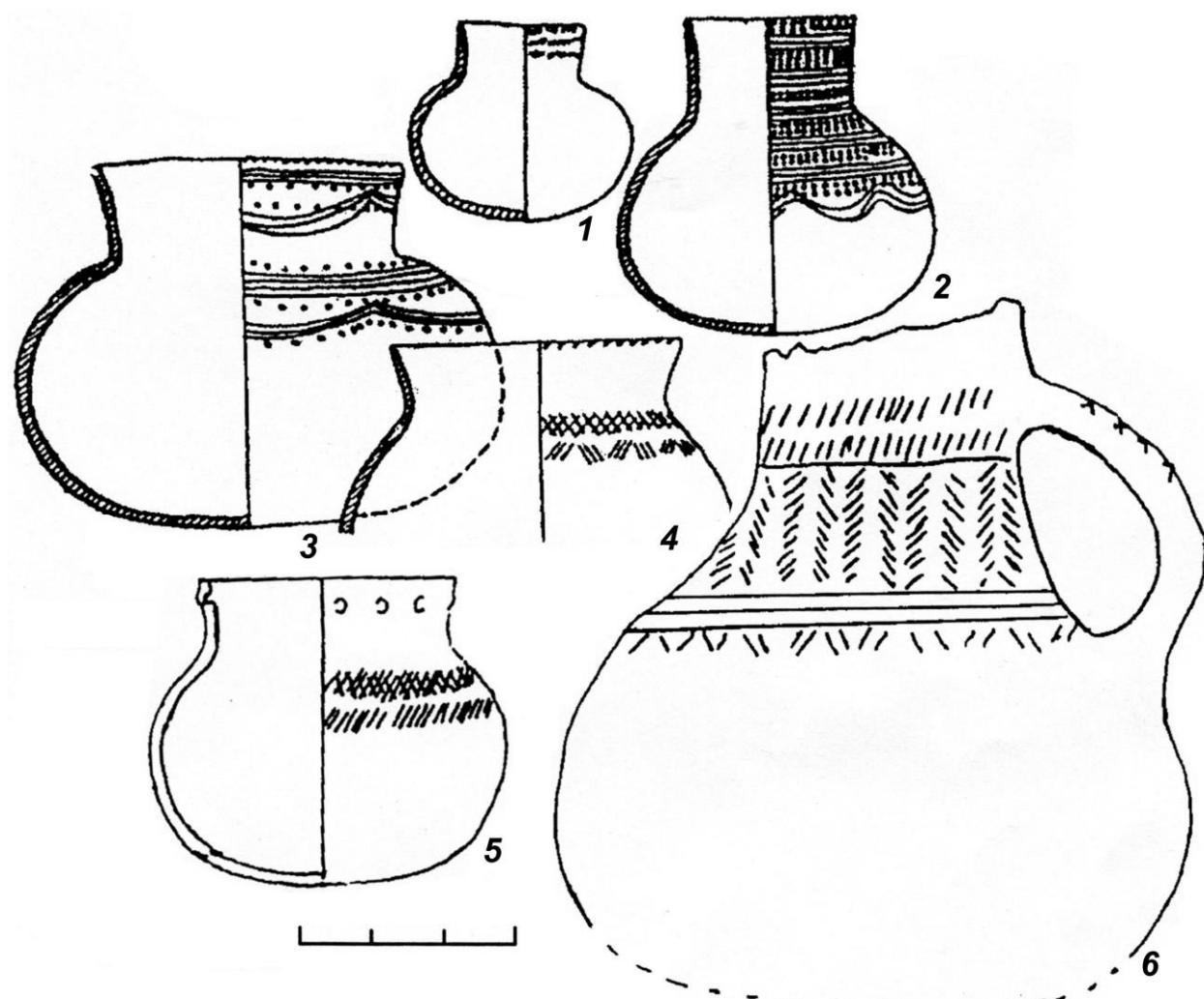

Рис. 3. Кушнаренковская и кааякуповская керамика Танкеевского могильника. Первая половина IX в. (по Е.П. Казакову).

УДК 902.01

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-27-72-89

Н.Б. Крыласова^{1,2}
ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФИНАЛЬНОЙ СТАДИИ
ЛОМОВАТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ
РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА)

¹Институт гуманитарных исследований УрО РАН, филиал ПФИЦ УрО РАН, Пермь, РФ

²НИИ археологии и антропологии им. А.М. Белавина ПГГПУ, Пермь, РФ

Аннотация. Продолжение изучения памятников ломоватовской культуры и, в частности, многолетние исследования могильников X–XI вв., принадлежащих к периоду, мало известному в XX в., показали ошибочность проведения границы между средневековыми культурами Пермского Предуралья (ломоватовской и родановской) в IX в. В X–XI вв. сохраняются все характерные черты погребальной обрядности, неизменной остаются погребальная керамическая посуда и знаковые предметы, ярко выделяющие ломоватовскую культуру. В статье вкратце представлены особенности вновь выделенной баяновской стадии (с начала до последней четверти X в.), а более детально – финальной огурдинской стадии (последняя четверть X – конец XI в.), для которой характерно наиболее консервативное сохранение ломоватовских традиций, хотя одновременно фиксируется и появление инноваций, знаменующих переход к новой родановской культуре.

Ключевые слова: археология, эпоха Средневековья, Пермское Предуралье, ломоватовская культура, баяновская стадия, огурдинская стадия

N.B. Krylasova^{1,2}
CHARACTERISTIC FEATURES OF THE FINAL STAGE
OF THE LOMOVATOVO CULTURE (BASED ON THE MATERIALS
OF THE ROZHDESTVENSKOE BURIAL GROUND)

¹Institute of Humanitarian Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, branch of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation

²A.M. Belavin Research Institute of Archaeology and Anthropology of Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

Abstract. Continued study of the monuments of the Lomovatovo culture and, in particular, long-term studies of the burial grounds of the 10th–11th centuries, belonging to a period little known in the 20th century, have shown the erroneousness of drawing the boundary between the medieval cultures of the Perm Cis-Urals (Lomovatovo and Rodanovskoe) in the 9th century. In the 10th–11th centuries, all the characteristic features of the burial rituals are preserved, the burial ceramic dishes and iconic objects that clearly distinguish the Lomovatovo culture remain unchanged. The article briefly presents the features of the newly identified Bayanovskaya stage (from the beginning to the last quarter of the 10th century), and in more detail – the final Ogurdinskaya stage (the last quarter of the 10th – the end of the 11th centuries), which is characterized by the most conservative preservation of Lomovatovo traditions, although at the same time the emergence of innovations is recorded, marking the transition to the new Rodanovskaya culture.

Keywords: archeology, the Middle Ages, Perm Cis-Urals, Lomovatovo culture, Bayanovskaya stage, Ogurdinskaya stage

В преддверии замечательного юбилея нашего друга, соавтора и единомышленника В.А. Иванова возник вопрос, что бы приятное и полезное для него написать. Юбилей происходит с понятной периодичностью, и уже не раз доводилось писать и о нем [Белавин, Крыласова, 2010; 2020], и для него [Крыласова, 2020].

Мы частенько обсуждаем различные темы, связанные со средневековой археологией Предуралья, делимся идеями, что-то уточняем. И это огромный подарок судьбы, что есть такой человек, с которым можно сверить правомерность и обоснованность своих рассуждений.

В.А. Иванов глубоко знаком с ломоватовской археологической культурой на территории Пермского края, работал с коллекциями, отчетами и публикациями, и не раз привлекал ее материалы для своих исследований. Он вполне разделяет нашу идею о переносе границы между средневековыми культурами Пермского Предуралья на рубеж XI–XII вв., но при этом периодически уточняет культурную принадлежность того или иного могильника... И действительно, кроме нескольких относительно небольших статей, где мы обосновали необходимость и правомерность изменения периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья [Белавин, Крыласова, 1997; 2016; 2016а; Белавин, Бочаров, Крыласова, 2000], мы больше специально не возвращались к этой теме и не конкретизировали ее.

Вернемся к сути проблемы. Обычно хронологические рамки археологических культур определяются моментами культурной трансформации, чем бы они ни были вызваны, а основными обстоятельствами трансформации чаще всего выступают миграции и изменение хозяйствственно-культурного типа [Сидоров].

В свое время при определении хронологических рамок ломоватовской культуры нижняя граница была обозначена довольно четко: «Начало ломоватовской культуры в Прикамье связано с притоком сюда нового населения из степных районов Приуралья или Южного Западного Уралья» [Голдина, 1985, с. 9]. Но вот рубеж между ломоватовской и родановской культурами, обозначенный в IX в., не отражал какой-либо культурной трансформации.

Р.Д. Голдина попыталась обосновать этот рубеж тем, что «поскольку целый ряд памятников прекращает использоваться в IX в. (Деменковский, Урьянский, Канёвский, Важгортский, Щукинский, Русиновский могильники), можно предполагать, что в этот период происходят какие-то серьезные перемены в жизни верхнекамского населения, повлекшие за собой качественные сдвиги в развитии материальной культуры коми-пермяков в конце I тыс. н. э.» [Голдина, 1985, с. 133]. В.А. Оборин нижнюю границу существования родановской культуры также обосновал тем, что «большинство ломоватовских поселений и могильников функционируют до конца VIII – начала IX в., а ранние родановские основываются с IX в.» [Оборин, 1999, с. 274].

Дальнейшие исследования показали преждевременность этой оценки. К примеру, на Деменковском могильнике (отнесенном к числу прекративших существование в IX в.) при раскопках 2000-х гг. выявлены погребения и более позднего времени, такая же ситуация может быть и на других малоизученных могильниках. Баяновский могильник, который В.А. Оборин относил к числу появившихся в раннеродановский период, им же датирован концом VIII–XI вв. [Оборин, 1953; 1956]. Характеризуя погребальный обряд родановской культуры, В.А. Оборин опирался, в частности, на материалы Урьянского, Канёвского, Важгортского могильников, исчезновение которых в IX в., по мнению Р.Д. Голдиной, знаменовало завершение ломоватовской культуры. Таким образом, IX в. оказался принадлежащим двум археологическим культурам.

Ключевое значение для изменения представлений о границе между средневековыми культурами Пермского Предуралья, имело исследование могильников X–XI вв. – периода, который долгое время оставался «белым пятном» в прикамской археологии. В особенности это касается материалов XI в., о которых А.А. Спицын писал «Состав вещей XI в. ... определяется с большим трудом, так как для этого времени не открыто ни кладов с предметами, ни

цельных могильников» [Спицын, 1902, с. 85]. Результаты исследований показали, что все основные признаки, характерные для ломоватовской археологической культуры, сохранились до конца XI в.

Поскольку границы ломоватовской культуры расширились, по крайней мере, на два века, потребовалось дополнить внутреннюю периодизацию культуры, разработанную Р.Д. Голдиной [Голдина, 1985, с. 123–133, рис. 16]. Последней стадией в ее периодизации является урынская (конец VIII–IX вв.). Следующую стадию (с начала до последней четверти X в.) можно условно назвать баяновской по Баяновскому могильнику, где изучено наибольшее количество погребальных комплексов этого времени. А финальная стадия ломоватовской культуры (последняя четверть X – конец XI в.) названа огурдинской по хорошо изученному могильнику с достаточно узкой датировкой, приходящейся на этот период, хотя наиболее детально особенности этого периода проанализированы по материалам Рождественского могильника, где вскрыто намного больше погребений [Очерки археологии …, 2022, с. 238–243].

Предыдущие исследователи не раз подчеркивали различие между материалами IX и X вв. А.А. Спицын писал: «В X в. состав вещей существенно меняется. Старыми остаются лишь некоторые виды образцов, привески-амулеты, коньковые подвески и некоторые другие типы, очень немногие» [Спицын, 1902, с. 30]. При разработке периодизации ломоватовской культуры Р.Д. Голдина отметила: «невозможно отделить предметы 1-й половины IX в. от вещей его второй половины, в то время как разделение предметов IX и X вв. не представляет особой трудности» [Голдина, 1985, с. 133].

Но М.В. Талицкий, напротив, указывал, что в X, а частично и в XI в. «можно проследить еще традиции ломоватовского времени… В X–XI вв. наиболее распространенным видом украшений являются коньковые подвески различных типов, подвески с прорезным щитковым держателем (арочные – *авт.*) и пр.» [Талицкий, 1951, с. 57–59], «в X в. городищенская керамика еще полностью сохраняет традиции ломоватовского времени как в форме сосудов, так и в орнаментике» [Талицкий, 1951, с. 55], «нижний слой Роданова городища X в., соответствующий времени Загарского могильника, в то же время является последней стадией ломоватовской культуры [Талицкий, 1951, с. 75]. К слову, Загарский могильник, неоднократно упомянутый как реперный для X в., по современным оценкам, принадлежит к числу малоизученных – он раскапывался в 1893 г. Ф.А. Теплоуховым, отдельные предметы опубликованы в Альбоме А.А. Спицына [Спицын, 1002]. Долгое время могильник был занят жилими и хозяйственными постройками д. Соболево, но сейчас, согласно данным разведки, проведенной А.В. Вострокнутовым [Вострокнутов, 2018, с. 11], деревня давно заброшена, и памятник можно было бы исследовать, если бы не его труднодоступность.

Не останавливаясь отдельно на *керамической посуде* (посуде Баяновского могильника посвящена отдельная статья [Батуева, Шардина, Данич, 2024]) (рис. 1) и особенностях погребального обряда, которые не претерпели заметных изменений, выделим вкратце основные особенности в развитии материальной культуры, характеризующие *баяновскую стадию* (начало – последняя четверть X в.), к которой можно отнести отдельные погребения таких известных могильников, как Баяновский, Рождественский, Плесинский, Редикарский, Деменковский, Канёвский, Питер (Степаново Плотбище).

Выделить различия между комплексами IX–X вв., вопреки убеждению Р.Д. Голдиной, непросто. Здесь нужно учитывать различные нюансы (вид привесок у шумящих подвесок, обилие зерно-сканого декора в ювелирных изделиях, появление новых типов пронизок и пр.), которые не имели принципиального значения, а отражали лишь эволюционное развитие вещей.

В это время *пояса местного типа* продолжали снабжаться наборами преимущественно квадратных накладок с прямоугольной или сердцевидной прорезью, наряду с ними появились накладки сердцевидной формы (рис. 2/4, 89, 91), а на Баяновском могильнике встречаются не только бронзовые литые, но и тисненые серебряные накладки подобных форм

(рис. 2/27). Ко второй половине X в. выработались стандартные поясные наборы (изученные по материалам Рождественского могильника), где основной ремень украшался квадратными накладками (гладкими или с тонким орнаментом из завитков), свисающий конец пояса («хвостовик», новый элемент) – сердцевидными накладками, а дополнением к таким поясам стали *привески в виде ремешков* с миниатюрными гладкими сердцевидными накладками и наконечниками. Эти пояса были продукцией местного ремесленного производства. Реже наряду с квадратными для оформления основного ремня использовались *накладки щитовидной формы* (рис. 2/65) [Крыласова, 2021].

Именно в этот период наиболее широко использовались *пряжки с зооморфными изображениями* на щите, преимущественно – медведя в ритуальной позе (рис. 2/19, 99).

Одновременно встречаются *поясные наборы* с пышно декорированными, зачастую серебряными накладками, которые находят аналогии в *венгерских могильниках* арпадского периода (рис. 2/62, 104) [Подосёнова, 2017].

На этой стадии появились оригинальные *привески мужских поясов*, выполненные из когтей медведя (рис. 2/74) [Данич, Крыласова, 2021]. Распространенной принадлежностью мужских поясов стали *кошаные кошельки*, скрепленные по краям медными пластинками или чешуйчатыми обоймочками (рис. 2/64, 94), некоторые из них оформлялись *серебряными лицевыми пластинами* [Белавин Крыласова, Подосёнова, 2017]. В кошельке находились элементы огнива – *стальное калачевидное кресало и кремень*, иногда – костяные или деревянные гребешки с изображением на спинке пары коней. *Гребешки* (рис. 2/66) и *кресала с бронзовой рукоятью* (рис. 2/60, 92) могли и подвешиваться к поясу на низке бронзовых бус.

Принадлежностью женских поясов оставались деревянные *ножны*, которые в это время были обычно обтянуты *серебряными пластинами* и украшены *зерно-филигравным декором с янтарными вставками* (рис. 2/48, 73) или *тисненым орнаментом* [Подосёнова, Крыласова, Данич, 2022; Деревянные ножны ..., 2022]. К числу женских поясных принадлежностей принадлежали туалетные *коробочки* – «*самоварчики*» (рис. 2/61), заимствованные из салтовской культуры.

На баяновской стадии распространились *якорьковые подвески* (рис. 2/37, 52, 82, 89, 96–97), служившие для крепления в костюме накосников, ножен и пр., появились литые бронзовые *гребешки-амулеты* (рис. 2/51, 102), которые использовались в составе женских накосников.

Грушевидные височные подвески в это время становятся крупнее, с более обильным зерно-филигравным декором и позолотой (рис. 2/54–55). Наряду с ними продолжают использоваться *височные украшения с гроздьевидной привеской* (рис. 2/23–24; 58, 84) и *проводочные кольца* округлой (рис. 2/93), овальной, овально-подтреугольной и восьмеркообразной формы (рис. 2/56, 59, 88).

Шумящие украшения остались почти без изменений, но отмечается тенденция к сокращению использования *арочных подвесок* традиционных типов (рис. 2/49, 81) и преобладанию *биконьковых* (рис. 2/5, 42–44, 77–78, 80), в качестве *привесок* к ним наряду с колокольчиками все чаще начинают применяться «*лапки*» (рис. 2/42, 44, 68, 81, 96–97). Для этой стадии характерно дополнение привесками многих предметов изначально утилитарного назначения – *ложечек* (рис. 2/68, 71, 76), *копоушек*, *якорьковых подвесок* (рис. 2/96–97). Сохраняются традиционные *колесовидные* (рис. 2/72), *колоколовидные* (рис. 2/69–70), *когтевидные* (рис. 2/103), *костыльковые* (рис. 2/49, 101), *монетовидные подвески* (рис. 2/36), *пронизки-уточки* (рис. 2/98). *Флаконовидные пронизки-игольники* на этой стадии имели *ажурное решетчатое тулово* (рис. 2/2, 67, 79), использовались в составе украшений кос. В элитарном мужском костюме наряду с серебряными литыми подвесками-всадниками появились *серебряные медальоны* с чеканным орнаментом (рис. 2/95) и *перстни*, у которых на месте щитка помещалось серебряное полушарие («*колпачок*») с зерно-филигравным декором и вставкой из стекла или сердолика (рис. 2/26, 86–87).

В составе вооружения присутствуют *сабли «венгерского» типа* (рис. 2/83) [Данич, 2022]. Погребальные маски имеют вид *цельных личин*, нередко декорируются чеканным орнаментом (рис. 2/22) и даже позолотой (рис. 2/85).

Особенностью баяновской стадии можно считать наличие отчетливых «*мадьярских*» черт. Вероятнее всего, это обусловлено тем, что после переселения венгров на запад, группа оставшихся по каким-то причинам сдвинулась к северу на территорию ломоватовской культуры. Так, Баяновский могильник, скорее всего, оставлен населением, близким по этнокультурным традициям венграм периода «обретения Родины», притом «*мадьярские*» черты наиболее характерны для мужских комплексов, тогда как женские сохраняют типичный ломоватовский облик [Белавин, Крыласова, Данич, 2018].

Несомненно, после завершения исследования Баяновского могильника будет происходить дальнейшая детализация особенностей этой стадии.

А поподробнее хотелось бы остановиться на характеристике завершающей *огурдинской стадии ломоватовской культуры* (последняя четверть X – конец XI в.). В это время определяющее значение имело влияние на культуру местного населения со стороны *Волжской Булгарии*. Вместе с тем прослеживается тесное культурное взаимодействие с населением *Чепцы, Вятско-Вятского междуречья, Западной Сибири*, отмечаются первые эпизодические контакты с *Русью*. Пока к этой стадии уверенно можно отнести Огурдинский и Рождественский могильники, где проводились многолетние исследования.

Наблюдения показывают, что на этой стадии традиционная культура отличалась наивысшим консерватизмом, что особо отчетливо прослеживается в погребальном обряде, где используются *сосуды* тех же форм и орнаментации, что и на самых ранних стадиях (рис. 4), *комплексы орудий «в ногах»* мужских захоронений (рис. 10), серебряные *погребальные маски-личины* (рис. 5). Наиболее ярко этот консерватизм проявлялся в том, что, будто стремясь возродить традиционную культуру на фоне происходящих изменений, на излете ломоватовской культуры ее носители начали использовать предметы архаичного облика: *миниатюрные и нешумящие биконьковые подвески* (рис. 3/2–5, 15), *колесовидные подвески* (рис. 3/11–12), *подвески-лунницы* (рис. 3/1), *перстни с шумящими привесками* (рис. 3/16), *сердоликовые бусы с белым рисунком* (рис. 3/10), *крупные пронизки с прорезными вздутиями* (рис. 3/14), преимущественно характерные для деменковской стадии VIII в. Но в то же время прослеживается тенденция к унификации украшений, стиранию их этномаркирующего содержания. Примером является распространение украшений в виде *пучка цепочек с привесками-лапками* без традиционной основы (рис. 7/36, 86–87).

Самым безоговорочным фактом, очевидно, является сохранение типичной ломоватовской керамики. А.П. Смирнов лепную керамику, изготавливавшуюся приемами, унаследованными по традиции от прошлого, и орнаментированную узорами, имевшими определенное значение для данного племени,ставил на первое место среди признаков археологической культуры [Смирнов, 1964]. Но, безусловно, зная о том, что в IX в. никаких изменений в керамической посуде не произошло, ее тем не менее подразделяли на ломоватовскую и родановскую: «Интересно, что именно погребальная керамика сохраняет и в родановское время ту же форму и орнаментацию, указывая на особую устойчивость приемов ее изготовления и украшения» [Голдина, 1985, с. 141]. Дальнейшие исследования родановских могильников показали существенные различия между ломоватовской и родановской керамикой.

На огурдинской стадии в погребения помещали все те же характерные *круглодонные «прикамские чаши»* (рис. 4/1–7, 10). Технико-технологический анализ материалов Рождественского могильника показал, что для изготовления погребальной посуды использовалась пластичная глина во влажном состоянии, большинство сосудов (90 %) изготовлено из глин с добавлением дробленой раковины, причем в половине случаев дробленая раковина использовалась вместе с моллюском. Наличие раковины в составе формовочной массы характерно для ломоватовской культуры, по форме и способу орнаментации сосуды тоже относятся

к ней [Бубнова, Батуева, 2017, с. 20]. Преобладает *шнуро-гребенчатый орнамент*, в котором сочетаются многорядные отпечатки *шнура* по шейке и *гребенчатые подковки* либо вертикальные или наклонные *отпечатки гребенчатого штампа* по плечику сосудов. Венчик украшался *гребенчатым штампом* или *насечками*. Как показывают наблюдения, на всем протяжении ломоватовской культуры для посуды «ритуального» характера (не только погребальной, но и поселенческой) характерна шнуро-гребенчатая орнаментация – с многорядным шнуром по шейке и гребенчатыми элементами по плечику, которая связывается с угорским этническим компонентом, но параллельно существовала чисто гребенчатая орнаментация, свойственная финскому компоненту ломоватовской культуры (рис. 4/8) [Крыласова, Белавин, 2019, с. 128].

На Рождественском могильнике, сопровождавшем одноименное городище, являвшееся торгово-ремесленной факторией булгар с полиэтническим населением, встречаются и сосуды, не характерные для ломоватовской культуры. К примеру, единично представлены сосуды, отнесенные Т.А. Хлебниковой к группе VII [Хлебникова, 1984, с. 106] – с относительно высокой цилиндрической шейкой, срезанным вовнутрь венчиком, по шейке – спаренные ряды шнура, по плечику раздутого тулона – гребенчатый или резной орнамент (рис. 4/9). По мнению Т.А. Хлебниковой, эта посуда имела истоки в неволинской культуре, а дальнейшее развитие получила на территории Волжской Булгарии. Предположительно, на Рождественском городище и могильнике такая посуда могла появиться с выходцами из Волжской Булгарии [Хлебникова, 1984, с. 111].

К особенностям ломоватовского погребального обряда принадлежит использование *серебряных масок*, которые нашивались на шелковое покрывало [Голдина, 1985, с. 33; Белавин, Крыласова, 2008; 2021]. Материалы Рождественского и Огурдинского могильников свидетельствуют, что обычай сопровождать отдельные захоронения погребальными лицевыми покрытиями с нашитыми на них металлическими масками сохранялся на финальном этапе ломоватовской культуры вплоть до конца XI в. Маски Рождественского могильника, датируемые X–XI вв., имеют некоторые отличительные особенности, которые, с одной стороны, вероятно, объясняются их принадлежностью к самому позднему периоду функционирования данного элемента погребальной обрядности в Пермском Предуралье, а с другой – индивидуальным стилем местных ювелиров. Они отличаются сравнительной миниатюрностью и отсутствием дополнительной орнаментации, как, к примеру, маски из хронологически близких Плесинского и Огурдинского могильников. Но в отличие от этих масок, имеющих упрощенный «геометрический» облик, на масках с Рождественского могильника очень тщательно с помощью выколотки оформлен нос (рис. 5).

Еще один элемент погребального обряда, который не свойственен последующей родановской культуре, это присутствие в составе погребального инвентаря *деталей конского снаряжения*. На Рождественском могильнике *удила*, *подпружные пряжки* или *стремена* встречены в 15 % погребений, при этом в пяти случаях сочетались удила и пряжка, в двух – удила и стремя, и в одном – удила, стремя и пряжка. Удила кольчатые односоставные и двухсоставные или их отдельные части (кольца, грызла), присутствовали в 37 погребениях (10,9 %) и 5 жертвенно-поминальных ямах; стремена обнаружены в 5 погребениях (1,4 %), в 4 случаях – у восточной стенки, в одном погребении стремя с удилами находились в южной части могильной ямы («в ногах» погребенного) в особой ямке, окруженной кольями. Любопытной особенностью местного обряда было то, что стремена были воткнуты петлей в дно могильной ямы, подножкой вверх, а когда они сопровождались удилами, последние были уложены внутри стремени (рис. 6).

Наиболее заметные изменения происходят в технике производства *поясной гарнитуры* – накладки становятся толще, изготавливаются преимущественно из оловянной бронзы серебристого цвета, имеют пышную орнаментацию. Такие накладки служат надежным репером для датировки погребальных комплексов. Когда они только начали входить в обиход,

нередко продолжали носить старые пояса, на которых спереди помещали единичные накладки нового облика, или дополняли старый пояс ремешком-привеской с новыми накладками, что уже дает основание отнести погребение к началу XI в. [Крыласова, 2021]. Нередко эти нарядные накладки снабжались петелькой и носились как подвески в составе женских ожерелий (напр., рис. 3/10; рис. 7/11–12).

Формы накладок становятся более разнообразными: наряду с традиционными квадратными и сердцевидными распространяются накладки щитовидной, пятиугольной и разных фигурных форм. К примеру, достаточно широко встречаются прямоугольные накладки с ажурным изображением пары трилистников (рис. 7/22, 101). Наконечники ремней тоже нередко имеют фигурные очертания (рис. 7/65), в особенности на Огурдинском могильнике, причем, как правило, ими завершаются ремешки с накладками в виде мордочки животного. Самыми типичными для этого времени являются квадратные накладки с Ж-образным орнаментом и щитовидные с растительным орнаментом в виде «бабочки». Пояса дополняются длинными «хвостовиками» и привесками-ремешками с набором накладок. Стандартный мужской пояс сопровождался щитовидной пряжкой и крупным наконечником ремня с плотным растительным орнаментом, а в набор накладок входили исключительно щитовидные с «бабочковидным» орнаментом (рис. 7/109, 134; 8/1). В женском поясе основной ремень обычно покрывался квадратными накладками (иногда с добавлением щитовидных), хвостовик – щитовидными с «бабочковидным» орнаментом, а основной отличительной особенностью женского пояса становится 5–6 ремешков с набором мелких сердцевидных и розетковидных накладок и наконечниками ремней (рис. 7/1, 30, 70, 125; 8/2–3), которые размещались на поясах сзади (рис. 7/31 – реконструкция пояса из п. 363; 8/2, 3–3а) [Крыласова, 2020а]. Женские пояса по-прежнему сопровождались кистями низок бронзовых пронизок и бус (рис. 7/17, 34, 66, 73, 93–94, 99, 105, 127, 138–139, 151–152; 8/2), которые завершались колокольчиками или бубенчиками, а также фланоновидными пронизками-игольниками, которые в это время имеют сплошное тулово (рис. 3/14; 7/16, 92; 8/2). Кроме стандартных местных поясов встречаются поясные наборы импортного производства, в частности, наборы из накладок с чернью, поступавшие с юга Восточной Европы (рис. 7/95) [Крыласова, Подосёнова, 2015]. В наиболее богатых мужских погребениях пояса нередко продолжали сопровождаться пряжками с зооморфным изображением на щитке (рис. 7/43; 9/6).

Сохраняются мужские поясные кошельки (рис. 8/5), наряду с которыми появляются женские сумочки, зачастую украшенные по нижнему краю бубенчиками (рис. 7/55, 56). Вплоть до конца XI в. продолжали использоваться кресала с бронзовыми рукоятями (рис. 9/1–4), которые за пределы ломоватовской культуры в Пермском Предуралье не выходят.

Наряду с консервативно сохранявшимися височными украшениями прежних типов, используются проволочные кольца овальной и грушевидной формы (рис. 7/32, 82, 143) и производные от них калачевидные височные украшения (рис. 7/122, 124). Щиток калачевидных височных подвесок обычно кованый, иногда с чеканным орнаментом. Во второй половине XI в. появились калачевидные украшения с зерно-филигранным декором и позолотой (рис. 7/148) и их литые бронзовые копии, имитирующие подобный декор [Подосёнова, 2021, с. 142]. Как и на предыдущей стадии, многие украшения – якорьковые подвески (рис. 7/2–3, 97–98, 129), копоушки (рис. 7/89) и пр. – сопровождались шумящими привесками. В некоторых погребениях Рождественского могильника встречены даже калачевидные височные подвески с шумящими привесками (рис. 3/6–7; 7: 81, 83).

Среди украшений рук продолжали развиваться перстни с «колпачком» на месте щитка (рис. 7/40), начали появляться спиральные перстни (рис. 7/144), широко представленные в последующий период. Браслеты стали более разнообразными – пластинчатые узкие и более широкие с округлыми завершениями (рис. 7/15), дротовые овального сечения (рис. 7/136) или граненые, литые плоские с округлыми завершениями, имитирующие браслеты со вставками (рис. 7/79–80).

Ассортимент *шумящих украшений* несколько сократился. Вышли из употребления шумящие подвески-коробочки, почти перестали встречаться арочные подвески, но традиционные *биконьевые подвески* продолжали широко использоваться (рис. 7/4–5, 71, 135, 146).

К числу новинок принадлежат *шумящие умбоновидные подвески*, возможно, заимствованные с территории Ветлужско-Вятского междуречья, которые стали широко применяться для оформления женских поясных сумочек (рис. 7/56) и женской кожаной обуви (рис. 7/77–78, 131–132) [Крыласова, 2023]. *Привесками* к шумящим украшениям данного периода служили исключительно «лапки», которые крепились на цепочках из простых овальных звеньев. Продолжают использоваться *якорьковые* (рис. 7/2–3, 60–61, 97–98, 129), *костыльковые* (рис. 7/18, 103), *когтевидные* (рис. 7/8–9, 88), *монеты и монетовидные подвески* (рис. 7/10, 13–14, 123), *медальоны*.

Примерно с середины X в. в костюме стали широко применяться небольшие *гирьковидные* и *шаровидные привески* (рис. 7/7, 58, 76, 85), служившие для оформления головных уборов, ожерелий, поясных лент и пр., а также *грушевидные бубенчики* с крестовидной прорезью (рис. 7/34, 63, 73, 90, 93–94, 99, 128, 147), которые наряду с *флаконовидными бронзовыми бусами* можно считать надежным репером для выделения комплексов завершающей стадии ломоватовской культуры. Сохраниются *пронизки-птички*, *коробочки-«самоварчики»* (рис. 7/96).

Ближе к концу XI в. постепенно начали накапливаться *инновации*, свидетельствующие о близкой смене культур – появляются первые ральники (наконечники пашенных орудий) (рис. 10) [Крыласова, 2019], первые украшения, выполненные в новой технике, характерной для последующей родановской культуры (рис. 11). Однако надо отметить, что большинство из них за пределы XI в. не выходят, они были лишь предтечей родановских украшений, включая и привески-лапки с петлей, перпендикулярной основе (рис. 11/1, 5–6, 9, 12), бытовавшие на протяжении очень ограниченного отрезка времени. Шумящие *подвески с прямоугольной основой* и двумя петлями для подвешивания (рис. 11/8, 13), безусловно, можно рассматривать как прототипы *биякорьковых подвесок*, характерных для родановской культуры. В одном из погребений Рождественского могильника был даже найден первый *плоскодонный сосудик* (рис. 4/11), но вместе с сосудиком традиционного ломоватовского облика (рис. 4/10).

На рубеже XI–XII вв. культура сменилась *родановской*. С одной стороны, причиной смены культуры явились *инновации*, появившиеся у местных финно-угров под влиянием булгар. В течение XI в. происходило постепенное накопление этих инноваций, что в итоге привело к качественному скачку. На XII–XIII вв. приходится пик развития разнообразных ремесел. Появляются технические новинки, к примеру – токарный станок, горизонтальный ткацкий станок с ремизным аппаратом и пр. Но с другой стороны, в родановской культуре появляется ряд таких новшеств, распространение которых вряд ли можно рассматривать лишь как результат эволюционного развития. В частности, это касается смены хозяйствственно-культурного типа. В это время случился *переход к пашенному земледелию и мясомолочному направлению* в животноводстве. Многие факты наводят на мысль о произошедшей смене населения, или хотя бы о проникновении в Предуралье значительных пришлых групп финского облика и, возможно, древнерусского. Но бесспорных свидетельств этому пока нет.

Библиографический список

1. Батуева Н.С., Шардина Р.В., Данич А.В. Погребальная керамика Баяновского I могильника // Археология Евразийских степей. – 2024. – № 1. – С. 297–304. – DOI: 10.24852/2587-6112.2024.1.297.304
2. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. К юбилею профессора Владимира Александровича Иванова // Археология Евразийских степей. – 2020. – № 3. – С. 373–378.

3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Наш друг – профессор В.А. Иванов // Уфимский археологический вестник. – 2010. – № 10. – С. 5–9.
4. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Новые находки погребальных масок на Рождественском могильнике // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2021. – Вып. XIX. – С. 77–83.
5. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. О необходимости переноса границы между ломоватовской и родановской археологическими культурами на рубеж XI–XII вв. // Археологическое наследие Урала от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание) : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Ижевск : Ижев. ин-т компьютер. исслед., 2016. – С. 280–284.
6. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Основные этапы этнокультурной истории Пермского Приуралья в эпоху железа // Коми-Пермяки и финно-угорский мир : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Кудымкар, 26–27 мая 1995 г.). – Кудымкар : Коми-Пермяцкое кн. издво, 1997. – С. 130–139.
7. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Погребальные лицевые покрытия как угорский маркер // Между прошлым и будущим: ист. опыт нац. развития : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию ИИиА УрО РАН. – Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2008. – С. 47–51.
8. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2016а. – № 1 (32). – С. 28–41.
9. Белавин А.М., Бочаров И.В., Крыласова Н.Б. Пермское Предуралье в эпоху средневековья (проблемы археологической периодизации и этнических процессов) // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. : материалы науч. конф. – Ижевск : УдГУ, 2000. – С. 318–322.
10. Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Данич А.В. Венгерские (мадьярские) черты погребального обряда средневековых могильников Предуралья // Археология Евразийских степей. – 2018. – № 6. – С. 8–12.
11. Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А. Лицевые накладки поясных сумочек «венгерского типа» из Волго-Камья // Вестник Пермского университета. История. – 2017. – № 1 (36). – С. 107–121.
12. Бубнова Р.В., Батуева Н.С. Технико-технологический анализ погребальной керамики Рождественского могильника (по итогам раскопок 2015 г.) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2017. – Вып. XII. – С. 19–20.
13. Вострокнутов А.В. Отчет об археологической разведке на территории Купросского и Майкорского с/п Юсьвинского района Пермского края в 2016 г. – Пермь : ПГГПУ, 2018. – 27 с. : ил.
14. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск : Иркут. ун-т, 1985. – 280 с.
15. Данич А.В. Сабли Пермского Предуралья // Военная археология : сб. материалов НИЦ «Военная археология». – М., 2022. – С. 118–161.
16. Данич А.В., Крыласова Н.Б. Сборные поясные привески с элементами из когтей медведя в средневековом мужском костюме Пермского Предуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – № 1 (49). – С. 78–84.
17. Деревянные ножны с металлическими обкладками из Баяновского могильника ломоватовской археологической культуры: результаты химико-технологического исследования / Ю.А. Подосёнова, А.В. Данич, Н.Б. Крыласова и др. // Археология Евразийских степей. – 2022. – № 5. – С. 282–297.
18. Крыласова Н.Б. Находки ральников на Рождественском могильнике X–XI вв. (к вопросу о дате начала распространения пашенного земледелия в Пермском Предуралье) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2019. – Вып. XV. – С. 101–109. – DOI: 10.24411/2658-7637-2019-11511

19. *Крыласова Н.Б.* Посидим на завалинке (один вечер из жизни средневекового города) // На пути открытий в жизни и науке : сб. науч. ст. и воспоминаний к юбилею ученых-археологов Иванова Владимира Александровича и Обыденновой Гюльнары Талгатовны. – Уфа : БГПУ им. М. Акмуллы, 2020. – С. 78–86.
20. *Крыласова Н.Б.* Реконструкция «классических» поясных наборов, включающих накладки с «бабочковидным» орнаментом // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2020а. – Вып. XVII. – С. 85–99.
21. *Крыласова Н.Б.* Умбоновидные шумящие подвески в прикамском костюме X–XI вв. // Центр и периферия. – 2023. – Т. 18, № 4. – С. 19–25.
22. *Крыласова Н.Б.* Хронологические особенности поясной гарнитуры X–XI веков по материалам Рождественского могильника в Пермском крае // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тыс. н. э. : материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований». – М. : ИА РАН, 2021. – С. 194–212.
23. *Крыласова Н.Б., Белавин А.М.* Эволюция «прикамской чаши» в эпоху средневековья // Археология евразийских степей. – 2019. – № 6. – С. 121–137.
24. *Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А.* Поясной набор с чернью из Рождественского могильника X–XI вв. // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2015. – Вып. 5. – С. 21–27.
25. *Оборин В.А.* Баяновский могильник на р. Косьве // УЗ МолГУ. Т. IX, в. 3. Труды камской археологической экспедиции. – Харьков : Харьк.ГУ, 1953. – С. 145–160.
26. *Оборин В.А.* Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в Средние века. – Ижевск : УДИИЯЛ УрО РАН : МарНИИ, 1999. – С. 255–298.
27. *Оборин В.А.* Памятники родановской культуры у с. Таборы. (Из работ Камской археологической экспедиции) // КСИИМК. – Вып. 65. – М. ; Л., 1956. – С. 107–118.
28. *Очерки археологии Пермского Предуралья* : учеб. пособие / А.М. Белавин, В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова и др. ; под ред. Н.Б. Крыласовой. – 2-е изд., испр. и доп. – Пермь : ПГГПУ, 2022. – 315 с. : ил.
29. *Подосёнова Ю.А.* Височные украшения Средневекового населения Пермского Предуралья. – Пермь : ПГГПУ, ПФИЦ УрО РАН, 2021. – 210 с.
30. *Подосёнова Ю.А.* «Древневенгерские» поясные наборы из серебра на территории Пермского Предуралья в эпоху Средневековья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2017. – Вып. XII. – С. 147–160.
31. *Подосёнова Ю.А., Крыласова Н.Б., Данич А.В.* Деревянные ножны с металлическими обкладками в средневековом Пермском Предуралье // Поволжская Археология. – 2022. – № 2 (40). – С. 72–88.
32. *Сидоров В.В.* Трансформации культур [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/05/978-5-88431-251-7/>
33. *Смирнов А.П.* К вопросу об археологической культуре // Советская археология. – 1964. – № 4. – С. 3–10.
34. *Спицын А.А.* Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. – СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1902. – 70 с. : 40 табл.
35. *Талицкий М.В.* Верхнее Прикамье в X–XIV вв. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – С. 33–96. – (МИА; № 22).
36. *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. – М. : Наука, 1984. – 241 с.

Рис. 1. Баяновский могильник. Погребальная посуда: 1 – п. 194; 2 – м/м; 3 – п. 63; 4 – п. 105; 5–6 – м/м; 7 – п. 64; 8 – п. 106; 9 – п. 11; 10 – п. 118; 11 – п. 127; 12–17 – м/м

Рис. 2. Предметы материальной культуры, характерные для баяновской стадии ломоватовской культуры (н. Х – посл. четверть Х в.).

Баяновский могильник: 1–6 – п. 130; 8–21 – п. 61; 22–33 – п. 116; 34 – п. 73; 35–44 – п. 122; 45–50 – п. 86; 51–53 – п. 284; 54–55 – п. 281; 56–57 – п. 283; 58–59 – п. 276; 60 – п. 278; 61 – п. 362; 62 – п. 279; 63–65 – п. 73; 66 – п. 250; 67–72 – п. 69; 73 – п. 392; 74 – п. 76; 75–78 – п. 66; 79–82 – п. 266; 83 – п. 242; 84–88 – п. 268; Рождественский могильник: 89 – п. 118; 90 – п. 129; 91 – п. 167; 92 – п. 138; 93–94 – п. 24; 95 – п. 207; 96–98 – п. 248; 99–100 – п. 395; 101–102 – п. 275; Огурдинский могильник: 103 – п. 149; Редикарский клад: 104

Рис. 3. Предметы «архаичного» облика из Рождественского могильника:
1 – п. 388; 2 – п. 399; 3 – п. 401; 4 – п. 230; 5 – п. 334; 6–10 – п. 252;
11 – п. 342; 12 – п. 266; 13 – п. 250; 14 – п. 221; 15 – п. 214; 16 – п. 234

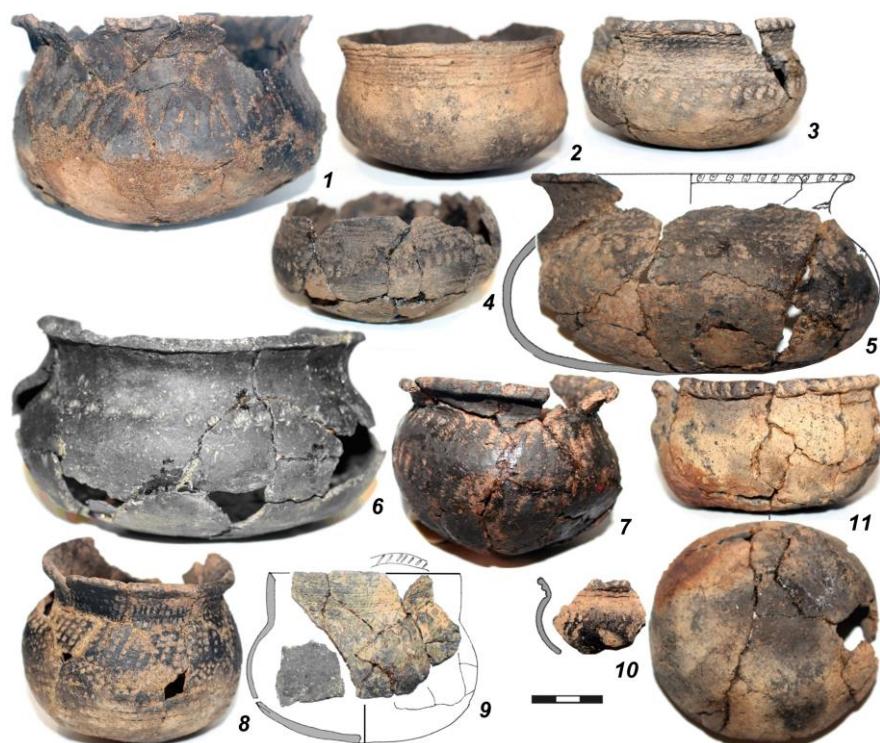

Рис. 4. Примеры керамической посуды Рождественского могильника:
1 – п. 445; 2 – м/м; 3 – п. 388; 4 – п. 355; 5 – п. 390; 6 – п. 344;
7 – п. 261; 8 – п. 406; 9 – п. 319; 10–11 – п. 384

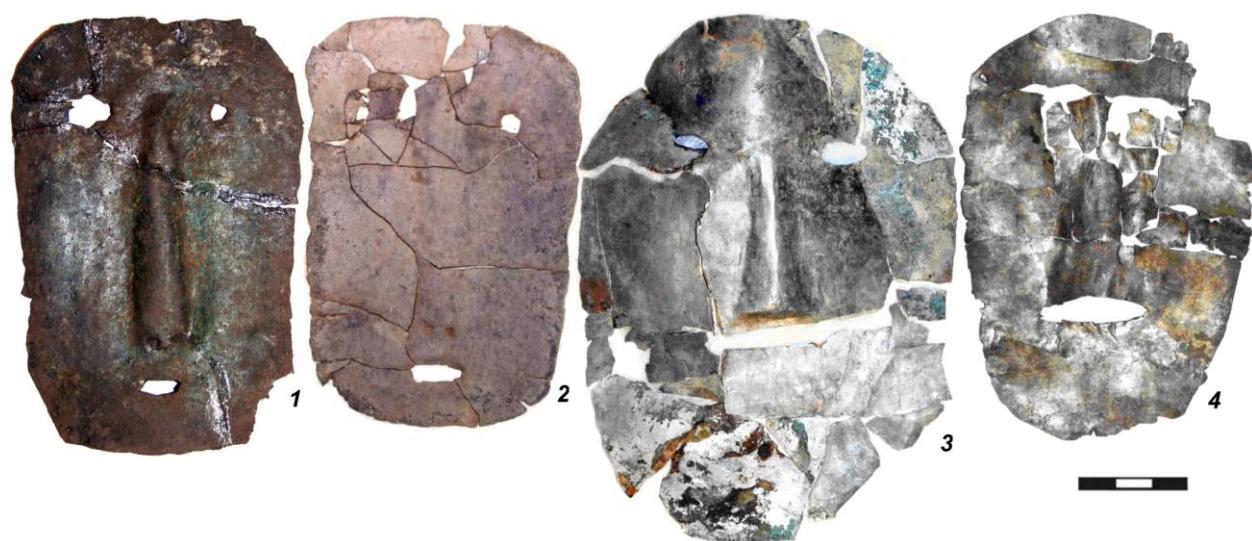

Рис. 5. Примеры серебряных масок Рождественского могильника:
1 – п. 210; 2 – п. 446; 3 – п. 325; 4 – п. 342

Рис. 6. Стремя и удила из п. 338 Рождественского могильника

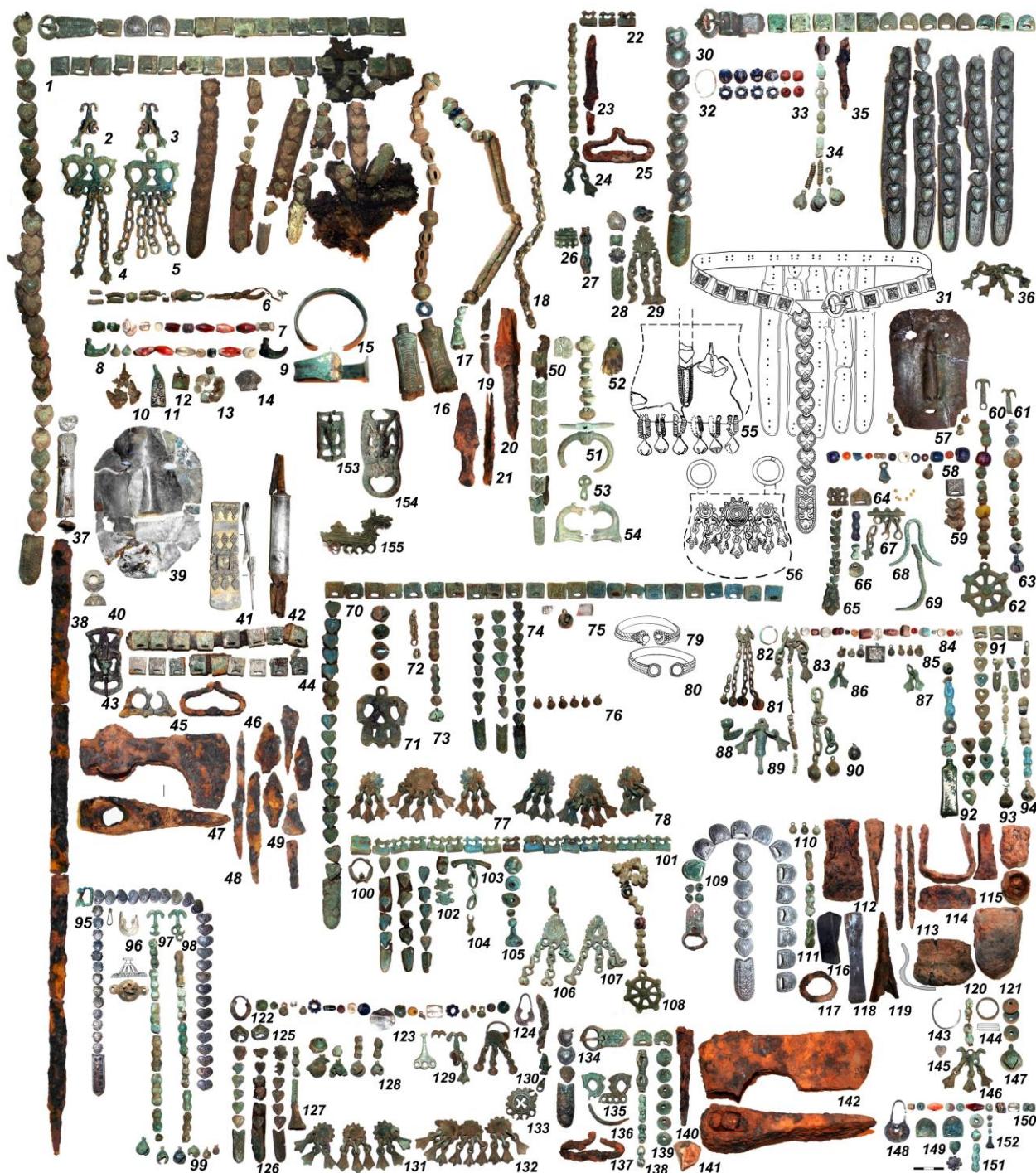

Рис. 7. Предметы материальной культуры, характерные для огурдинской стадии ломоватовской культуры (последняя четверть X – конец XI в.).
 Рождественский могильник: 1–21 – п. 317; 22–25 – п. 204; 26–27 – п. 208;
 28–29 – п. 215; 30–35 – п. 363; 36 – п. 210; 37–49 – п. 325; 50–54 – п. 388;
 55 – жертв. комплекс; 56 – п. 92; 57 – п. 210б; 58–63 – п. 162; 64–69 – п. 173;
 70–78 – п. 214; 79 – п. 55; 80 – п. 92; 82–94 – п. 252; 95–99 – п. 250;
 100–105 – п. 205; 106–107 – п. 361; 108 – п. 266; 109–121 – п. 242;
 122–133 – п. 234; 134–142 – п. 227; 143–147 – п. 230; 148–152 – п. 220

Рис. 8. Примеры поясных наборов.
Рождественский могильник: 1 – п. 242; 2 – п. 317; 3–3а – п. 363

*Рис. 9. Биметаллические кресала (1–4), фр. поясного кошелька (5), пряжка (6).
Рождественский могильник: 1 – п. 442; 2 – п. 388; 3, 6 – п. 325; 4 – п. 259; 5 – п. 353*

Рис. 10. Комплекс орудий в п. 457 Рождественского могильника

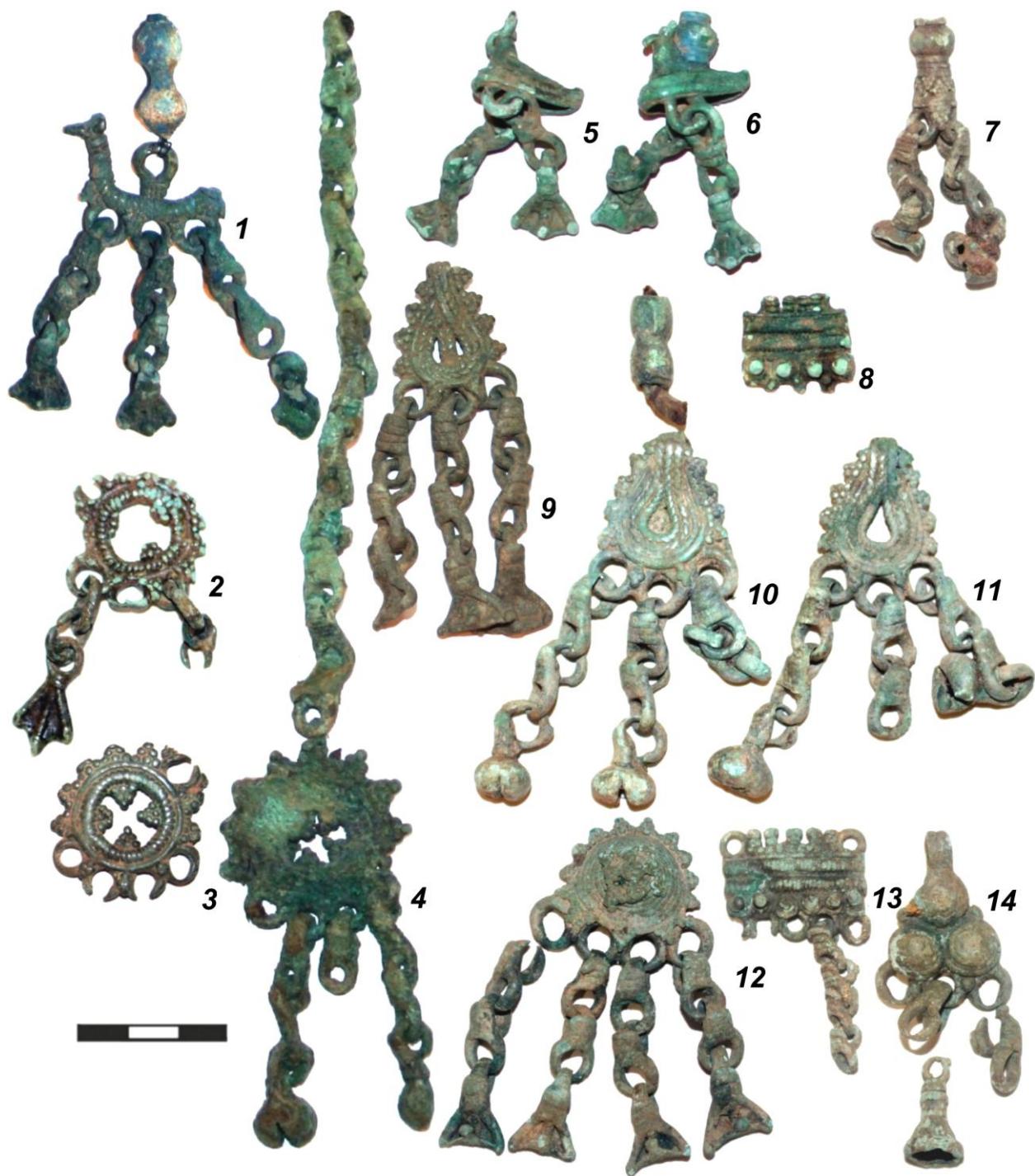

Рис. 11. Предметы нового облика, последняя четверть XI в.
Рождественский могильник: 1 – п. 167; 2 – п. 374; 3 – п. 234; 4 – п. 216;
5–6 – п. 272; 7 – п. 431; 8 – п. 208; 9 – п. 215; 10–11 – п. 361; 12–14 – п. 456

УДК 902.01
DOI: 10.24412/2658-7637-2025-27-90-106

А.В. Данич
ПРОНИЗКИ ПИТЕР (СТЕПАНОВО ПЛОТБИЩЕ)
МОГИЛЬНИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X–XI вв.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

Аннотация. Пронизки – одно из наиболее распространенных украшений в костюмном комплексе жителей Пермского Предуралья в эпоху Средневековья. Украшения нанизывались на нить или кожаный шнурок, и такие низки использовались в мужском костюме в качестве поясных украшениях, в женском костюме – в составе височных, накосных и поясных украшений. Пронизки получили популярность благодаря своей простоте, доступности и многочисленным вариантам использования в костюмном комплексе. Могли быть выполнены в любом материале и комбинироваться с любым украшением.

Ключевые слова: пронизка, пронизь, украшение, кожаный шнурок, Питер (Степаново Плотбище) могильник, Пермское Предуралье

A.V. Danich
PRONIZKI PETER (STEPANOVO PLOTSHCHE) BURIAL GROUNDS
OF THE SECOND HALF OF THE 10th–11th CENTURIES

Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russian Federation

Abstract. Piercings are one of the most common decorations in the costume complex of the inhabitants of the Permian Urals in the Middle Ages. Jewelry was strung on a thread or a leather cord, and such low-cut jewelry was used in men's suits as waist ornaments, and in women's suits as part of temporal, oblique, and waist ornaments. Threading has gained popularity due to its simplicity, accessibility and numerous use cases in the costume complex. They could be made in any material, and combined with any decoration.

Keywords: piercing, piercing, decoration, leather cord, Peter (Stepanovo Plotbiche) burial ground, Permian Urals

Данная статья посвящена юбилею д. и. н., профессора Владимира Александровича Иванова, который 28 апреля 2025 г. отмечает 75 лет. Дорогой Владимир Александрович, в Ваш день рождения я хочу поздравить Вас с 75-летием! Вы настоящий профессионал своего дела, который посвятил свою жизнь изучению археологии.

Я желаю Вам крепкого здоровья, счастья и благополучия! Пусть Ваша жизнь будет наполнена яркими моментами и новыми открытиями. Желаю Вам продолжать заниматься любимым делом и достигать новых высот.

С днем рождения! С праздником! С юбилеем!

Питер (Степаново Плотбище) могильник находится у д. Городище Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Данный могильник по праву можно отнести к одному из интереснейших памятников эпохи Средневековья Пермского Предуралья, который на протяжении ряда лет исследовался Камской археолого-этнографической экспедицией ПГГПУ под руководством А.В. Данича и Е.О. Святовой (Бочаровой) [Данич, 2021, с. 181–188].

Памятник расположен на правом берегу Камского водохранилища и занимает часть бывшей первой надпойменной террасы р. Камы, подвергшейся затоплению. Площадка, на которой он расположен, представляет собой подквадратный в плане полуостров, отделенный от основной материковой земли перешейком, затопляемым во время половодья. В 300 м к западу от полуострова проходит линия правого коренного берега р. Камы высотой до 40 м.

В результате 6 экспедиций площадь вскрытой поверхности составила 763 м², на которой было исследовано 32 погребения. Удалось проследить детали погребального обряда – формы и размеры могильных ям, устройство погребений, положение костяка, инвентаря и другие детали. Практически все черты обрядности находят полные аналогии в погребальных памятниках Пермского Предуралья.

Во время работ было выяснено, что все памятники археологического комплекса находятся в аварийном состоянии. Ежегодные разливы Камского водохранилища подмывают берега полуострова, на котором находится могильник. Из-за этого множество находок было обнаружено на пляже водохранилища. Часть из них лежала на поверхности, другие под небольшим (до 15 см) слоем песка. Вещи постоянно вымывались на поверхность прибоем и дождем. Состояние памятника способствовало расхищению предметов древности.

За период работ на могильнике найдено 1 299 экз. пронизок различных форм. Рамки одной статьи не позволяют рассмотреть их все. Поэтому в данной статье будут рассмотрены только 196 экз., которые не включают в себя две большие группы пронизок – одночастные пронизки-бусины (631 экз.) и многочастные трубчатые пронизки со вздутиями (472 экз.).

Группа 1 – флаconовидные пронизки (9 экз., рис. 1/1–6, 31).

Имеют слегка «приталенную» подтрапецевидную форму, заканчивающуюся короткой трубочкой в верхней части, увенчанной поясками. Внутри «флаconа» помещался узел кожаного шнурка. Внутреннее пространство заполнялось органическими материалами (кожей, войлоком, деревом мягкой породы). Как показали исследования данных предметов с других памятников Пермского Предуралья, иногда флаconовидные пронизки использовались как игольники, о чем свидетельствуют фрагменты спекшегося железа внутри. Эти пронизки использовались преимущественно в женском костюме. Судя по расположению в погребениях, они подшивались к поясу или на правую косу в районе плеча [Крыласова, 2001, с. 74, 99; Подосёнова, Данич, 2021].

Тип 1 – с решетчатым орнаментом (8 экз., рис. 1/1–4, 6, 31).

Подтип 1.1 – с прорезным решетчатым орнаментом, образованным по центральной оси ромбами, по бокам – треугольниками. Дополнительная орнаментация отсутствует (7 экз., рис. 1/1–4, 31; 4/1–2, бронза).

Подтип 1.2 – с прорезным решетчатым орнаментом в верхней и нижней части пронизки, образованным по центральной оси ромбами, а по бокам – треугольниками. Все ромбы обведены дополнительными декоративными линиями. В нижней части пронизки – орнамент в виде квадрата, обведенного со всех сторон орнаментом в виде небольших квадратиков. Такой же орнамент украшает верхнюю часть ромба, находящегося под ним. Решетчатый орнамент обрамлен орнаментальной полосой с косыми насечками. По углам пронизки расположены небольшие бронзовые гвоздики, при помощи которых скреплялись половинки пронизки (1 экз., рис. 1/6, бронза).

Самая распространенная в Пермском Предуралье форма флаconовидных пронизок с ажурным решетчатым орнаментом появляется в VIII–IX вв. [Голдина, 1985, рис. 16/122] и существуют до XI в. [Крыласова, 2007, с. 239; Крыласова, 2013, с. 107, рис. 1/12]; подобные встречены на Баяновском I (раскопки А.В. Данича), Огурдинском могильниках [Белавин, Крыласова, 2012, рис. 63/22], городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина и Г.Т. Ленц), Рождественском могильнике [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 204/1–2], в деревне Загарье (дневник Теплоуховых, с. 621), Деменьковском [Генинг, 1964, табл. VI, рис. 16], Урьинском, Мало-Аниковском могильниках [Голдина, 1985, табл. XXII/34–35], могильнике Телячий

Брод (раскопки А.М. Белавина), Майкорском городище (музей п. Майкор), Ершатском селище (разведка Н.Б. Крыласовой), у д. Харино (коллекция Теплоуховых), Саламатовском городище [Абдулова, 2016, рис. 4/97].

Аналогичные пронизки известны на раннебулгарских памятниках X в. [Казаков, 1992, рис. 65/37], на территории Башкирии [Мажитов, 1981, с. 94, рис. 50/17–18], на удмуртских памятниках [Иванов, 1998, рис. 47/23–24], в материалах мыдланьшайской стадии поломской культуры (конец VIII–IX вв.) [Голдина, 2004, рис. 177/19], в Варнинском могильнике [Сабирова, Краснопёров, Русских, 2024, с. 166, рис. 92/2], в Зауралье на Пылаевском могильнике [Кутаков, Старков, 1997, рис. 15]. Однако наиболее характерны они были для территории Пермского Предуралья.

Тип 2 – с орнаментом в виде «елочки» (1 экз., рис. 1/5 бронза). Орнамент образован прорезными желобками в виде дуг, по краям пронизка украшена орнаментом в виде «косички».

В Пермском Предуралье аналогичные пронизки известны на Рождественском могильнике [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 204/5], Вакинском селище (коллекция Теплоуховых), городище Анюшкар (раскопки М.В. Талицкого) [Крыласова, 2007, рис. 97/25].

На основе анализа материалов Рождественского могильника установлено, что появились такие пронизки в середине X в. [Крыласова, 2013, с. 108, рис. 1а/76].

Группа 2 – колоколовидные пронизки (85 экз., рис. 1/7–30, 32; 2/1–13; 3/1, бронза). Пронизки-колокольчики использовались в качестве завершающих на поясных привесках, внутри пронизки скрывался узел, фиксирующий низку.

Подгруппа 1 – пронизки с подцилиндрическим тулово, плавно переходящим к удлиненной трубчатой шейке (11 экз., рис. 1/29; 2/6, 9–12; 3/1).

Тип 1 – неорнаментированные (7 экз., рис. 2/6, 9–11; 3/1).

Подтип 1.1 – крупная пронизка (высота 28 мм, диаметр тулова 18 мм) с резким переходом от тулова к шейке, шейка завершается нешироким валиком по краю (1 экз., рис. 2/6, бронза).

Подтип 1.2 – крупная пронизка (высота 28 мм, диаметр тулова 26 мм) с резким переходом от тулова к шейке, по краю тулова и шейки имеются неширокие валики (1 экз., рис. 2/9, бронза).

Подтип 1.3 – крупная пронизка (высота 27 мм, диаметр тулова 15 мм) с резким переходом от тулова к шейке. Пронизка не имеет дополнительных элементов (3 экз., рис. 2/10; 4/6, бронза).

Подтип 1.4 – крупная пронизка (высота 25 мм, диаметр тулова 14 мм) с плавным переходом от тулова к шейке. Пронизка не имеет дополнительных элементов (1 экз., рис. 2/11, бронза).

В Пермском Предуралье аналогии известны на Рождественском археологическом комплексе [Белавин, Крыласова, 2008, с. 437, рис. 203/1–3], Огурдинском могильнике [Белавин, Крыласова, 2012, рис. 63/1, 4].

Подобные пронизки представлены в булгаро-салтовских древностях VIII–IX вв. [Казаков, 1992, рис. 13/32; Генинг, Халиков, 1964, табл. XVII/14–15], в поломско-чепецких материалах X–XIII вв. [Иванов, 1998, рис. 56/12; Семёнов, 1985, рис. 3/16], в Мыдлань-шай могильнике [Генинг, 1962, табл. V/23], у Веси X–XII вв. [Финно-угры и балты …, 1987, табл. XVII/31], на могильниках Минино I, Минино II, Минино VI, Владышнево II конца X – начала XI в. на Мининском археологическом комплексе на северной периферии Древней Руси на Кубенском озере [Археология северорусской деревни …, 2007, т. 2, с. 112, рис. 102/15–27], в Белозерье подобные украшения встречены в культурном слое многих поселений и погребальных комплексов XI в. – рубежа XII–XIII вв. [Макаров, 1990, с. 78; Захаров, 2004, с. 176–177].

Колоколовидные пронизки – характерная деталь финно-угорского костюма [Крыласова, 2001, с. 119, рис. 42/9; Кочкуркина, Линевский, 1985, с. 40, рис. 10/1–3].

Подтип 1.5 – крупная пронизка (высота 35 мм, диаметр тулова 27 мм) с резким переходом от тулова к шейке. Тулово не орнаментировано. В нижней части пронизка имеет шесть округлых петель, в которые вставлены цепочки с привесками-лапками (2 экз., рис. 3/1; 4/3–4, бронза).

Тип 2 – сплошь орнаментированные поясками и поясками с насечками (высота 18 мм, диаметр туловища 14 мм) (1 экз., рис. 2/12, бронза).

Аналогичные пронизки известны на Саламатовском городище [Абдулова, 2016, рис. 4/96].

Подгруппа 2 – пронизки с конусовидным туловом (70 экз., рис. 1/7–28, 30, 32; 2/1–3, 7–8, 13).

Тип 1 – тулоно в виде простого конуса (42 экз., рис. 1/7–11, 13–16, 18, 21, 23–28, 30, 32; 2/1–3).

Подтип 1.1 – верхний и нижний край оформлены гладкими одинарными валиками (14 экз., рис. 1/15–16, 18, 27, 28, 32, бронза).

Вариант а – крупные (высота 47 мм, диаметр нижней части туловища 25 мм) (1 экз., рис. 1/27, бронза).

Вариант б – средних размеров (высота 20–28 мм, диаметр нижней части туловища 15–22 мм) (13 экз., рис. 1/15–16, 18, 28, 32; 4/11; 4/12–14, бронза).

Аналогичные пронизки известны на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц), Огурдинском [Белавин, Крыласова, 2012, рис. 63/3, 5–7, 12–13], Рождественском могильнике [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 203/13–21], Саламатовском городище (раскопки А.М. Белавина), Б. Кочинском (коллекция КПОКМ, № 89, 490), в погребении 6 Ликинского могильника в Зауралье [Викторова, 2008, с. 151, № 50], Больше-Тарханском могильнике [Генинг, Халиков, 1964, табл. XVI/12–13], Варнинском могильнике [Сабирова, Краснопёров, Русских, 2024, с. 83, рис. 9].

Подтип 1.2 – средних размеров (высота 27 мм, диаметр нижней части туловища 23 мм). Верхний край оформлен гладким одинарным валиком, нижний – тремя прочерченными линиями, между двух из которых орнамент в виде наклонных насечек (1 экз., рис. 1/14, бронза).

Подтип 1.3 – мелких размеров (высота 14 мм, диаметр нижней части туловища 16 мм). Верхний и нижний край туловища оформлены узкими одинарными валиками с прямыми насечками (1 экз., рис. 1/30, бронза).

Подтип 1.4 – средних размеров (высота 24–26 мм, диаметр нижней части туловища 18–20 мм). Верхний и нижний края оформлены гладкими двойными валиками (3 экз., рис. 2/1–3, бронза).

Аналогичные пронизки известны на Рождественском [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 203/28] и Деменковском могильниках [Генинг, 1964, табл. III, рис. 21–22], за пределами Пермского края – в Удмуртском Предуралье на могильнике Мыдлань-шай [Генинг, 1962, табл. V/24–26].

Подтип 1.5 – средних размеров. Верхний край оформлен двумя гладкими валиками, нижний край – одним гладким валиком (4 экз., рис. 1/26; 2/3).

Вариант а – валики разъединены между собой (высота 30 мм, диаметр нижней части туловища 17 мм) (3 экз., рис. 1/26, бронза).

Аналогичная пронизка в Пермском Предуралье известна на селище Запоселье [Археологические памятники Чашкинского ..., 2014, рис. 180/3].

Вариант б – валики соединены между собой (высота 27 мм, диаметр нижней части туловища 15 мм) (1 экз., рис. 2/3, бронза).

В Пермском Предуралье аналогичные пронизки известны на Огурдинском могильнике [Белавин, Крыласова, 2012, рис. 63/8–9].

Подтип 1.6 – верхний край оформлен тремя гладкими валиками, нижний край – одним гладким валиком (7 экз., рис. 1/11, 21, 23, 25).

Вариант а – больших размеров (высота 38–46 мм, диаметр нижней части туловища 15–22 мм) (2 экз., рис. 1/11, 25; 4/8, бронза). У одной из пронизок верхний и нижний край туловища оформлены «поясками» с насечками.

Аналогичная пронизка известна из раскопок Рождественского могильника [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 203/30].

Вариант б – мелких размеров (высота 10–17 мм, диаметр нижней части тулова 10–15 мм) (5 экз., рис. 1/21, 23, бронза).

Подтип 1.7 – средних размеров (высота 32 мм, диаметр нижней части тулова 16 мм). Верхний край оформлен тремя гладкими валиками, нижний край – двумя рядами гладких валиков (3 экз., рис. 1/13; 4/10).

На территории Пермского Предуралья аналогичная пронизка известна на Огурдинском могильнике [Белавин, Крыласова, 2012, рис. 63/10].

Подтип 1.8 – крупных размеров (высота 42 мм, диаметр нижней части тулова 25 мм). Верхний край оформлен тремя гладкими валиками, нижний край – пятью рядами гладких валиков (1 экз., рис. 1/10; 4/9, бронза).

Подтип 1.9 – крупных размеров (высота 43 мм, диаметр нижней части тулова 21 мм). Верхний и нижний край оформлены четырьмя рядами гладких валиков (1 экз., рис. 1/9, бронза).

Подтип 1.10 – крупных размеров (высота 46 мм, диаметр нижней части тулова 22 мм). Верхний и нижний край оформлены пятью рядами гладких валиков (1 экз., рис. 1/8, бронза).

Подтип 1.11 – крупных размеров (высота 54 мм, диаметр нижней части тулова 28 мм). Верхний край оформлен шестью гладкими валиками, нижний край – четырьмя рядами гладких валиков (3 экз., рис. 1/7; 4/7, бронза).

Аналогичная пронизка известна в могильнике Уелги Челябинской области [Боталов, Грудочки, Пантиухина, 2014, с. 21, рис. 3/10].

Подтип 1.12 – крупных размеров (высота 42 мм, диаметр нижней части тулова 22 мм). Верхний край без валиков, нижний – оформлен одним гладким широким валиком. В верхней части пронизки имеется орнамент в виде двух сдвоенных прочерченных линий (1 экз., рис. 1/24, бронза).

Подобные пронизки-колокольчики получили распространение еще в булгаро-салтовских древностях VIII–IX вв. [Казаков, 1992, рис. 13/30–31], ломоватовских и поломских памятниках этого же периода [Голдина, 1985, табл. XXII/1–2; Иванов, 1998, рис. 19/19; Семёнов, 1980, табл. VII/26–33]. Встречаются они и в более позднее время в курганах Южного Урала X–XIII вв. [Иванов, 1998, рис. 56/14], в поломско-чепецких древностях X–XIII вв. [Иванов, 1998, рис. 56/14].

Тип 2 – тулово в виде конуса соединено с удлиненной трубчатой шейкой (22 экз., рис. 1/17, 19–20, 22; 2/7–8, 13, бронза).

Подтип 2.1 – верхний и нижний край оформлены гладкими одинарными валиками (16 экз., рис. 1/20, 22; 2/7–8).

Вариант а – средних размеров (высота 28 мм, диаметр нижнего края тулова 26 мм) (1 экз., рис. 2/7; 4/15, бронза).

Вариант б – малых размеров (высота 18–21 мм, диаметр нижнего края тулова 11–19 мм) (15 экз., рис. 1/20, 22; 2/8, бронза).

Подтип 2.2 – верхний край оформлен гладким одинарным валиком, нижний – узким одинарным валиком с прямыми насечками (высота 25 мм, диаметр нижнего края тулова 19 мм (2 экз., рис. 1/17, бронза).

Подтип 2.3 – верхний и нижний край тулова оформлены узкими одинарными валиками с прямыми насечками (высота 15 мм, диаметр нижнего края тулова 11 мм) (1 экз., рис. 2/13, бронза)

Подтип 2.4 – верхний край оформлен тремя гладкими разнесенными по площади пронизки одинарными валиками, нижний – двойным гладким валиком (высота 23 мм, диаметр нижнего края тулова 13 мм) (2 экз., рис. 1/19, бронза).

В Пермском Предуралье подобные пронизки известны на верхнекамских могильниках, где они датируются XI–XII вв. [Голдина, Кананин, 1989, рис. 72/5], Огурдинском могильнике [Белавин, Крыласова, 2012, рис. 63/15–18], на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц), Рождественском археологическом комплексе [Белавин, Крыласова, 2008, с. 439–

440, рис. 203/31–51], на территории Коми-Пермяцкого округа, например на Б. Кошинском городище (коллекция КПКМ, № 96, 129), могильнике Запоселье [Археологические памятники Чашкинского … , 2014, рис. 235/8].

Данным пронизкам имеются широкие аналогии в древностях Перми Вычегодской X–XII вв. [Савельева, 1971, с. 212/12; Истомина, 1992, рис. 2/37, 4/1, 3, 5; Королёв, 1997, рис. 53/8–12]. Единичные находки таких пронизок известны на булгарских селищах, в Биляре [Казаков, 1991, рис. 40/65; Руденко, 2004, рис. 2/21], Большев-Тарханском могильнике [Генинг, Халиков, 1964, табл. XVI/11], на Белоозере [Захаров, 2004, рис. 74/3].

Подгруппа 3 – пронизки с шаровидным туловом (3 экз., рис. 1/29 бронза). Мелкие (высота 10 мм, диаметр наиболее раздутой части туловца 11 мм). Туло в виде гладкого усеченного шарика, переходящего в цилиндрическую шейку, покрытую тремя гладкими поясками.

Аналогичные пронизки на территории Пермского Предуралья известны на Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой), Рождественском могильнике [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 203/52–55].

Подгруппа 4 – пронизки с подцилиндрическим туловом, без удлиненной трубчатой шейки (1 экз., рис. 2/5, бронза).

Подгруппа 5 – рожковые колоколовидные пронизки (1 экз., рис. 2/4, бронза). Повторяют по отделке прямые колоколовидные пронизки, но имеют форму в виде загнутого рога.

В Пермском Предуралье аналогичная пронизка известна на Деменковском могильнике [Генинг, 1964, табл. VI, рис. 17].

Группа 3 – трубчатые пронизки без вздутий (6 экз., рис. 2/14).

Тип 1 – неорнаментированные (5 экз., рис. 2/14).

Подтип 1.1 – в виде свернутой в трубицу пластины (1 экз., рис. 2/14, бронза).

Аналогичные пронизки известны в Удмуртском Предуралье – в Мыдлань-шай могильнике [Генинг, 1962, табл. V/7], в марийском Юмском (Загребинском) могильнике [Никитина, 2012, с. 236, рис. 130/9–10].

В целом трубчатые пронизки без вздутий были широко распространены на памятниках VIII–XI вв. Пермского Предуралья. На вымских могильниках они датируются XI–XII вв. [Савельева, 1987, с. 93].

Группа 4 – спиралевидные трубчатые пронизки (77 экз., рис. 2/15–28). Изготовлены из бронзовой проволоки в виде трубочки.

Тип 1 – с прямыми витками (22 экз., рис. 2/15–17, 26–28).

Вариант а – с широкими витками (9 экз., рис. 2/15–17, 27; 119/6, бронза).

Вариант б – с узкими витками. Пронизка изготовлена из проволоки очень маленького сечения (13 экз., рис. 2/26, 28, бронза).

Тип 2 – с наклонными витками (55 экз., рис. 2/18–25, бронза).

Сpiralевидные пронизки появляются в булгаро-салтовских древностях VIII–IX вв. [Казаков, 1992, рис. 13/11; Генинг, Халиков, 1964, табл. XV/13–14], они широко распространены на памятниках Пермского Предуралья, на памятниках Марийского Поволжья [Архипов, 1973, с. 134, рис. 20/1, 7], в Юмском (Загребинском) могильнике [Никитина, 2012, с. 236, рис. 130/11–12], в Удмуртском Предуралье [Иванова, 1998, рис. 57/1–8; Семёнов, 1980, табл. VII/72–73; Семёнов, 1985, рис. 5/38–41], в Мыдлань-шай могильнике [Генинг, 1962, табл. V/9–10], в Варнинском могильнике [Сабирова, Краснопёров, Русских, 2024, с. 168, рис. 94/6], в материалах конца XI–XII вв. на р. Вычегде [Истомина, 1992, рис. 4/1, 5; Королёв, 1997, рис. 43/12; 47/15; 49/8, 11–12, 20], у западных финнов, в Белоозере [Захаров, 2004, рис. 75].

Группа 5 – орнитоморфные пронизки (11 экз., рис. 2/29–37; 3/7–8).

Тип 1 – объемные орнитозооморфные пронизки «кричащая птица» (2 экз., рис. 3/7–8; 5/9–10). Объемная полая отливка в виде птицы с головой хищного животного. Верхняя и нижняя часть – полая трубочка, обычно с гладкими кольцевыми валиками на концах (на наших экземплярах трубочки утеряны). Когтистые лапы охватывают нижнюю часть трубочки. Голова напоминает волчью или собачью пасть. Туловище птичье, крупные крылья сложены на спине. Хвост опущен вниз. Оперение крыльев подчеркнуто параллельными чертами.

Подтип 1.1 – без дополнительных деталей отделки (1 экз., рис. 3/7; 5/9, бронза).

Подтип 1.2 – оперение крыльев подчеркнуто параллельными чертами (1 экз., рис. 3/8; 5/10, бронза).

Предмет входит в круг изделий, выполненных в технике скульптурного литья. По материалам Верхнекамских могильников расцвет этого стиля относится к VI–VII вв. [Голдина, 1985, с. 125–127]. В ломоватовской культуре аналогичные пронизки датированы концом VI–VII вв. [Голдина, Королёва, Макаров, 1980, рис. 6/120], к этому же времени они отнесены и по материалам Поломской культуры [Голдина, 1995, с. 24, рис. 4/16]. В VIII–IX вв. такие пронизки редко, но встречаются, сделаны гораздо грубее, чаще находят обломки, чем целые изделия.

В Пермском Предуралье аналогичные пронизки найдены в Больше-Висимском могильнике, д. Харино Гайнского района, городище Анюшкар, р. Лупья Гайнского района, д. Пуссиб Косинского района, д. Усть-Чикурья Гайнского района, с. Рождественск Карагайского района, д. Кемоль Ильинского района [Кулябина, 2013, с. 224–225 № 193], Саламатовском городище [Абдулова, 2016, рис. 4/98].

Аналогичная пронизка известна в республике Коми, найдена у д. Онежье [Люди, звери, боги … , 2017, с. 67, рис. 128], в Бирском могильнике Бахмутинской культуры [Боталов, 2019а, с. 22].

Тип 2 – пронизки-уточки в виде плывущей утки (6 экз., рис. 2/29–30, 32–33, 36–37).

Полые орнитоморфные подвески – украшения в равной степени характерные и для запада, и для востока лесной зоны Восточной Европы. В литературе устоялось мнение о связи изображения водоплавающих птиц с демиургической функцией. Полые подвески, изображающие водоплавающих птиц, известны на территории лесной зоны Восточной Европы уже на рубеже эр [Башенькин, Васенина, 2006, с. 254].

Подтип 1.1 – отливка объемная полая в виде фигурки птицы, снизу открыта, на спине отверстие для продергивания ремешка. Изображена приземистая плывущая уточка: головка маленькая, изображена схематично в виде крючка, шея средней длины, крупное туловище гладкое овальной формы. В основании пронизки две петли для привесок (4 экз., рис. 2/30, 32–33, 36; 5/4–5, 7, бронза).

На территории Пермского Предуралья такие пронизки обнаружены на Рождественском могильнике [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 204/11], в д. Мальцева [Спицин, 1902, табл. VI/5], Плесинском могильнике [Голдина, 1985, табл. XXIII/12]. На основе анализа материалов данные пронизки можно датировать концом X – первой половиной XI в. [Крыласова, 2013, с. 109, рис. 1а/185].

Аналогичные пронизки известны на памятниках Татарстана, в Волго-Вятском междуручье, в Посурье [Голубева, 1979, с. 10], в Карлухе в Ленинградской области [Равдоникас, 1934, табл. XI/11].

Подтип 1.2 – тулоно обрамлено по нижнему краю валиком, по бокам с помощью таких же валиков обозначены крылья, в основании имеется две петли для привесок-лапок расположенные вдоль корпуса (1 экз., рис. 2/37; 5/6, бронза). Тип А-1. II-1, по В.Н. Кузнецовой [Кузнецова, 2016, с. 80–87].

На территории Пермского Предуралья аналогичные пронизки известны на Рождественском могильнике [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 204/12], могильнике Амбор [Кулябина, 2013, с. 99, № 163].

Подобные пронизки известны в могильниках X–XI вв. Юго-Восточного Приладожья и Прионежья [Кочкуркина, 1989, с. 266, рис. 83/15; Рябинин, 1981, с. 35–36], в могильниках Юганского Приобья [Семёнова, 2001, табл. 48/3].

Подтип 1.3 – отливка объемная полая в виде фигурки птицы, снизу открыта, на спине отверстие для продергивания ремешка. Изображена приземистая плывущая уточка: головка маленькая на длинной изогнутой шее, на небольшом гладком туловище с приостренным хвостом имеется орнамент в виде трех кругов. В основании пронизки две петли для привесок-лапок, расположенных вдоль корпуса (1 экз., рис. 2/29; 5/2, бронза).

На территории Пермского Предуралья известны в Плесинском могильнике [Кузнецова, 2016, с. 278, рис. 7А/1–4].

Тип 3 – пронизка в виде плавающего лебедя. Отличается от пронизок-уток более длинной изогнутой шеей. Тулово обрамлено по нижнему краю валиком, по бокам с помощью таких же валиков обозначены крылья, в основании имеется две петли для привесок-лапок расположенные поперек корпуса (1 экз., рис. 2/31; 5/3 бронза). Тип А-1. II-2. 1-2, по В.Н. Кузнецовой [Кузнецова, 2016, с. 91–94].

Для большинства подвесок данного типа предложена дата XII–XIII вв. [Голдина, Ютина, 1987, рис. 2.138; Кулябина, 2013. № 175, 177–178, 181, 183].

Тип 4 – пронизки-«барашики». Отличаются сравнительно небольшими размерами. На голове с заостренным округлым носом имеются два выступа, имитирующие уши или рога, а в задней части небольшой хвостик. Тулово обрамлено по нижнему краю небольшим валиком. В нижней части пронизки спереди – две петли для привесок-бубенчиков (1 экз., рис. 2/35; 5/8 бронза). Л.А. Голубева считала, что это стилизованное изображение водоплавающих птиц [Голубева, 1979, с. 19]. Тип А-1. II-2, по В.Н. Кузнецовой [Кузнецова, 2016, с. 87–94].

В Пермском Предуралье аналогичные пронизки встречены на Огурдинском могильнике [Белавин, Крыласова, 2012, рис. 63/25], Чашкинском II селище [Белавин, 1987, рис. 3/12; Археологические памятники Чашкинского …, 2014, рис. 151/5], Рождественском археологическом комплексе [Белавин, Крыласова, 2012, с. 443, рис. 204/15–19], у д. Михалева Гайнского района, д. Вакино Юрьевинского района, Кудымкарском селище, д. Харино Гайнского района, д. Усть-Чикуря Гайнского района [Кулябина, 2013, с. 107, № 184; с. 108, № 185–186; с. 109, № 189–190].

Они также известны в поломско-чепецких древностях XI–XIII вв. [Иванов, 1998, рис. 57/8; Семёнов, 1985, рис. 4/14–18], в Биляре [Руденко, 2004, рис. 2/35–38], в Северо-Западной Руси, например, в могильниках XI–XII вв. бассейна р. Шелони, Гдовского, Лунежско-Оредежского регионов [Пронин, 1988, рис. 22/4, 24/10], в Приобье [Барсова гора …, 2002, рис. 12], в материалах Западной Сибири XIII–XIV вв. [Угорское наследие …, 1994, № 298; Морозов, Сериков, 1999, рис. 5].

Тип 5 – пронизки-«петушки». Отливка объемная полая в виде фигурки птицы, снизу открыта, на спине отверстие для продергивания ремешка, внизу спереди два поперечных кольца для крепления подвесок. Фигурка птицы стилизована. Головка и верхняя часть шеи с боков сплюснута, длинная шея выпнута, вдоль головы и верхней части шеи идут насечки – выделен гребешок, нижняя часть шеи цилиндрическая, декорирована кольцевыми, гладкими и валиками, и валиками в виде псевдоскани, нижняя часть туловища оконтурена такими же валиками. На голове обозначены круглые небольшие глаза. Хвост в виде колечка из тонкой пластины. Привески состоят из одного звена щитковой цепочки с бубенчиком на конце. У бубенчиков гладкое шаровидное тулово цилиндрическая шейка средней длины, украшенная продольными кольцевыми валиками, с насечками и гладкими (1 экз., рис. 2/34, билон). Тип А-1. II-2. 1-1б, по В.Н. Кузнецовой [Кузнецова, 2016, с. 89–91].

Аналогичные пронизки известны в Поветлужье в XI – начале XII в. [Голубева, 1979, с. 17], на Чежтыягском могильнике конца XI–XII вв. на р. Вычегде [Истомина, 1992, рис. 4/2, 4–5], на Йоджидъельском могильнике на р. Выми [Савельева, 1987, рис. 30/6], в материалах поломско-чепецких памятниках XI–XIII вв. [Иванов, 1998, рис. 57/2], в Новгороде [Покровская, 2009, рис. 3/2]; святилище Сиртя-Сале [Хлобыстин, 1990, рис. 3/2]; Ликинском могильнике [Викторова, 2008, рис. 76/383], в могильнике Усть-Терсюк Курганской области [Боталов, 2019, с. 158, рис. 13/11].

В Пермском Предуралье такие пронизки известны на Рождественском могильнике [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 204/21], городище Анюшкар [Кулябина, 2013, № 165], в д. Юрата (ПКМ 19768, экспозиция); коллекции Теплоуховых (ГЭ 571/211, экспозиция); коллекции Теплоуховых (ПКМ 11405/61).

Группа 6 – пронизки-«самоварчики» (4 экз., рис. 3/2–3, бронза). Пронизки состоят из двух половинок в виде полушиария с петлями по бокам и ножкой с круглой площадкой в центре. На круглой площадке ножки – два отверстия; через них и боковые отверстия продергивались шнурки, обычно украшенные спиральновитыми пронизками. Данные пронизки, вероятно, использовались как туалетные сосудики. Использовались достаточно широко, но на протяжении ограниченного периода – конец X – начало XI в. [Крыласова, 2013, с. 108, рис. 1а/221].

Подтип а – тело пронизки укращено переплетенными линиями (3 экз., рис. 3/3, бронза).

Подтип б – неорнаментированная (1 экз., рис. 3/2; 4/5, бронза).

Каждая половинка пронизки-самоварчика состоит из трех отдельно литых частей, припаянных друг к другу: полушиария туловища с двумя ушками по бокам, конусовидной шейки и плоской круглой площадки с двумя отверстиями для продергивания ремешка.

В Пермском Предуралье такие подвески известны на Баяновском I (раскопки А.В. Данича), Огурдинском могильнике [Белавин, Крыласова, 2012, рис. 63/23–24], на городище Анюшкар (раскопки Г.Т. Ленц), Рождественском могильнике [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 204/8], Мало-Аниковском могильнике (дневник Теплоуховых, с. 669), Загарском могильнике, в с. Майкор (дневник Теплоуховых, с. 646).

Аналогичные пронизки были найдены в булгаро-салтовских древностях VIII–IX вв. [Казаков, 1992, рис. 13/38; Генинг, Халиков, 1964, табл. XV/18], на территории Удмуртии в материалах VIII–XII вв. [Иванов, 1998, рис. 47/25]; на Дмитриевском могильнике [Плетнева, 1989, рис. 55], в Верхне-Салтовском могильнике [Хоружая, 2009, рис. 4/25], в салтовском могильнике Скалистое [Комар, 2018, с. 359, рис. 43/269], могильнике Салтово [Плетнёва, 1967, с. 163, рис. 44/63].

Группа 7 – зооморфные пронизки (5 экз., рис. 3/4–6, 9–10).

Тип 1 – полая пронизка в виде присевшего на сук зверя (выдра?). Проработана морда зверя – обозначены ноздри и глаза зверя, а также лапы, напоминающие больше лапы с перепонками для плаванья. Отверстие под шнурок декорировано длинной пронизкой с расширением на конце и двумя небольшими гладкими валиками (1 экз., рис. 3/4; 5/1, бронза).

Тип 2 – полая пронизка в виде зверя (выдра?) малых размеров. Проработана морда зверя – обозначены пасть и глаза, а также лапы, напоминающие лапы с перепонками для плавания. Сзади имеется небольшой хвост (1 экз., рис. 3/6; 5/13, бронза).

Тип 3 – полая пронизка в виде хищника семейства кошачьих (1 экз., рис. 3/5, бронза).

Тип 4 – пронизка биконьковая. Верхняя часть образована двумя конскими головами с выделенными ушами на длинных, круто согнутых шеях, развернутых в противоположные стороны. Между шеями небольшая прямоугольная перемычка с отверстием в центре для подвешивания. В нижней части пронизки два отростка опущенных вниз, между которыми располагались бронзовые бусины, продолжая пронизь. Таким образом, данная пронизка располагалась не на конце пронизи, а на где-то на протяжении данной пронизи (2 экз., рис. 3/9–10; 5/11–12).

Аналогичные пронизки известны в Бирском могильнике Бахмутинской культуры [Боталов, 2019а, с. 26].

Таким образом, в статье проанализировано 196 экз. бронзовых пронизок, обнаруженных при работах на территории Питер (Степаново Плотбище) могильника. Все пронизки можно разделить на 7 групп: флаконовидные пронизки (9 экз.), колоколовидные пронизки (85 экз.), трубчатые пронизки без вздутий (6 экз.), спиралевидные трубчатые пронизки (77 экз.), орнитоморфные пронизки (11 экз.), пронизки-«самоварчики» (4 экз.), зооморфные пронизки (5 экз.). Большинство пронизок имеют широкие аналогии на памятниках X–XI вв.

К сожалению, все описанные пронизки найдены на разрушенной части памятника в разрозненном виде, из-за чего становится невозможным провести реконструкцию состава пронизей и их местоположения в составе костюма.

Библиографический список

1. *Абдулова С.И.* Противоаварийные исследования Саламатовского городища // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XI. Противоаварийные исследования памятников археологии Пермского края. – Пермь : ПГГПУ, 2016. – С. 10–35.
2. *Археологические памятники Чашкинского озера / Н.Б. Крыласова, Е.Л. Лычагина, А.М. Белавин, С.В. Скорнякова // Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. III.* – Пермь : ПГГПУ, 2014. – 565 с.
3. *Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. В 3 т. / отв. ред. Н.А. Макаров. – Т. 2. Материальная культура и хронология. ИА РАН. – М. : Наука, 2007. – 365 с.*
4. *Архипов Г.А.* Марийцы IX–X вв. К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1973. – 200 с.
5. *Барсова гора: 110 археол. исслед. / Департамент культуры и искусства ХМАО ; науч.-производ. центр «Барсова гора» ; [отв. ред. А.Я. Труфанов, Ю.П. Чемякин]. – Сургут : Барсова гора : Омский дом печати, 2002. – 223 с.*
6. *Башенькин А.Н., Васенина М.Г.* Антропо- и зооморфные изображения МологоШекснинского междуречья раннего железного века // In situ : к 85-летию профессора А.Д. Столяра. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – С. 248–265.
7. *Белавин А.М.* Производственные поселки у финно-угров в конце I – начале II тыс. н. э. (По материалам Березниковского микрорайона Верхнего Прикамья) // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. : межвуз. сб. – Йошкар-Ола : МарГУ, 1987. – С. 117–130.
8. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск // Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. I. – Пермь : ПГПУ, 2008. – 603 с.
9. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Огурдинский могильник // Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. II. – Пермь : ПГПУ, 2012. – 259 с.
10. *Боталов С.Г.* Зауральская угорская ойкумена эпохи Средневековья // Археология евразийских степей. Вып. № 6. – Казань, 2019. – С. 138–159.
11. *Боталов С.Г.* У истоков южноуральских народов Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX – начало XV века) // История Южного Урала : в 8 т. Т. 5. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2019а. – 424 с.
12. *Боталов С.Г., Грудочко И.В., Пантиухина М.Н.* Новые результаты исследования погребального комплекса Уелги в 2013 г. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2014. – Т. 14, № 4. – С. 18–24.
13. *Викторова В.Д.* Древние угры в лесах Урала. – Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2008. – 208 с.
14. *Генинг В.Ф.* Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // ВАУ. Вып. 6. – Свердловск, 1964. – С. 94–162.
15. *Генинг В.Ф.* Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. ВАУ. Вып.3. – Свердловск : УрГУ, 1962. – С. 7–111.
16. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние булгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М. : Наука, 1964. – 200 с.
17. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2004. – 422 с.
18. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск : Иркут. ун-т, 1985. – 280 с.

19. Голдина Р.Д. О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 1995.
20. Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск : УрГУ, 1989. – 215 с.
21. Голдина Р.Д., Ютина Т.К. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. – Ижевск : УДИЯЛ УрО РАН, 1987. – С. 39–61.
22. Голдина Р.Д., Королёва О.П., Макаров Л.Д. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи Средневековья в Верхнем Прикамье. – Ижевск, 1980. – С. 3–66.
23. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров / САИ. Вып. Е1-59. – М. : Наука, 1979. – 112 с.
24. Данич А.В. Некоторые итоги исследований Питер (Степаново Плотбище) могильника IX–XI вв. в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого округа // Музейное наследие. Диалог времен : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Коми-Пермяцкого краевед. музея им. П.И. Субботина-Пермяка и 135-летию П.И. Субботина-Пермяка (г. Кудымкар, 17–19 нояб. 2021 г.). – Кудымкар ; Пермь, 2021. – С. 181–188.
25. Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. – М. : Индрик, 2004. – 592 с.
26. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху Средневековья (конец V – первая половина XIII в.). – Ижевск : УДИЯЛ УрО РАН, 1998. – 309 с.
27. Истомина Т.В. Комплекс погребения 37 Чежтыягского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар : КНЦ УрО РАН, 1992. – С. 127–136.
28. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. – Казань : Тат. кн. изд-во, 1991. – 176 с.
29. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. – М. : Наука, 1992. – 335 с.
30. Комар А.В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. – Будапешт, 2018. – 426 с.
31. Королёв К.С. Население Средней Вычегды в древности и Средневековье. – Екатеринбург : КНЦ УрО РАН, 1997. – 196 с.
32. Кочкуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. – Петрозаводск : Карелия, 1989. – 344 с.
33. Кочкуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси X – начала XIII века. – Петрозаводск : Карелия, 1985. – 223 с.
34. Крыласова Н.Б. Археология повседневности. – Пермь : ПГПУ, 2007. – 352 с.
35. Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. – Пермь : ПГПУ, 2001. – 260 с.
36. Крыласова Н.Б. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. Серия История. – 2013. – № 1 (21). – С. 104–115.
37. Кузнецова В.Н. Орнитоморфные и зооморфные украшения населения лесной зоны Восточной Европы X–XIV вв. : дис. канд. ист. наук. – СПб., 2016. – 611 с.
38. Кулябина Н.В. Наследие Камской чуди: Пермский звериный стиль : из собрания Пермского краеведческого музея : кат. – Екатеринбург ; Пермь, 2013. – 268 с.
39. Кутаков Ю.М., Старков А.В. Пылаевский грунтовый могильник (предварительная публикация) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. – Екатеринбург : М-во культуры Свердл. обл., 1997. – С. 130–147.
40. Люди. Звери. Боги. Предметы первобытного искусства Северного Приуралья : кат. выст. – Сыктывкар : Нац. музей Республики Коми, 2017. – 100 с. : ил.
41. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М. : Наука, 1981. – 164 с.
42. Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. (по материалам могильников Восточного Прионежья). – М. : Наука, 1990. – 216 с.

43. Морозов В.М., Сериков Ю.Б. Средневековый комплекс поселения Атымья I // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. – Екатеринбург : М-во культуры Свердлов. обл., 1999. – С. 175–182.
44. Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14 / ред. Е.П. Казаков. – Казань : Отечество, 2012. – 408 с.
45. Плетнёва С.А. На славянско-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М. : Наука, 1989. – 288 с. : ил.
46. Плетнёва С.А. От кочевий к городам. – М. : Наука, 1967. – 200 с. – (МИА; № 142).
47. Подосёнова Ю.А., Данич А.В. Бронзовые фланконовидные пронизки Баяновского могильника Ломоватовской археологической культуры // Гуманитарные исследования. История и филология : электрон. науч. рецензируемый журн. – 2021. – № 1. – С. 7–19.
48. Покровская Л.В. Финно-угорский компонент в новгородской материальной культуре (по археологическим данным) // Новгородская земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. В 2 ч. Ч. 1. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. – С. 37–47.
49. Пронин Г.Н. Об этнической принадлежности жальников (опыт ретроспективного анализа) // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Погребальные памятники : метод. материалы к «Своду памятников истории и культуры СССР». – М. : ИА АН СССР, 1988. – С. 12–71.
50. Равдоникас В.И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье // ИГАИМК. Вып. 94. – М. ; Л. : Гос. соц. экон. изд-во, 1934. – 51 с.
51. Руденко К.А. О роли финно-угров в сложении культуры волжских булгар XI–XIV вв. // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. – Йошкар-Ола : МарНИИ, 2004. – С. 148–159.
52. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения древней Руси X–XIV вв. // Археология СССР. САИ. Вып. Е1-60. – Л. : Наука, 1981. – 123 с.
53. Сабирова Т.М., Краснопёров А.А., Русских Е.Л. Варинский могильник. Т. 1. Раскопки 1970–1972 гг. Наследие В.А. Семёнова. – Ижевск : УдмФИЦ УрО РАН, 2024. – 312 с.
54. Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. – Л. : ЛГУ, 1987. – 200 с.
55. Савельева Э.А. Пермь вычегодская. – М. : Наука, 1971. – 223 с.
56. Семёнов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. – Ижевск : НИИ при СовМинУДАССР, 1980. – С. 5–135.
57. Семёнов В.А. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Устинов : НИИ при СовМинУДАССР, 1985. – С. 92–118.
58. Семёнова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск : Наука, 2001. – 296 с.
59. Спицин А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // Материалы по археологии России. Вып. 26. – СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1902. – 150 с.
60. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург : Внешторгиздат, 1994. – 160 с.
61. Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. Археология СССР. – М. : Наука, 1987. – 512 с.
62. Хлобыстин Л.П. Древние святилища острова Вайгач // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. – М. : Наука, 1990. – С. 120–135.
63. Хоружая М.В. Катакомбные захоронения главного Верхне-салтовского могильника (раскопки 1984 г) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 7. Хазарское время : сб. науч. тр. / гл. ред. А.В. Евлевский. – Донецк : ДонНУ, 2009. – С. 259–294.

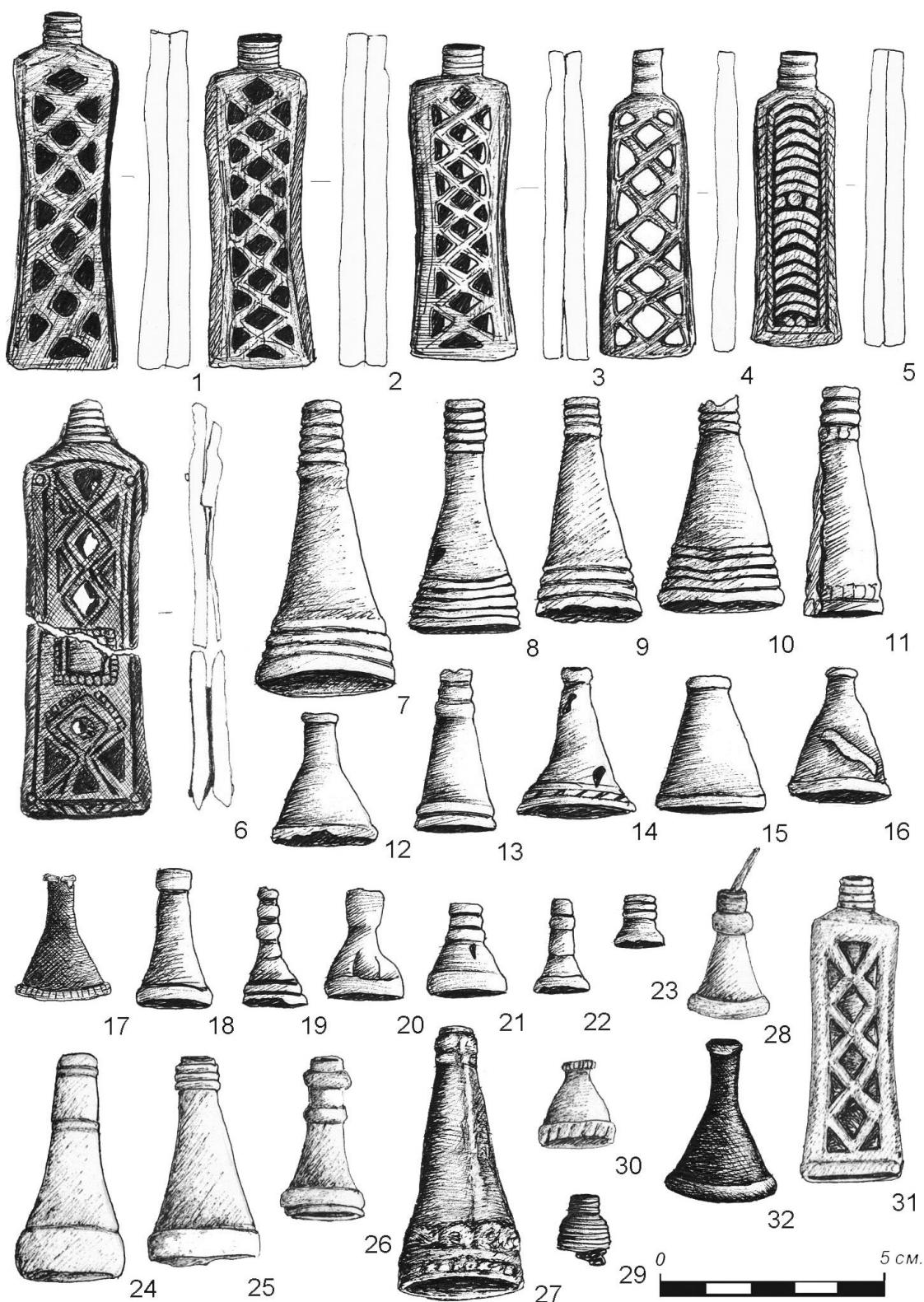

Рис. 1. Пронизки Питер (Степаново Плотбище) могильника

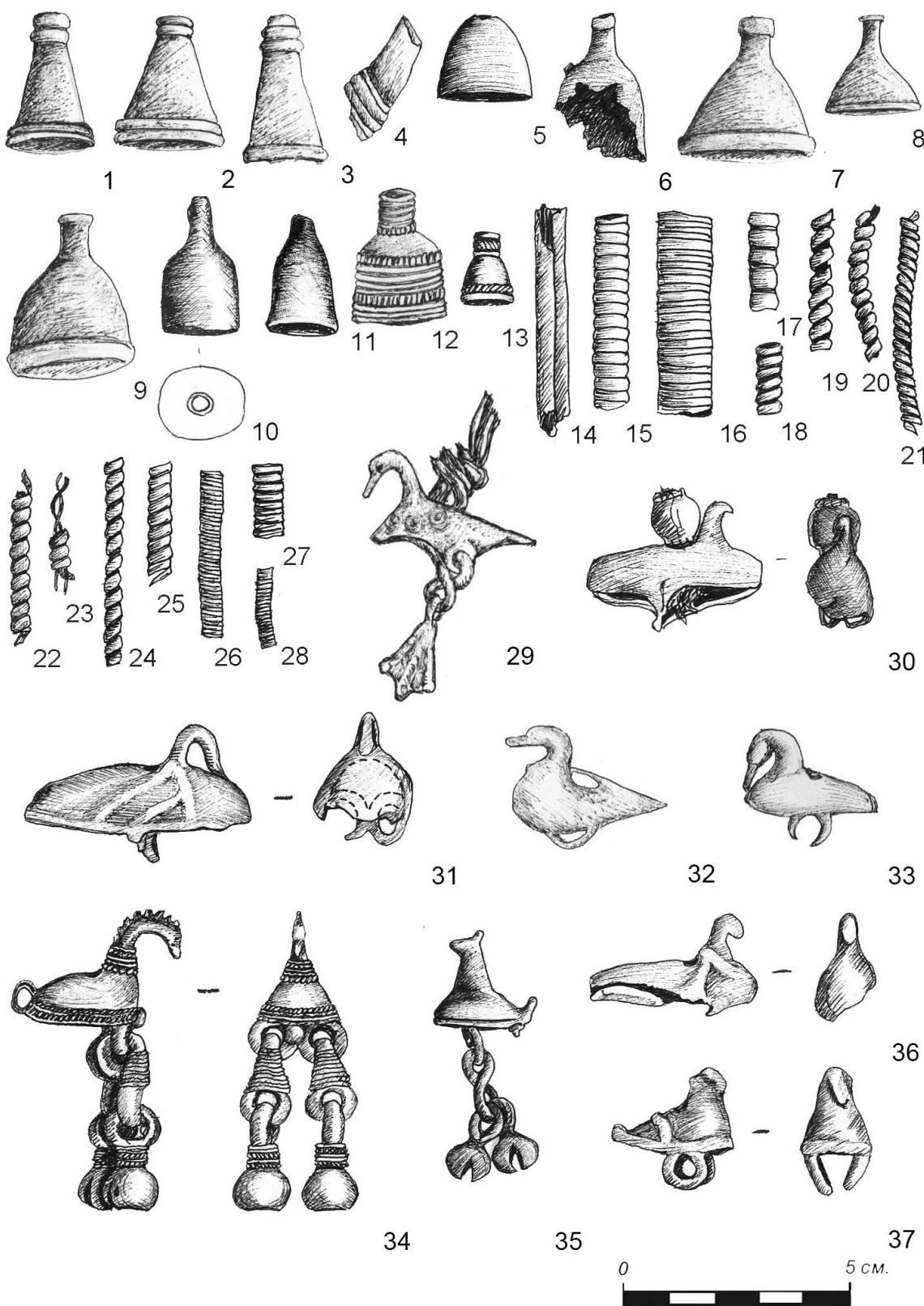

Рис. 2. Пронизки Питер (Степаново Плотбище) могильника

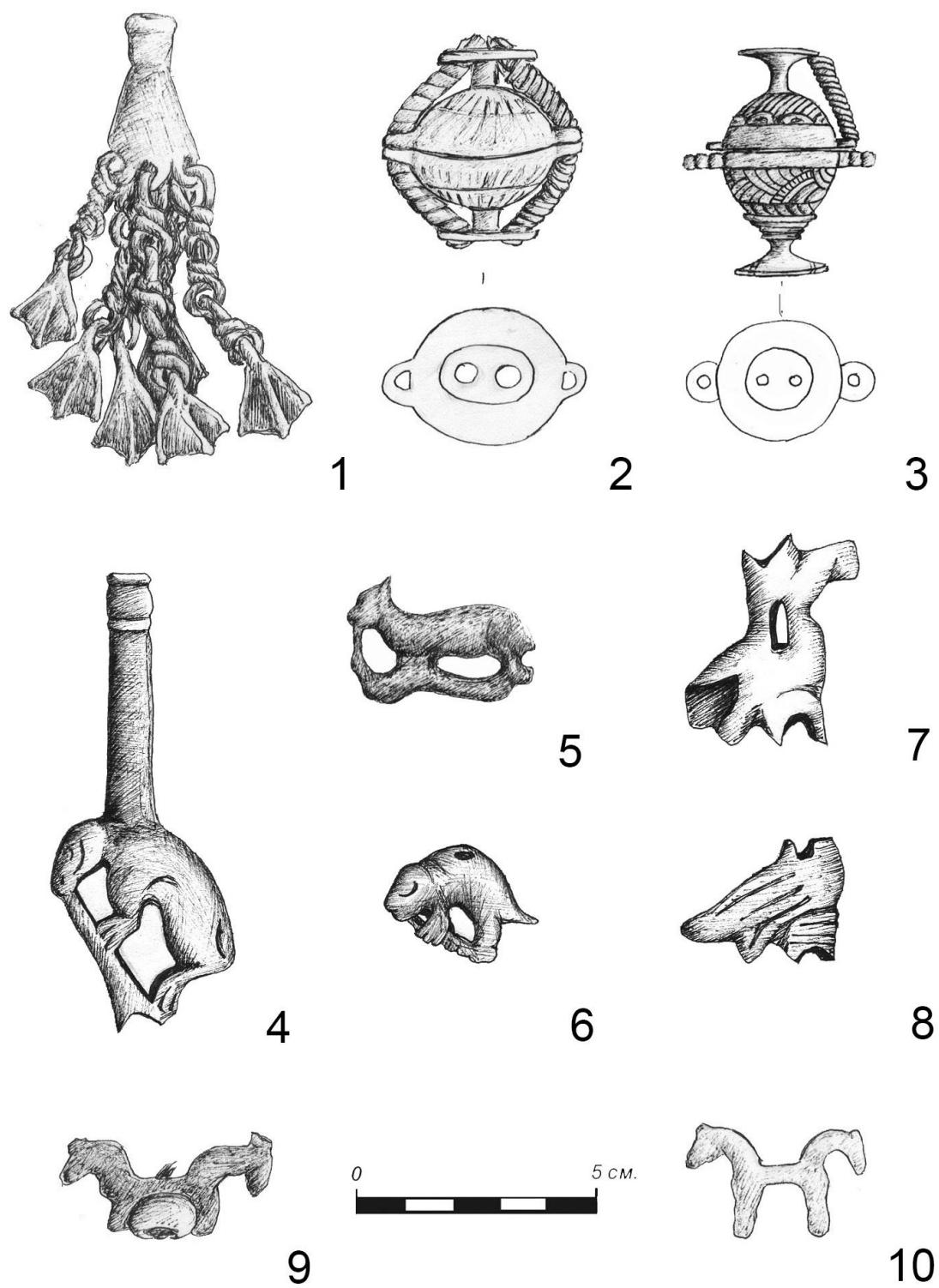

Рис. 3. Пронизки Питер (Степаново Плотбище) могильника

Рис. 4. Пронизки Питер (Степаново Плотбище) могильника

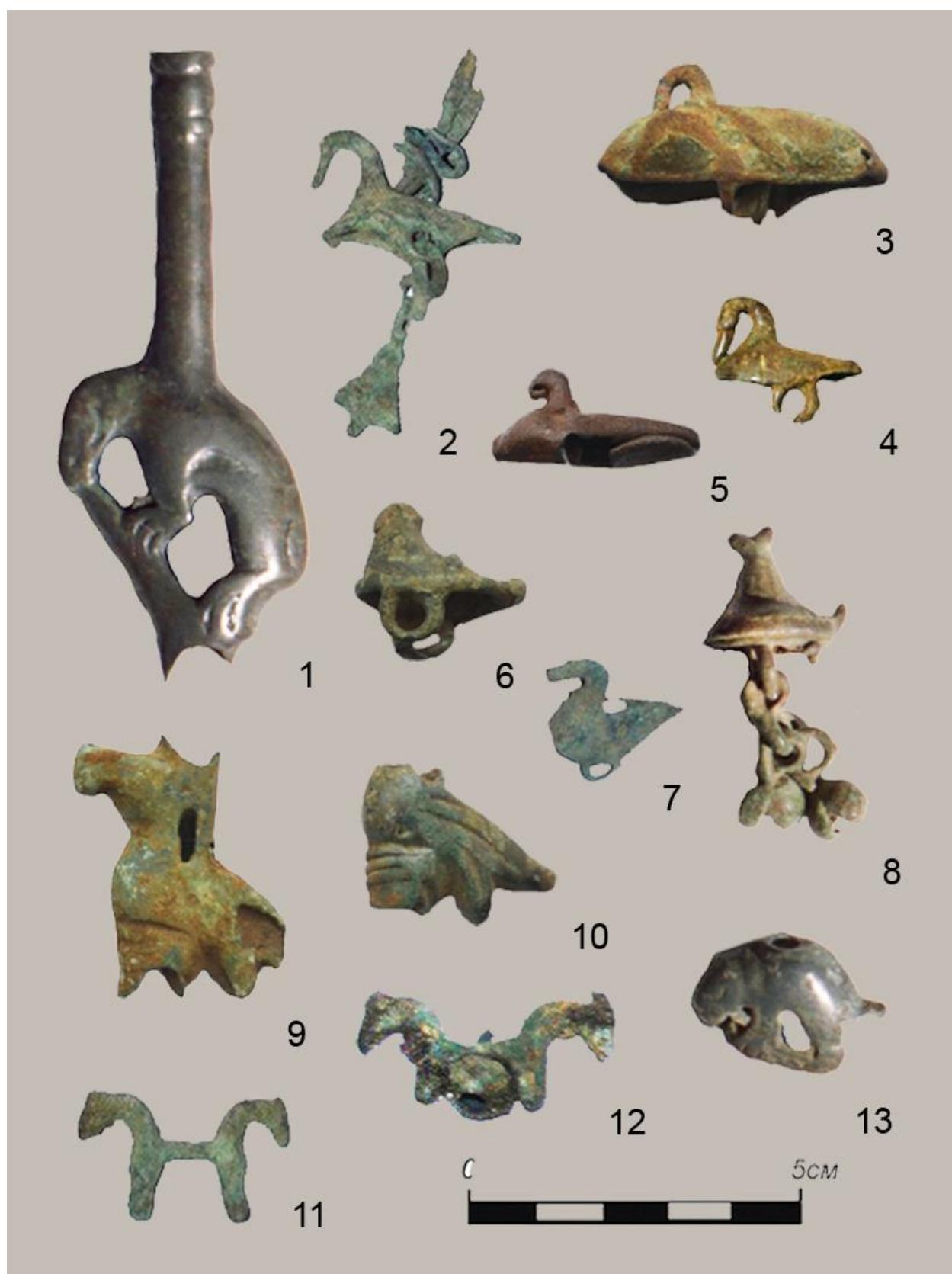

Рис. 5. Пронизки Питер (Степаново Плотбище) могильника

УДК 902/737.1

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-27-107-116

М.В. Воронцов¹, А.В. Данич^{2,3}
НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ ПИТЕР
(СТЕПАНОВО ПЛОТБИЩЕ) МОГИЛЬНИКА

¹ Независимый нумизмат-исследователь, Пермь, РФ

² Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

³ Гильдия археологов, Пермь, РФ

Аннотация. Публикация посвящена 75-летнему юбилею профессора Владимира Александровича Иванова, советского и российского археолога, историка, доктора исторических наук. Авторы желают Владимиру Александровичу крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых научных открытий! В статье вводятся в научный оборот средневековые восточные и европейские монеты, обнаруженные при археологических работах на Питер (Степаново Плотбище) могильнике. Могильник находится в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого округа Пермского края и датируется второй половиной X–XI вв. Также рассматривается нумизматический материал с Полютова (Роданова) городища, расположенного в 2,3 км севернее могильника. Общее количество рассмотренных монет, не веденных ранее в научный оборот, составляет 24 экземпляра. В это число вошли одна бухархудатская драхма, пятнадцать куфических дирхамов и девять западноевропейских денариев. Приводится список и определение всех монет. На основании датировки нумизматического материала уточняется датировка памятника и делается вывод о торговых контактах местного населения.

Ключевые слова: могильник, городище, Прикамье, Пермское Предуралье, монеты, Бухархудаты, 'Аббасиды, Саманиды, дирхам, денарий

Благодарности: авторы выражают огромную благодарность Михельсону Антону Робертовичу (Санкт-Петербург) за неоценимую помощь в определении денариев.

M.V. Vorontsov¹, A.V. Danich^{2,3}
NUMISMATIC MATERIAL FROM THE PETER
(STEPANOVO PLOTBISHCHE) BURIAL GROUND

¹Independent numismatic researcher, Perm, Russian Federation

²Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russian Federation

³Director of the Guild of Archaeologists LLC, Perm, Russian Federation

Abstract. The publication is dedicated to the 75th anniversary of Professor Vladimir Alexandrovich Ivanov, a Soviet and Russian archaeologist, historian, and Doctor of Historical Sciences. The authors wish Vladimir Alexandrovich good health, long life and new scientific discoveries! The article introduces medieval Oriental and European coins discovered at the Peter burial ground (Stepanovo Plotbishche) into scientific circulation. The burial ground is located in the Yusvinsky district of Perm Krai and dates back to the 10th–11th centuries. Numismatic material from a nearby monument, the Rodanovo hillfort, is also being considered. The total number of coins examined, which had not previously been put into scientific circulation, was 24. This number includes one Bukharkhuda drachma, fifteen kufic dirhams and nine European denars. A list and

definition of all coins is provided. Based on the dating of numismatic and clothing materials, the dating of the monument is clarified and a conclusion is drawn about the trade contacts of the local population.

Keywords: archeology, burial ground, Kama region, Perm Preduralye, coins, Bukharkhuda, 'Abbasids, Samanids, dirham, denar

Acknowledgments: the authors would like to thank Anton Robertovich Mikhelson (St. Petersburg) for his invaluable help in determining denarii.

Питер (Степаново Плотбище), селище-могильник находится у деревни Городище Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа Пермского края, который по праву можно отнести к одному из интереснейших памятников эпохи Средневековья Пермского Предуралья. На протяжении ряда лет он исследовался КАЭ ПГГПУ под руководством А.В. Данича и Е.О. Святовой (Бочаровой) [Данич, 2021, с. 181–188; 2022].

Толчком для начала полевых исследований данного памятника послужили сведения об археологических находках, обнаруженных вблизи поселка Пожва, поступившие осенью 1996 г. в Пермский государственный университет от жителя этого населенного пункта А.Б. Панфилова. Письма сопровождались многочисленными рисунками и описаниями вещей.

При изучении ситуации на месте в 1997 г. было выяснено, что памятник, о находках с которого сообщил А.Б. Панфилов – это известный ранее по разведочным работам М.В. Талицкого Питер (Степаново Плотбище) селище-могильник [Талицкая, 1952, с. 151, № 1152].

Первые находки А.Б. Панфилов обнаружил в 1978 г. – обрывок кольчуги и наконечник копья. Примерно с того же времени рыбаки, жители соседних населенных пунктов, начали довольно часто находить средневековые предметы. Имеются воспоминания о браслетах, бронзовых котлах, монетах, бусинах и др.

После проведения разъяснительных бесед с местными жителями в 1997–2001 гг. удалось добиться передачи вещевого материала с археологического комплекса, накопленного жителем поселка Пожва А.Б. Панфиловым, а также частичной передачи коллекций жителей того же поселка В.А. Пороховника и С.Н. Микова. Всего было передано более 1 200 предметов, но, к сожалению, в полном объеме коллекции получить не удалось.

За период исследования могильника удалось поработать с 14 восточными и европейскими монетами и их фрагментами, происходящими из подъемного материала. К сожалению, все монеты происходят из сборов местных жителей. Поэтому ознакомиться с ними одному из авторов получилось лишь на скорую руку. Вторая проблема, ознакомление с основной массой монет происходила в конце 90-х – начале 2000 гг. когда фотографирование производилось еще на пленку, на фотоаппарат марки «Зенит», который не позволял получить необходимое качество снимков.

Восточные монеты представлены следующими экземплярами (рис. 1):

1. Бухархудаты (Центральноазиатское (согдийское) подражание сасанидской драхме Варахрана V), VII в. (?). Ок. 2/3 монеты [Goldina, Nikitin, 1997, p. 118–120, № 29, 32, 37, 48 (?); Наймарк, 2015, с. 28; Zeno, № 136871] (рис. 1/1).

2. ‘Аббасиды, место чеканки и год отломлены, анонимный, по типу – вт. пол. VIII – первое десятилетие IX в. Фрагмент, ок. 1/2; отверстие на краю облома; линия от перегиба (рис. 1/2).

3. Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд, 307 г.х. (919/920 г.). Целый, трещина от 3 до 6 часов [Kolosov, Kalinin, 2022, p. 281, Sa. 307.1] (рис. 1/3).

4. Саманиды, имя амира частично отломлено и стерто, год отломлен, аш-Шаш, по палеографии – Наср б. Ахмад, 308–320 гг. х. (920–933 гг.). Ок. 2/3 монеты; собрана из трех фрагментов (рис. 1/4).

5. Саманиды, Нух б. Наср, Самарканд, 341 г. х. (952/953 г.). Целый; края немного отломлены [Kolosov, Kalinin, 2022, р. 312, установить конкретный вариант из-за низкого качества фото затруднительно] (рис. 1/5).

6. Саманиды, ‘Абд ал-Малик б. Нух, Бухара, 347 г. х. (958/959 г.) [Kolosov, Kalinin, 2022, р. 138, Ви. 347]. Целый; два отверстия от ножа на 5 и 11 часов, немного отломлен край (рис. 1/6).

7. Саманиды (?), Мансур б. Нух (?), 35 (8?) г. х. (968/969 г. (?)), имя правителя и единицы года частично отломлены, место чеканки отломлено. Фрагмент, ок. 1/4 (рис. 1/7).

8. Саманиды, Нух б. Мансур, аш-Шаш, с именем Фаика на л. с., 374 г. х. (984/985 г.) [Kolosov, Kalinin, 2022, р. 409, Sh. 374]. Целый; небольшое отверстие (?), край немного отломлен, трещина (рис. 1/8).

9. Куфический дирхам, кон. IX–X вв. Фрагмент, ок. 1/4 монеты; сильно потерт (рис. 1/9).

Западноевропейские монеты (рис. 2):

1 (10). Германия, Нижняя Лотарингия, неустановленный монетный двор в долине Мааса. Чеканка кор. Оттона III (983–996 гг.). Целый, остатки петельки для подвешивания (?) [Dannenberg, 1876–1905, № 340; Ilisch, 2014, 35.3] (рис. 2/1).

2 (11). Германия, Саксония, регион Гослара, «пфенниг Оттона и Адельгейды», одна из ранних разновидностей рубежа X–XI вв. (?) Ок. 2/3 монеты; одно круглое отверстие (рис. 2/2).

3 (12). Англия, кор. Кнут, тип «Остроконечный Шлем» (1024–1030 гг.), Лондон (?). имя монетчика (?). Целый; остатки петельки для подвешивания (рис. 2/3).

4 (13). Германия, Нижняя Лотарингия, область Уtrecht, чекан г. Гронинген от имени епископа Бернольда, 1040–1054 гг. Ок. 2/3 монеты; трещина [Dannenberg, 1876–1905, № 558] (рис. 2/4).

5 (14). Германия, Саксония, чекан герцога Ордула или его брата Германа в Евере, 1059 (1062)–1089 гг. Есть основания полагать, что монеты этого типа выпускались для Руси или на Руси – ухудшенного качества типа данной монеты. Ок. 2/3 монеты; как минимум одно круглое отверстие, края отломлены [Dannenberg, 1876–1905, № 595–597] (рис. 2/5).

Интересно отметить, что при раскопках С.И. Сергеевым в 1893–1894 гг. пещеры на берегу реки Яива (территория, подчиненная г. Александровск) были обнаружены один восточно-nofrisladский денарий г. Евера, принадлежавший саксонскому графу Герману (умер в 1086 г.) и 2 фрагмента такой же монеты [Теплоухов, Сергеев, 1895, с. 44].

Как видно из списка, обнаруженные монеты на рассматриваемом памятнике весьма разнообразны. Младшая монета относится к 1059 (1062)–1089 гг., а старшая (бухархудаты) – к VII в. (?). По мнению А.И. Наймарка, поступление бухархудатских монет в Прикамье прекратилось вскоре после арабского завоевания Согда в 712 г. [Наймарк, 2015, с. 29–30]. Вполне возможно, что эта монета поступила в регион не в VII, а в VIII в. Интересно отметить, что данный нумизматический артефакт, обнаруженный на территории Пермского Предуралья, может являться седьмым (пять из могильника Верх-Сая, Березовский м.р., одна – из святилища в Гайнах), по информации А.И. Наймарка [Наймарк, 2015, с. 28], или одиннадцатым, по данным В.Ю. Морозова [Морозов, 1996, с. 152–153].

В настоящий момент авторы статьи располагают сведениями еще о пяти бухархудатских монетах, пока не введенных в научный оборот. Таким образом, согдийская монета, обнаруженная на могильнике, может являться тринадцатой или шестнадцатой по счету, найденной в Пермском Предуралье.

Появление таких монет в Прикамье связывают с серьезными изменениями в трансконтинентальной торговле во второй половине VI в., в ходе которой согдийские купцы, по объективным причинам, переключились с торговых сделок шелком с Персией и Римом на прикамские меха [Наймарк, 2015, с. 28–29].

Как минимум шесть монет, происходящих с могильника, имеют отверстия или остатки от петельки для подвешивания. Точное количество монет с отверстиями и без них из-за низкого качества изображений определить сложно. Относительно уверенно можно говорить лишь о двух куфических дирхамах без отверстий (рис. 1/3, 5). С остатками петелек – два денария (рис. 2/1, 3). С отверстиями – как минимум, четыре монеты (рис. 1/2, 6; 2/2, 5). Монеты могли использоваться как в виде подвесок в составе ожерелий, так и в качестве погребальных масок, пришитых на лицевое покрытие (как правило, шелковое), как, например, на Баяновском I могильнике.

Для объективного отражения торговых контактов местного населения на рассматриваемой территории не лишним будет рассмотреть известный нумизматический материал с ближайших памятников.

Рядом с Питер (Степаново Плотбище) могильником, в 2,3 км севернее в д. Городище находится одновременное могильнику Полютово (Роданово) городище, датируемое X – началом XIV в., которое известно еще с XVIII в. Во время его раскопок М.В. Талицким в 1936–1937 гг. был обнаружен куфический дирхам, который, по определению А.И. Тереножкина, принадлежит халифу «Мутадыд билляху (время правления 892–902 г. н. э.)» [Талицкий, 1951, с. 34–35]. Учитывая данную атрибуцию, дирхам можно отнести к Саманидам, времени правления амиров Исмаила б. Ахмада или Ахмада б. Исмаила, или ‘Аббасидам.

На этом же археологическом памятнике в ходе охранных раскопок последних лет под руководством А.Н. Сарапулова были обнаружены три западноевропейских денария:

6 (15). Англия, англо-саксонские правители, Этельред II, тип «CRVX», ок. 991–997 гг. двор и имя монетчика не определить из-за отсутствия изображения другой стороны. Ок. 2/3 монеты; край обломан, отверстие (?) (рис. 2/6).

7 (16). Германия, Нижняя Лотарингия, Уtrecht, выпуск еп. Бернольда или Вильгельма, ок. 1050-х гг. (?). Целый; ушко для привешивания (рис. 2/7).

8 (17). Германия, Франкония, г. Вюрцбург, анонимный денарий середины XI в. с именем св. Килиана. Целый; ушко для привешивания [Dannenberg, 1876–1905, № 859] (рис. 2/8).

Находки английских монет Этельреда II в Пермском Предуралье известны. Так, по одному денарию обнаружено в могильнике у д. М. Аниковская (Чердынский г.о.) во время раскопок Н.Н. Новокрещенных в 1899 г. [Bauer, 1929, р. 185] и при раскопках Рождественского могильника в 1997 г. [Вильданов, 2008, с. 537].

Авторы располагают также информацией о том, что в окрестностях д. Городище было обнаружено еще семь куфических дирхамов. К сожалению, уточнить, откуда именно происходят монеты (городище, селище или могильник), не удалось, но с большой долей вероятности они происходят с Питер (Степаново Плотбище) могильника, так как на нем очень большая площадь размытия водами р. Камы. Данные монеты представлены отдельным списком.

1 (18). ‘Аббасиды, ал-Мансур, место чеканки отломлено, ал-Басра (?), 146 г. х. (763/764 г.). Ок. 2/3 монеты; отверстие от ножа на 2 часа [SICA 3, pl. 25, № 578–580 (?)] (рис. 3/1).

2 (19). ‘Аббасиды, Харун ар-Рашид, Мадинат ас-Салам (Багдад), 181 г. х. (797/798 г.). Целый; два отверстия на 5 и 7 часов [SICA 3, 2012, pl. 72, № 1671–1673] (рис. 3/2).

3 (20). Саманиды, Ахмад б. Исмаил, аш-Шаш, 299 г. х. (911/912 г.). Целый [Kolosov, Kalinin, 2022, р. 355, Sh. 299] (рис. 3/3).

4 (21). Саманиды, Наср б. Ахмад, с именем Ахмада б. Сахла на л.с., Андараба, 305 г. х. (917/918 г.). Целый; отверстие от ножа на 5 часов [Kolosov, Kalinin, 2022, р. 31, л. с. – An. 305, 305.1; o. с. – An 306.1] (рис. 3/4).

5 (22). Саманиды, Мансур б. Нуҳ, Бухара, 357 г. х. (967/968 г. х.). Целый; закрытое отверстие от ножа на 2 часа [Kolosov, Kalinin, 2022, р. 144, Bu. 357] (рис. 3/5).

6 (23). Саманиды, Мансур б. Нух, Самарканд, 359 г. х. (969/970 г.). Целый; два отверстия от ножа (?) на 2 и 8 часов [Kolosov, Kalinin, 2022, р. 325, Sa. 359] (рис. 3/6).

7 (24). Саманиды, Нух б. Мансур, Бухара, 367 г. х. (977/978 г.). Целый; отверстие между 9 и 10 часов [Kolosov, Kalinin, 2022, р. 149, Bi. 367] (рис. 3/7).

Находки саманидских дирхамов амиров Насра б. Ахмада и Мансура б. Нуха в Пермском Прикамье известны для городища Купрос (Юсьвинский район) и могильника Огурдино (Усольский район) соответственно [Сарапулов, 2010, с. 250; Гомзин, Воронцов, 2019, с. 56].

Общий нумизматический итог по кусту памятников в районе д. Городище Юсьвинского района, учитывая монеты с Полютово (Роданово) городище, его окрестностей и Питер (Степаново Плотбище) могильника насчитывает 24 экз.: одна бухархудатская драхма, 15 куфических дирхамов и восемь западноевропейских денариев.

Монет с петелькой для подвешивания/остатками от них – минимум три или четыре экз., все – европейские денарии, три относятся к XI в., один, где наличие петельки под вопросом, – к концу X в. С отверстиями в общей сложности, как минимум, 10 монет. Монет без каких-либо преднамеренных повреждений наблюдается три экземпляра. Возможно, их было и больше, однако из-за сохранности и качества некоторых изображений более точно установить затруднительно.

Династично-географическое распределение следующее: Бухархудаты – 1, ‘Аббасиды – 3, Саманиды – 10, Англия – 2, Германия – 6 (Нижняя Лотарингия – 3, Саксония – 2, Франкония – 1).

Хронологическое распределение нумизматического материала комплекса памятников (городище, селище и могильник) выглядит следующим образом: монет VII (?) в. – 1 экз., VIII в. – 2 экз., VIII–IX вв. – 1 экз., кон. IX–X вв. – 1 экз., рубежа IX–X вв. – 1 экз. (опубликованный дирхам с Полютова (Роданово) городища), первой четверти X в. – 3 или 4 экз., сер. X в. – 5 экз., последней четверти X в. – 4 экз., рубежа X–XI в. – 1 экз., XI в. – 5 экз.

Хронологическое распределение показывает, что монет первой трети X в., в период торгового расцвета [Гомзин, Воронцов, 2024; Калинин, Кулешов, 2018; Потин, 1968, с. 85; Чагин, 2013, с. 72–75; Леймус, Ширинкин, 2023], численно меньше, чем монет середины – последней четверти X–XI вв. В середине X в. начинается спад поступления куфического монетного серебра, закончившийся в итоге полным прекращением его поставок в начале XI в. и заменой куфического дирхама на европейский денарий.

Западноевропейские денарии начали проникать на территорию Древней Руси в 960–970-е гг. [Потин, 1968, с. 45]. При этом преобладающую роль продолжает играть куфический дирхам; денарий займет первенство лишь в XI в. [Потин, 1968, с. 85]. Все обнаруженные на исследуемой территории денарии отчеканены в Германии и Англии – главных поставщиках монетного серебра в X–XI вв. [Потин, 1968, с. 41].

Бухархудатская драхма, а также целый и два фрагмента ‘аббасидских дирхамов, не могут являться основанием для расширения хронологических рамок датировки могильника, так как они могли поступить значительно позднее времени чеканки и/или использоваться дольше, передаваясь, например, следующему поколению. Известно, что большая часть куфического монетного серебра, поступающего в Восточную Европу, с 970-х гг. подвергалась фрагментации [Гомзин, 2013, с. 84; Гомзин, Воронцов, 2019], а два и больше разных отверстий (рис. 3/2) свидетельствуют о проделывании нового со сменой владельца [Гомзин, 2013, с. 111]. Известен также факт находки в одном погребении сасанидской драхмы Хосрова II и саманидского дирхама на Агафоновском II могильнике (Гайнский м. о.). Разница в чеканке этих монет составила 304 г. [Голдина, Пастушенко, Черных, 2011, с. 142].

Таким образом, приведенная выше информация в совокупности с вещевым материалом может показывать, что селище-могильник Питер (Степаново Плотбище) следует относить ко второй половине X–XI вв. Также можно отметить, что местное население имело торговые

связи как с восточными посредниками, преимущественно Волжской Булгарией, как главным поставщиком восточного монетного серебра в X в., так и западными – Русью, территория которой являлась конечной точкой движения денария с Запада на Восток [Потин, 1968, с. 85].

Библиографический список

1. *Вильданов Р.Ф.* Монеты из сборов и раскопок на Рождественском археологическом комплексе в Карагайском районе Пермского края // Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск (Археология Пермского края: Свод археологических источников. Вып. I.). – Пермь : ПГПУ, 2008. – С. 536–542.
2. *Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М.* Бартымский комплекс памятников эпохи Средневековья в Сылвенском поречье : материалы и исслед. Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 13. – Ижевск ; Пермь ; Сарапул : Сарапул. типография, 2011. – 340 с.
3. *Гомzin A.A.* Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в среднем и нижнем Печорье : дис. ... канд. ист. наук. – М., 2013. – 499 с.
4. *Гомzin A.A., Воронцов M.B.* Небольшой клад куфических дирхамов из Пермского края // ZENO FESTSCHRIFT : сб. ст., посвящ. 20-й годовщине Междунар. проекта Zeno.ru / Oriental Coin Database. – М., 2024. Препринт.
5. *Гомzin A.A., Воронцов M.B.* Усольский клад куфических монет // Поволжская археология. – 2019. – № 4 (30). – С. 55–67.
6. *Данич А.В.* Монеты и монетовидные подвески из раскопок Баяновского могильника в Пермском Предуралье // Народы и религии Евразии. – 2022. – Т. 27, № 4 / гл. ред. П.К. Дашковский. – Барнаул : Изд-во Алтайск. гос. ун-та. – С. 36–55.
7. *Данич А.В.* Некоторые итоги исследований Питер (Степаново Плотбище) могильника IX–XI вв. в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого округа // Музейное наследие. Диалог времен : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Коми-Пермяцкого краевед. музея им. П.И. Субботина-Пермяка и 135-летию П.И. Субботина-Пермяка (г. Кудымкар, 17–19 ноября 2021 г.). – Кудымкар ; Пермь : Коми-Пермяцкий краевед. музей им. П.И. Субботина-Пермяка, 2021. – С. 181–188.
8. *Калинин В.А., Кулешов В.С.* Бондюжский клад куфических дирхамов начала X в. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIV: Средневековая археология Евразии: от Ямала до Карпат : сб. науч. тр. к 60-летнему юбилею А.М. Белавина / под общ. ред. Н.Б. Крыласовой ; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Пермь, 2018. – С. 127–132.
9. *Леймус И., Ширинкин П.* Волжско-булгарский монетный клад начала X в. (село Горбуново, Чердынский городской округ, Пермский край) // Культурный код : журн. Перм. гос. ин-та культуры. – 2023. – № 2 – С. 70–88.
10. *Морозов В.Ю.* Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Прикамье // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. – Самара : Самар. обл. ист.-краевед. музей им. П.В. Алабина, 1996. – С. 148–164.
11. *Наймарк А.И.* Замечания о восточноевропейских находках бухарских и хорезмских монет VI–IX веков // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 3–5 апр. 2015 г.) : материалы докл. и сообщ. / Староладож. истор.-архитектур. и археол. музей-заповедник, «Организованная Археология», «Музейное агентство». – СПб. : Знакъ ; Старая Ладога, 2015. – С. 28–33.
12. *Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв.: Историко-нумизматический очерк. – Л. : Советский художник, 1968. – 240 с.
13. *Сарапулов А.Н.* Культовая яма (комплекс) средневекового городища Купрос (по материалам раскопок) 2009 г.): предварительные замечания // Археологическое наследие как

отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения) : материалы Всерос. науч. конф. – Ижевск : Удмурт ун-т, 2010. – С. 248–253.

14. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М.В. Талицким) // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – 228 с. – (МИА; Т. IV, № 27).

15. Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – С. 33–96. – (МИА; № 22).

16. Теплоухов Ф.А., Сергеев С.И. О пещерах на р. Яйве и ея притоках, Соликамского уезда, Пермской губернии: древности и кости, найденные в Чаньвенской пещере // Пермский край. – Пермь : Тип. н-ков П.Ф. Каменского, 1895. – Т. III – С. 17–50.

17. Чагин Г.Н. Чердынские клады. Сокровища археологических коллекций. – Пермь : Литер-а, 2013. – 144 с.

18. Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts. I. Topographische Übersicht der Münzfunde des Ostbaltikums. – Berlin, 1929. – 187 p.

19. Dannenberg H. Die deutschen Münzen der sächsischen und fränkischen Kaiserzeit. Bd. I–IV. – Berlin, 1876–1905. – 1020 p.

20. Goldina R.D., Nikitin A.B. New finds of Sasanian, Central Asian and Byzantine coins from the region of Perm', the Kama-Urals area // Studies in Silk Road. Coins and Culture. Papers in honour of Professor Ikuro Hirayama on his 65th birthday. – Kamakura, 1997. – P. 111–130.

21. Ilisch P. Die Münzprägung im Herzogtum Niederlothringen. II: Die Münzprägung im südwestlichen Niederlothringen und in Flandern im 10. und 11. Jahrhundert // Jaarboek voor Munt- en Penningkunde (JMP). № 100, Special. – Amsterdam, Niederlande, 2014. – 383 p.

22. Kolosov I.A., Kalinin V.A. Catalogue of Samanid dirhams 279–394 A.H. – St. Petersburg, 2022. – 447 p.

23. SICA 3 – Norman D. Nicol. Sylloge of Islamic Coins in the Ashmolean. Volume 3. Early ‘Abbasid precious metal coinage (to 218 AH). Ashmolean museum. – Oxford, 2012. – 90 p.

24. Zeno.ru. Oriental Coins Database (База данных восточных монет). Coins № 137121 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zeno.ru/> (<https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=136871>) (дата обращения: 20.02.2025).

Рис. 1. Восточные монеты с Питер (Степаново Плотбище) могильника

Рис. 2. Западноевропейские денарии с Питер (Степаново Плотбище) могильника и Полютова (Роданово) городища

Рис. 3. Куфические дирхамы из окрестностей д. Городище

УДК 903

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-27-117-124

Ю.А. Подосёнова^{1,2}, А.В. Данич¹
ЖЕНСКИЕ ШЕЙНО-НАГРУДНЫЕ ПОДВЕСКИ
БАЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА ЛОМОВАТОВСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

²Институт гуманитарных исследований ПФИЦ УрО РАН, Пермь, РФ

Аннотация. Баяновский I могильник, предварительно датируемый IX – первой половиной X в., является одним из интереснейших средневековых памятников Предуралья и наиболее изученным памятником ломоватовской археологической культуры. Статья продолжает серию публикаций, посвященных введению в научный оборот коллекции металлических украшений, характерных для женских костюмных комплексов – шейно-нагрудных подвесок. Эта категория украшений в материалах памятника немногочисленна и представлена разными группами: монетовидными, звездчатыми, лунничными, круглыми с рельефными выступами, округлыми листовидными и дисковидными подвесками. Среди них выделены изделия местных и инокультурных традиций. На основании приведенных аналогий выдвинуты предположения о территории возникновения отдельных типов изделий (территории салтовских древностей Северского Донца, Южного Урала и Нижнего Прикамья).

Ключевые слова: Средневековье, Предуралье, ломоватовская культура, Баяновский I могильник, украшения, женский убор

Yu.A. Podosenova^{1,2}, A.V. Danich¹
WOMEN'S PENDANTS FROM THE BAYANOVSKY
I BURIAL GROUND OF THE LOMOVATOVO
ARCHAEOLOGICAL CULTURE

¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

²Institute of Humanitarian Research, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation

Abstract. The Bayanovsky I, burial ground, dating back to the 9th to the first half of the 10th centuries, is one of the most interesting medieval monuments of the Perm Cis-Urals. It is the most studied monument of the Lomovatovskaya archaeological culture. The article continues a series of publications devoted to the introduction of a collection of women's metal jewelry into scientific circulation. The article is devoted to neck and chest pendants. The items are few in number and are represented by different groups: coin-shaped, star-shaped, lunular, round, leaf-shaped and disc-shaped pendants. Among them, items of local and foreign cultural traditions are distinguished. Based on the given analogies, assumptions are made about the territory of origin of individual types of items.

Keywords: Middle Ages, Perm Cis-Urals, Lomovatovskaya culture, Bayanovsky I, burial ground, women's jewelry, pendants

© Подосёнова Ю.А., Данич А.В., 2025

* Работа с отчетами по полевым археологическим изысканиям выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-68-10023 «Предуральская модель освоения пространства в древности и в Средние века: основные этапы взаимодействия природы и человека». Химико-технологические исследования отдельных изделий выполнены в рамках государственного задания, номер регистрации темы 124021500047-2 «Этнокультурные процессы в Евразии: археология и этнография Урала».

В последнее время одним из памятников Пермского Предуралья, ставшим объектом пристального внимания Владимира Александровича Иванова, стал Баяновский I могильник, материалы которого ярко свидетельствуют о бурных процессах, происходивших на территории Урало-Поволжья в период IX – первой половины X в. Так как полевые археологические изыскания на памятнике продолжаются, до полной публикации его материалов еще далеко. Однако своевременное введение в научный оборот отдельных категорий изделий помогает дать ответы на вопросы, ставящиеся перед исследователями уже сегодня.

Баяновский I могильник – один из самых исследованных погребальных памятников ломоватовской археологической культуры – расположен на территории Добрянского городского округа Пермского края, недалеко от д. Бояново. Памятник открыт в 1951 г. при разработке карьера. В 1951, 1953 гг. В.А. Обориным изучено 17 погребений. С 2005 г. раскопки могильника возобновились, и по настоящее время проводятся Камской археолого-этнографической экспедицией ПГГПУ (руководитель А.В. Данич). За весь период исследовано 541 погребение. Преимущественно погребения совершены по обряду ингумации с положением вещей в порядке ношения при жизни. Наиболее выразительной категорией находок в материалах памятника являются украшения. Предлагаемая вниманию публикация посвящена **женским шейно-нагрудным подвескам**.

Наиболее многочисленной группой являются **монетовидные подвески** (34 экз., рис. 1/1–9). Округлая основа украшений имеет два слоя. Лицевой слой представляет собой тонкий (толщина менее 0,5 мм) серебряный кружок с изображениями, имитирующими отдельные монетные типы (брактеаты), изнаночный слой – медную пластину. При осмотре полностью сохранившихся изделий создается впечатление «склеенности» слоев. Вероятнее всего, слои припаивались друг к другу¹. К верхней части с помощью сквозных шпеньков прикреплена петля, выполненная из проволочки с раскованными концами. На отдельных изделиях верхний серебряный слой отсутствует, но о его наличии свидетельствуют небольшие фрагменты серебра, фиксирующиеся между раскованными концами петли и медной основой.

Интересно отметить, что в женских погребениях памятника не выявлено не одной монетовидной подвески, в основе которой была бы настоящая монета. Хотя монеты на могильнике не редкость [Данич, 2022, с. 53].

По оформлению верхнего слоя – брактеатам, можно выделить несколько типов монетовидных подвесок²:

- тип 1 – с брактеатами – подражаниями сасанидским драхмам Хосрова II (21 экз., п. 51 (9), 92 (5), 97 (7)) (рис. 1/1, 3–4). В.С. Кулешов такие подражания относит ко второй половине VIII – первой половине IX в., с тяготением к началу периода [Данич, 2022, с. 41–42, 44];

- тип 2 – с брактеатами – подражаниями Умайядам, чеканенным в Васиту 740-х гг. (2 экз., п. 101 (2)) (рис. 1–5) [Данич, 2022, с. 44];

- тип 3 – с брактеатами под Сасанидов (2 экз., 356 (2)) (рис. 1–9) [Данич, 2022, с. 48].

Брактеаты отдельных монетовидных подвесок невозможно определить (9 экз., п. 60 (2), 111 (1), 136 (4), 252 (2)) (рис. 1/2, 6–8) [Данич, 2022, с. 42, 44–45].

В целом «двухслойные» монетовидные подвески являлись довольно распространенным украшением на территории Пермского Предуралья в период IX–XI вв. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 383]. В период IX–X вв. в качестве верхнего слоя могли использоваться не только

¹ Часто между слоями у хорошо сохранившихся подвесок фиксируется порошковидное вещество, «налет» серого цвета. Исследование химического состава фиксируемого вещества между слоями на монетовидной подвеске из п. 356 с помощью рентгенофлюоресцентного анализа, показало повышенное содержание олова (более 80 %).

² Определение выполнено В.С. Кулешовым (ИИМК РАН, Санкт-Петербург).

брактеаты восточных монет, но и кружки, вырезанные из тонкого серебряного листа, с оттиснутыми изображениями – растительным орнаментом, сюжетами пермского звериного стиля и т.д. [Крыласова, Подосёнова, 2023, с. 60, рис. 35–38].

В меньшем, но немалом количестве в материалах могильника представлены *звездчатые подвески* (9 экз., рис. 1/10–16). Они имеют в основе бронзовую/латунную (?) пластину звездчатой формы (восьми-, шести- или пятилучевую), на которую припаяны отдельно собранные элементы из благородных металлов: каст с каменной вставкой, обрамленный филигранным декором, а также тисненые элементы. В связи с тем, что изделия являлись сборными, а пайка элементов из разных металлов была ненадежной, многие из них фрагментированы. По экземплярам, дошедшим до нас в относительно целом виде (п. 389, 136 (2), 101), удалось «распознать» среди находок и отдельные элементы подобных украшений (п. 61 (2), 480, сектор А 2017 г., 103).

Выделяющиеся центральные медальоны звездчатых подвесок собраны на отдельной серебряной пластине овальной или округлой формы. Филигранный декор и каст для вставки выполнены из сплава на основе золота и серебра. Каст для вставки изготовлен из тонкой металлической пластины, поставленной на ребро и припаянной к пластине под прямым углом. Вставки представляют собой кабошоны из сердолика и бесцветного полупрозрачного камня (халцедона?). Каст окаймлен рядом/рядами тонкой штампованной проволочки, на которую с механической ритмичностью нанесены поперечные насечки/линии (имитирующие зернь), а также рядами сканой проволочки, уложенной «косичкой». Центральные медальоны припивались на заранее отлитую из цветного металла звездчатую основу, после чего они окаймлялись рядами (1–3) более толстой серебряной штампованной проволоки с грубым «зерневым» эффектом. Лучи подвесок декорировались припаянными элементами, тисненными из тонкого серебряного листа металла, в виде треугольных фигур, образованных полусферами (более подробно технология изготовления подвесок данного круга с результатами химико-технологическими исследований описаны в отдельной публикации [Крыласова, Подосёнова, 2022, с. 85–88]).

По оформлению исключение составляет одна подвеска (п. 103) (рис. 1/11), на которой в процессе ремонта тисненые элементы с полусферами были напаяны в основании вставки центрального медальона [Крыласова, Подосёнова, 2022, с. 86–87].

При комплексном исследовании изделий звездчатых подвесок установлено, что их центральные медальоны, кардинально отличающиеся от других конструктивных элементов (по составу металла, безукоризненному техническому исполнению), являлись «частями», изъятymi из других украшений значительно более раннего времени импортного производства. При вторичном использовании на звездчатых основах они дорабатывались местными мастерами в характерной для них традиции [Крыласова, Подосёнова, 2022, с. 83].

В Пермском Предуралье аналогичные целые изделия происходят из материалов Питер (Степаново Плотбище), Редикарского [Крыласова, Подосёнова, 2022, рис. 1/10, рис. 2/6], Мелехинского I (погр. 1, фонды Пермского краеведческого музея) могильников. Встречаются и фрагменты изделий [Крыласова, Подосёнова, 2022, с. 85–88]. За пределами Пермского Предуралья известно только об одной находке с территории бассейна р. Вятки из Кочергинского могильника [Талицкий, 1940, табл. V/60]. Период распространения звездчатых подвесок пока определяется хронологическими рамками погребений, откуда они происходят – IX–X вв., но их ограниченное количество, стилистическое и технологическое единство предполагает более узкую датировку.

Подвески следующей категории, условно, по сюжетной линии, можно обозначить как *подвески лунничного типа*. Они представляют собой подвески фигурной формы с округлой петелькой в верхней части изделия, расположенной в одной плоскости с основой. В форму

вписаны вертикально чередующиеся лунные серпы, обращенные рогами в противоположные стороны. По количеству «серпов», особенностям декорирования и материалу изготовления они могут быть поделены на следующие группы и типы.

Тип 1 – состоящие из четырех «серпов» (6 экз., п. 190, 21а) (рис. 2/1,4);

Тип 2 – из пяти «серпов» (3 экз., п. 366) (рис. 2/2);

Тип 3 – из шести «серпов» с трехчастными фигурными выступами (3 экз., п. 51) (рис. 2/2).

Подвески выполнены с помощью литья в двухсторонние двухчастные формы из бронзового/латунного (?) сплавов.

В одном из погребений были обнаружены фрагменты еще девяти (сохранилось только 5) аналогичных подвесок, количество «серпов» у которых восстановить трудно в связи с плохой сохранностью, и соответственно невозможно отнести их к определенному типу (п. 414) (рис. 2/5). Судя по сохранившимся фрагментам, они выполнены с помощью литья в односторонние открытые формы и отлиты из оловянного сплава (Sn более 82 %, Cu – 1,7 %, остальное – следы загрязнений Fe, As, Mn, Co³), чем и обусловлена их плохая сохранность.

В Пермском Предуралье фрагмент аналогичного украшения был обнаружен на Рождественском городище, датируемом концом IX – серединой XIV в. [Белавин, Крыласова, 2022, рис. 5/3]. За пределами региона небольшая по численности группа похожих подвесок (14 экз.) обнаружена в салтовских древностях второй половины VIII – первой половины X в. Северского Донца: в погребальных комплексах Верхне-Салтовского катакомбного могильника, могильника у с. Червоная Гусаровка и могильника Красная Горка [Аксёнов, 2017, с. 6–10]. В салтовских древностях эти подвески являлись подвесками-амuletами, характерными для детского набора украшений [Аксёнов, 2017, с. 9]. В материалах Баяновского I могильника такой особенности не отмечается, хотя ряд данных подвесок и встречен в погребениях девушек юного возраста.

Остальные подвески пока обнаружены в единичных экземплярах, и аналогичных украшений в ломоватовских материалах не известно.

Серебряная *подвеска округлой формы с тремя трехчастными рельефными выступами по боковым и нижней сторонам* (п. 272) (рис. 2/7) представляет собой тонкостенное изделие, выполненное с помощью литья в двухчастную двухстороннюю форму из сплава с повышенным содержанием серебра, легированного латунью. Возможно, имеет следы позолоты (Ag – 88,0 %, Cu – 6,76 %, Pb – 3,54 %, Zn – 1,14 %, Au – 0,56⁴). За пределами Пермского Предуралья похожие подвески достаточно широко представлены в материалах, датируемых в совокупности IX–X вв. С территории Южного Урала подобные подвески происходят с Ишимбаевского (курган 3, п. 2) [Мажитов, 1981, рис. 46/25], Лагеревского (курган 42) [Мажитов, 1981, рис. 44/11], Синеглазовского [Боталов, 2019, с. 108] могильников. С территории Нижнего Прикамья похожие подвески, повторяющие форму, но более декорированные, происходят исключительно из женских погребений Больше-Тиганского могильника [Халикова, Халиков, 2018, табл. IV/5, VI/20–21, XVB/3, XVI/16, XXIV/10].

Бронзовая/латунная (?) *подвеска листовидной формы с двумя прорезями в виде полумесяцев по бокам* (п. 92) (рис. 2/8) изготовлена с помощью литья в двухчастной двухсторонней форме.

За пределами Пермского Предуралья похожие изделия обнаружены в материалах, датируемых IX–X вв. На территории Нижнего Прикамья в большом количестве, иногда по несколько изделий в составе одного ожерелья, подвески обнаружены в материалах как жен-

³ По результатам рентгенофлюоресцентного анализа.

⁴ По результатам рентгенофлюоресцентного анализа.

ских, так и мужских погребений Больше-Тиганского могильника [Халикова, Халиков, 2018, табл. IV/9, V/3, VII/22, VIII/2, X/4, XXIV/6, XIV/12–13, XVI/13–14, XVII/10, XXIV/7, XXVI/6, XXVI/3, XVII/20, XXVIII/4, XXIX/4, XXXIII/6]. К этой группе украшений можно отнести и находки из могильников Уелги в Челябинской области [Грудочки, Газизова, Парунин, 2018, рис. 4], I Бекешевского (курган 2, погребение 3) [Мажитов, 1981, рис. 31/3–4, 6; рис. 31а], II Бекешевского [Мажитов, 1981, рис. 34/3–4, 22–23; рис. 36/1–2], Лагеревского [Мажитов, 1981, рис. 40/18], Старо-Халиловского [Мажитов, 1981, рис. 56] на Южном Урале.

Серебряная *дисковидная подвеска округлой формы с петлей, декорированной в основании косыми линиями* (п. 432) (рис. 2–6), представляет изделие, выполненное с помощью литья в двухчастную двухстороннюю форму из серебра, возможно, имеет процарапанный рисунок.

Пластинчатые подвески из серебра с разным чеканным декором были распространены в Пермском Предуралье в период X – первой половины XI в. В этот же период подобные подвески встречаются и на других территориях [Подосёнова, 2017, с. 103]. Однако между этими распространенными подвесками и рассматриваемым изделием из Баяновского I могильника есть существенная разница. Первые являются сборными – к дисковидной основе, вырезанной из тонкого листа металла, с помощью шпеньков крепилась медная или серебряная петля. А рассматриваемая подвеска выполнена с помощью литья. Точных аналогий ей не известно. По технологии изготовления, оформлению петли прослеживается сходство с отдельными типами листовидных подвесок, распространенных в IX–X вв. на территории Южного Урала (Хусаиновские, I и II Бекешевские, Лагеревские, Старо-Халиловские курганы) [Мажитов, 1981, рис. 27/4; рис. 31/6; рис. 34/4, рис. 56/2] и Нижнего Прикамья (Больше-Тиганский могильник) [Халикова, Халиков, 2018, табл. I/3, XIII/6]. На этих же территориях встречаются и цельнолитые дисковидные подвески с петлей, выполненные из серебра (Старо-Халиловские курганы, Больше-Тиганский могильник) [Мажитов, 1981, рис. 54/3; Халикова, Халиков, 2018, табл. IV/6–8, XIV/14].

Рассматриваемые шейно-нагрудные подвески были обнаружены в районе груди погребенных. Во всех случаях монетовидные подвески находились в составе ожерелий из стеклянных, каменных или металлических бус. Иногда в состав этих ожерелий входили и подвески иных форм – лунничные (п. 51), листовидные (п. 92), звездчатые (1–2 экз.; п. 101, п. 136).

Важно также отметить черту, характерную для лунничных подвесок. Предметы с ярко выраженным «серпами» во всех случаях обнаружены по 3 экземпляра вместе, соединенные одним колечком (п. 51, 190) или лежащими друг на друге «стопочкой», что также свидетельствует об их «комплектности». Судя по отдельным экземплярам (п. 51, 190), к ожерельям они крепились с помощью низок, состоящих из металлических бус и пронизок. Лунничные подвески более мелких размеров со слабо выраженным «серпами» (п. 414) входили в состав ожерелья из стеклянных бус и чередовались с ними. Возможно, аналогичных ожерелий в материалах памятника было больше, но как показывает опыт, украшения из оловянного сплава на памятнике сохраняются редко и зафиксировать их является большой удачей.

По сравнению с другими категориями украшений, характерными для женского костюмного комплекса (например, накосными и височными украшениями, ножнами в обкладках), шейно-нагрудных подвесок в погребениях обнаружено не очень много. Но уже сейчас, на этапе введения их в научный оборот, удается выделить изделия привозного (лунничные, листовидные, округлые с рельефными выступами по бокам, цельнолитые в виде диска) и местного (звездчатые, монетовидные подвески) происхождения, определить отдельные особенности их распространения и использования.

Библиографический список

1. Аксёнов В.С. О семантике одного вида детских амулетов салтово-маяцкого населения Северского Донца // Laurea II. Античный мир и Средние века : чтения памяти проф. Владимира Ивановича Кадеева, к 90-летию со дня рождения. – Харьков : НТМТ, 2017. – С. 6–10.
2. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Взаимодействие населения Предуралья и носителей салтово-маяцкой археологической культуры // 29th Conference of young scholars on the migration period (Budapest, November 15–16, 2019). – Budapest, 2022. – Р. 73–84.
3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь : ПГГПУ. 2008. – 603 с.
4. Боталов С.Г. У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX – начало XV века) // История Южного Урала : в 8 т. Т. 5. – Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. – 424 с.
5. Грудочко И.В., Газизова С.Р., Парунин А.В. Реконструкция конского снаряжения и костюма Южного Зауралья IX–XI вв. (по материалам могильников Уелги и Синеглазово) // Magistra Vitae : электрон. журн. по ист. наукам и археологии. – Челябинск : ЧГУ. – 2018. – № 1. – С. 148–159.
6. Данич А.В. Монеты и монетовидные подвески из раскопок Баяновского могильника в Пермском Предуралье // Народы и религии Евразии. – 2022. – Т. 27, № 4 / гл. ред. П.К. Дашковский. – Барнаул : Изд-во Алтайс. гос. ун-та. – С. 36–55.
7. Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А. Ассортимент ювелирных украшений в средневековом Прикамском костюме // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2023. – Вып. XXII. – С. 57–72.
8. Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А. Звездчатые подвески из Пермского Предуралья (или вторая жизнь изделий в гуннском полихромном стиле) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2022. – Т. 50, № 4. – С. 83–90.
9. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М. : Наука, 1981. – 166 с.
10. Подосёнова Ю.А. Серебряные пластинчатые подвески с территории Пермского Предуралья эпохи Средневековья // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2017. – № 4. – С. 100–105.
11. Талицкий М.В. Кочергинский могильник // Археологические памятники Урала и Прикамья. – М. ; Л. : Наука, 1940. – С. 159–168.
12. Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) // Археология Евразийских степей. Вып. 25. – Казань, 2018. – 144 с.

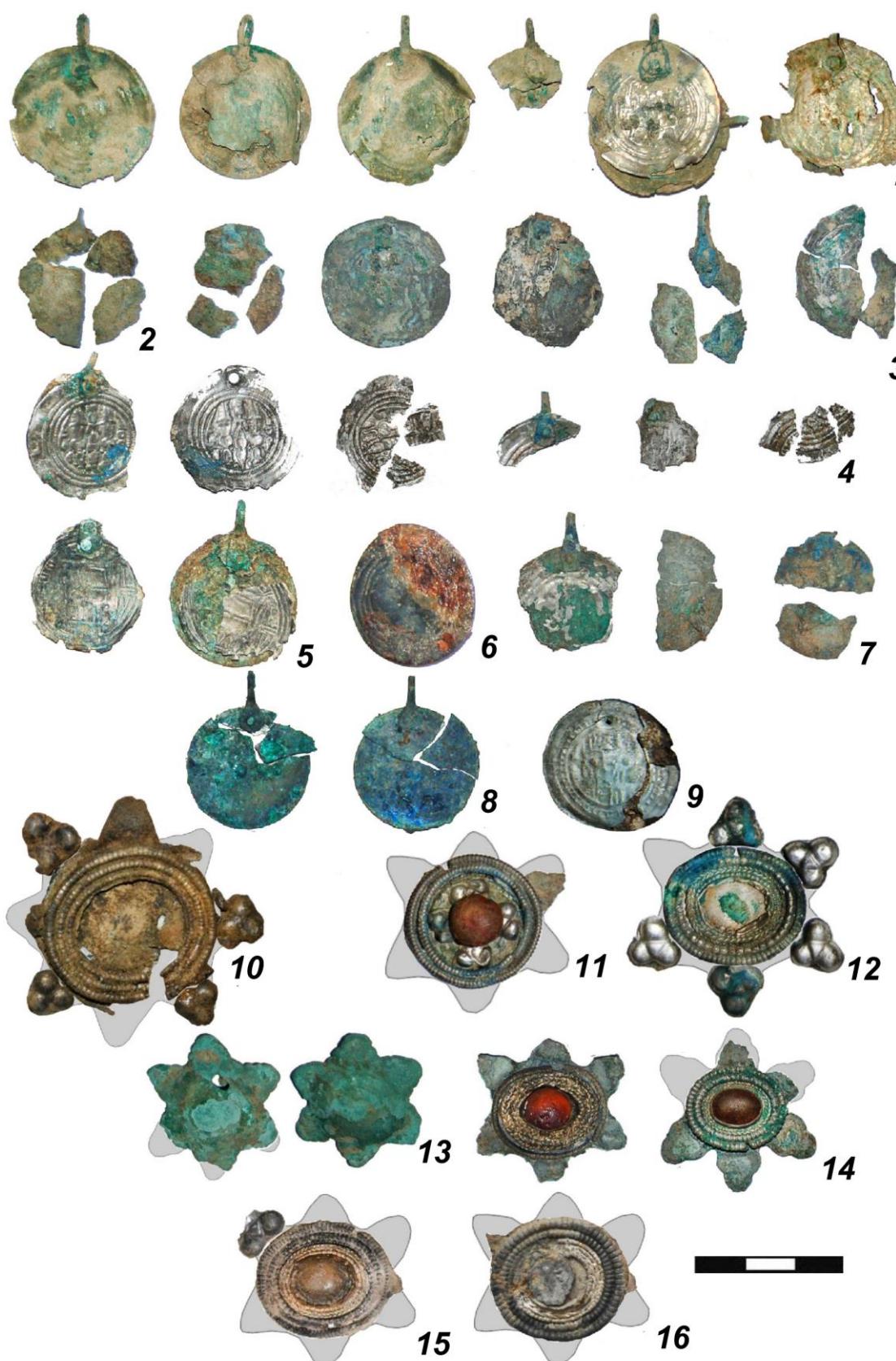

Рис. 1. Женские шейно-нагрудные подвески Баяновского могильника: монетовидные и звездчатые. 1 – п. 51; 2 – п. 60; 3 – п. 92; 4 – п. 97; 5 – п. 101; 6 – п. 111; 7 – п. 136; 8 – п. 252; 9 – п. 356; 10 – п. 389; 11 – п. 103; 12 – п. 101; 13 – п. 61; 14 – п. 136; 15 – п. 480; 16 – сектор А, 2017 г.

Rис. 2. Женские шейно-нагрудные подвески Баяновского могильника:
лунничные, дисковидные, округлые с выступами, листовидные.
1 – п. 190; 2 – п. 51; 3 – п. 366; 4 – п. 21А; 5 – п. 414;
6 – п. 432; 7 – п. 272; 8 – п. 92

УДК 902/069

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-27-125-139

Т.Б. Никитина¹, Ю.А. Семыкин², А.В. Акилбаев¹
ЗАХОРОНЕНИЕ С МЕЧОМ НА МОГИЛЬНИКЕ НИЖНЯЯ СТРЕЛКА

¹Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Йошкар-Ола, РФ

²Институт истории и культуры региона ОГАУК «Ленинский мемориал», Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Ульяновск, РФ

Аннотация. Данная полная публикация погребения 15 могильника Нижняя Стрелка, содержащего меч. Данная находка является единственной на памятниках Ветлужско-Вятского междуречья эпохи Средневековья и вводится в научный оборот впервые.

По вещевому комплексу и многочисленным аналогиям на соседних территориях захоронение датируется в пределах XI в. Особенности погребального обряда (мужской кенотаф) и сопровождающего инвентаря свидетельствуют о высоком социальном статусе захороненного, вероятно, местного предводителя. Анализ планиграфии могильника в целом и места данного захоронения среди остальных погребений представляет особый интерес для изучения социальной стратификации.

Типологический (тип H по классификации Я. Петерсена), сравнительно-исторический и металлографический анализы меча позволили выявить технологию изготовления, возможные пути и время его проникновения. Для Ветлужско-Вятского междуречья меч является, безусловно, импортной продукцией. Для установления направления поступления импорта использован совокупный анализ инвентаря из погребения 15 Нижняя Стрелка, позволяющий предположить, что меч и ряд других изделий могли поступать из Северной Руси.

Ключевые слова: меч, погребальный инвентарь, древнемарийская культура, датировки

T.B. Nikitina¹, Yu.A. Semikin², A.V. Akilbaev¹

BURIAL WITH A SWORD AT THE BURIAL GROUND NIZHNAYA STRELKA

¹Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasiliev, Yoshkar-Ola, Russian Federation

²Institute of History and Culture of the Region of the Lenin Memorial State Institution, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russian Federation

Abstract. The article provides a full publication of burial 15 of the Nizhnyaya strelka burial ground, containing a sword. This find is the only one on the monuments of the Vetluga-Vyatka interfluvium of the Middle Ages and is introduced into scientific circulation for the first time.

Based on the artifact complex and numerous analogies in neighboring territories, the burial is dated within the 11th century. Features of the burial rite (male cenotaph) and accompanying inventory indicate a high social status of the buried, probably a local leader. Analysis of the burial ground scheme as a whole and the location of this burial among other burials is of particular interest for the study of social stratification.

Typological (type H according to the classification of J. Petersen), comparative-historical and metallographic analyses of the sword made it possible to identify the manufacturing technology, possible routes and time of its arrival. For the Vетluga-Vyatka interfluvium, the sword is undoubt-

edly an imported product. To establish the direction of import, a comprehensive analysis of the inventory from burial 15 of the Nizhnyaya strelka was used, which suggests that the sword and a number of other items could have come from Northern Ancient Russia.

Keywords: sword, burial goods, ancient Mari culture, dating

В многогранном и широком (как в хронологическом, так и в территориальном охвате) научном творчестве В.А. Иванова изучение вооружения и военного дела является одним из постоянных направлений научного поиска. Предметы вооружения различных категорий использованы им при характеристике материальной культуры народов Приуралья в обобщающих монографиях и при публикации отдельных памятников. Ряд работ посвящен конкретно этой тематике [Иванов, 1984; 1987; 2020]. Все работы отличаются оригинальностью в постановке проблемы и глубокой проработанностью массового материала с использованием статистического анализа. Мы предлагаем вниманию уникальный для Ветлужско-Вятского междуречья предмет, известный пока в единственном экземпляре. Надеемся, что эта находка заинтересует юбиляра и, возможно, будет использована в его исследованиях.

Введение

Могильник Нижняя Стрелка расположен на дюне в пойме левого берега р. Волги в Юринском районе Республики Марий Эл. Памятник был открыт В.В. Никитиным в 1987 г., раскопки проводились Третьим отрядом Марийской археологической экспедиции (МарАЭ) под руководством Т.Б. Никитиной в 1987, 1988, 2005 гг. Материалы памятника неоднократно публиковались в контексте рассмотрения различных вопросов [Никитина, 1990; 2021]. Могильник Нижняя Стрелка является единственным памятником марийской культуры эпохи Средневековья, раскопанным полностью, что делает его ценным источником для изучения планиграфии и вопросов социальной стратификации. С этих позиций материалы могильника не анализировались. В данном контексте значительный интерес представляет погребение 15, содержащее меч.

Источник

Контуры данного захоронения выявлены на глубине 30 см от уровня современной дневной поверхности и имели подпрямоугольную форму размерами 265 × 65 см, вытянутую по линии СЗ – ЮВ (рис. 3). Могильное заполнение продолжалось до глубины 70 см и содержало включение углей. В засыпи найден железный предмет, вероятно, навершие меча. Следов костяка не обнаружено, вероятно, захоронение относится к типу кенотафов.

На дне могильной ямы ближе к центральной оси в северо-западной части могилы найдено скопление железных предметов, связанных с вооружением. На глубине 65 см выявлен меч (№ 14), под ним вдоль лежал железный кинжал (№ 15) с рукояткой, покрытой серебряной фольгой (рис. 4/11). Кинжал был помещен в деревянные ножны, также украшенные пластинками из серебряной фольги, имеющие бронзовую пряжку из круглой проволоки для крепления к ремню (рис. 4/14). Под мечом рядом с кинжалом находились 4 железных наконечника стрел (рис. 4/1–4).

Над предметами вооружения на глубине 60 см на деревянной подстилке, закрытой берестой, располагались вещи в соответствии с расположением при ингумации. Однако следов костяка, как уже было отмечено, не обнаружено. В северо-западной стороне располагались 2 бронзовых височных кольца (№ 2) (рис. 6/8), между ними – бляха из цветного металла, привешенная на основу из двух кожаных ремешков с нанизанными пронизками (№ 3) (рис. 5/9). В области, соответствующей расположению рук, обнаружены 2 группы украшений, каждая из которых состояла из 3 браслетов и одного перстня (№ 5, 5а) (рис. 6/1–5). Практически по центру могилы лежали фрагменты кожаного ремня с бронзовыми накладками, кольцом, наконечником и пряжкой (№ 6) (рис. 5/1–5), а в удалении – фрагменты железной круглой бляхи (№ 8) (рис. 5/10), фрагменты оловянных или свинцовых дисков, которые рассыпались, и 3 дирхема (№ 10).

Кроме украшений на этом же уровне было обнаружено несколько железных вещей. По центральной оси, ближе к острию меча – скопление железных предметов: проушный *топор* (№ 4) (рис. 4/15) и 7 железных *наконечников стрел* (№ 4а) (рис. 4/5–10). У северо-западной короткой стенки могилы обнаружен фрагмент *скобеля* (№ 1). В ногах стоял железный клепанный *котел*, повернутый кверху дном (№ 11) (рис. 6/9). В северном углу дополнительно расчищены два *браслета* (№ 12) (рис. 6/6–7) и бронзовая *подвеска* (№ 13) (рис. 5/11).

Судя по набору украшений и предметов вооружения, данное погребение было связано с мужчиной. Расположение украшений соответствует их месту в костюме при жизни. Два браслета и подвеска в изголовье могли быть дарами.

Расположение меча рукоятью в северо-западную сторону рядом с украшениями головы, шеи и груди позволяет высказать предположение о ношении его на перевязи через плечо. О таком способе ношения упоминает А.Н. Кирпичников [Кирпичников, 1966, с. 24].

Датировка погребения 15

Предварительная датировка захоронения была определена в пределах второй половины XI в. [Никитина, 2012, с. 68] преимущественно по вещевому инвентарю.

В погребении найдено 3 пластинчатых браслета с расширяющимися концами с прочерченным узором. Пластинчатые разомкнутые узкие браслеты с расширяющимися концами получили распространение в XI–XII вв. в Ярославском Поволжье [Левашева, 1967, с. 237], на северо-русских территориях зафиксированы в Мининском археологическом комплексе во второй половине – третьей четверти XI в. [Археология севернорусской деревни …, 2008, рис. 105/16, с. 118] и в погребении 20 Нефедьевского могильника, которое датируется первой половиной XI в. [Макаров, 1997, с. 125, табл. 130: 10], во Владимирских курганах [Спицын, 1905, с. 153, рис. 333].

Этой же дате соответствуют витые из двух проволок с завязанными на две стороны концами браслеты, которые имеют аналогии на памятниках X–XII вв.: в Южном Приладожье, на Белоозере, в ярославских курганах, Нефедьевском и Минино II могильниках Северной Руси [Макаров, 1997, с. 120, 125, 126; Горюнова, 1961, рис. 84/4].

Плетеный из нескольких проволок браслет с завязанными концами обнаружен также в п. 23 могильника Нижняя Стрелка, датированном XI в. Аналогии встречены у мещеры в XI–XII вв. в Пустошинском могильнике [Монгайт, 1961, с. 119].

Накладки, наконечники, поясные кольца позволяют отнести ремень к группе 6, которые имеют одинаковую, сложную структуру и состоят из нескольких кожаных ремешков, соединенных кольцами; имеют дополнительные ремешки-привески. Их объединяет серия накладок: выпуклые мелкие диаметром до 1 см, кольцевидные диаметром более 1,5 см, массивные с каплевидными выступами и окантовкой в виде зерни по краям и растительным орнаментом, зооморфные малые на боковых ремешках, а также поясные кольца. По совокупности деталей поясного набора, аналогичные пояса из погребений 4, 11а, 16, 40 этого же могильника, а также п. 6 Черемисского кладбища и п. 5 Юмского могильника датированы XI в. [Никитина, 2023, с. 68].

Комплекс содержал несколько предметов вооружения.

Топор относится к проушным с двумя парами округлых щековиц и выступающим книзу лезвием в виде лопасти. Сохранился фрагмент деревянного топорища. Топор характерен для Среднего Поволжья и степных районов Восточной Европы X–XIII вв. [Измайлова, 1997, с. 83–87]. Достаточно много их в материалах синхронных могильников Ветлужско-Вятского междуречья, где встречаются до конца XI в. Аналогии есть на Северном Кавказе, в Венгрии и широко представлены в Волжской Булгарии [Измайлова, 1993, с. 98, рис. 7: 4; Культура Биляра, 1985, с. 41, табл. XIV: 1–3], имеются и в Верхнем Прикамье [Данич, 2015, с. 79].

Кинжал – крайне редкое для древностей IX–XI вв. оружие. Общая длина кинжала с рукоятью и ножнами около 40 см. На западных территориях ранние изделия встречены в слоях Новгорода X в. и Белоозера XI в. [Медведев, 1959, с. 125, рис. 4: 14; Голубева, 1973, с. 129, рис. 12: 6]. К XI в. появление такого оружия у булгар относит И.Л. Измайлова [Измайлова, 1997, с. 56]. Однако эти изделия имеют существенные отличия от кинжала из погребения 15.

Рукоятки кинжалов, оформленные серебряной пластиной, аналогичные рассматривающему оружию, представлены в Пермском Предуралье, к примеру, в погребении 374 Баяновского могильника [Подосёнова, Крыласова, Данич, 2022, с. 75].

В погребении найдено 11 наконечников стрел: 4 – под мечом и 7 – в области условной груди, рядом с топором. Компактное расположение стрел во втором случае может свидетельствовать о наличии несохранившегося колчана. Все стрелы очень плохой сохранности, треугольной или вытянуто-треугольной формы. Две из них, вероятно, втульчатые. Втульчатые наконечники стрел встречаются с VIII вплоть до XIV в. Причем А.Ф. Медведев отмечает широкое их бытование в Прикамье, но встречаются они и в финно-угорских древностях Поволжья (по XI в.), реже – на Руси [Медведев, 1966, с. 55–57].

В захоронении также найдены 3 куфических дирхема. Они не определены, но, учитывая наличие отверстий, что говорит об использовании в качестве подвесок, могут бытовать длительный период и существенно не влияют на уточнение датировки.

Обсуждение

Погребение 15 располагается в наиболее высокой части могильника, расположенной на северной оконечности дюны, в соседстве с погребениями 15, 19, 25, 16, 10, 17, образующими компактную группу (рис. 1, 2).

Группа представляет интерес с точки зрения формирования могильника. Погребение 25, расположенное в центре этой группы, является наиболее ранним, и по совокупности вещевого инвентаря может быть датировано рубежом IX–X вв. [Никитина, 2012, с. 66]. Погребение представляет собой символическое захоронение-кенотаф с ярко выраженным женским комплексом вещей, среди которых преобладают изделия местного типа: арочные нагрудные украшения со щитком, украшенным накладной пластиной с чеканным орнаментом, очковидные подвески обуви, подвески-уточки. Остальные захоронения этой группы (10, 15, 19, 17) относятся к XI в.

На небольшом удалении в северо-западном направлении, но в пределах этого же выраженного возвышения, располагаются более ранние погребения могильника: п. 1, 2, 7, жертвенный комплекс 13, с западной стороны рядом с погребениями этой группы, но на небольшом склоне, зафиксировано также раннее погребение 6. Ранний пласт связан с X в. По всей видимости, могильник Нижняя Стрелка начинался с северной, наиболее высокой, части дюны.

Безусловно, что все пространство кладбища имело сакральное значение, но к той части, с которой начинался могильник, вероятно, существовало особое отношение. Во всяком случае, в отдельных районах, заселенных марийцами, по марийским традиционным верованиям, считается, что первый погребенный на новом кладбище возвышается до уровня Киямат Тора (судьи загробного мира) [Филимонов, 1869, с. 433; Тойдыбекова, 2007, с. 112], поэтому место особо почитается, хотя имя захороненного уже забыто.

Именно здесь, на этом возвышении, обнаружено наибольшее количество (5 из 8) отдельных сосудов, которые располагались между могилами и, вероятно, были связаны с поминальными жертвоприношениями. Сосуды повернуты кверху дном, символизируя дорогу в потусторонний мир. Среди сосудов выделяется чаша из цветного металла с изображением птицы.

С южной стороны около погребений этой группы с глубины -60 см выявлены окружные очертания диаметром 35 см, заполнение заглублено на 20 см. Вероятно, это остатки специально установленного столба для выполнения ритуальных действий.

В этой части могильного пространства располагалось большинство могил-кенотафов, символизирующих подобие захоронения людей, тело которых по каким-то причинам нельзя было доставить на кладбище. Из 9 захоронений-кенотафов могильника Нижняя стрелка все, за исключением погребения 23, располагались на северной окраине могильника. В интересующей нас группе из 6 погребений 4 являются символическими захоронениями. Вероятно, к таким захоронениям относится и погребение 16, в котором было обнаружено небольшое количество жженых костей, по определению сотрудника Института этнологии АН СССР Г.В. Рыкушиной, женских. Набор инвентаря в погребении в большей степени связан с муж-

ской субкультурой, но следов мужского костяка не выявлено. Сложное захоронение мужчины в сопровождении остатков женского захоронения (кости) в ногах или изголовье выявлены на этом же могильнике неподалеку от этой группы захоронений (пп. 2–2а; 11–11а).

Несмотря на то обстоятельство, что все захоронения, входящие в выделенную группу, имеют значительный хронологический разрыв, составляющий более 100 лет, контуры могильных ям не нарушают друг друга. Могилы XI в. располагаются параллельно самому раннему погребению 25 с обеих сторон от него. Это возможно только в том случае, если ранняя могила была отмечена на поверхности символическими знаками: насыпь, оградка или иные знаки отличия. К сожалению, такие конструкции не удалось зафиксировать, возможно, по той причине, что песчаная дюна в пойме Волги передувалась, разрушалась при корчевке леса (последняя такая корчевка с использованием техники происходила при подготовке зоны Чебоксарского водохранилища).

Учитывая признаки, указывающие на особое отношение к этой части могильного пространства, можно сделать заключение, что в более позднее время, через 100 лет, здесь могли быть захоронены соплеменники, имеющие особый статус. Поэтому захоронение с мечом не случайно совершено в этой части могильника. Инвентарь погребения 15 и окружающих его захоронений подтверждает особый, высокий статус владельцев.

В группу захоронения с мечом входило также символическое захоронение 10 с копьем, а также захоронение 19 с вооружением, женскими и мужскими украшениями, наборными поясами (от двух разных поясов), большим количеством мехов и свернутых в рулон тканей. Этот объект по составу инвентаря в большей степени похож на жертвенный комплекс, но по форме, размерам и ориентировке приближается к захоронениям, поэтому был назван кенотафом.

Учитывая, что клиновое оружие, и мечи, в частности, в X–XI вв. в марийских погребениях являются большой редкостью (кроме меча с Нижней Стрелки имеется наконечник от ножен меча из сборов на могильнике Кузинские хутора), можно сделать заключение, что погребение 15 является захоронением местного предводителя.

Меч из погребения 15 Нижней Стрелки – единственная находка такого статуса в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья, поэтому рассмотрен дополнительно.

Описание меча сделано по заметкам в полевых условиях с использованием полевой фотографии 80-х гг. Общая длина изделия 81,5–82 см: длина клинка – 70 см, ширина у перекрестья – 6–6,2 см, ширина лезвия в 3 см от оконечности – 3 см, высота рукояти 8,5–9 см, ширина перекрестья – 11–12 см, ширина навершия – 6,8 см, высота навершия – 2,5 см. Меч имеет прямой обоюдоострый клинок, прямое перекрестье и треугольную в фас и в профиль форму навершия рукояти без ребра. Украшений или надписи не зафиксировано. Следов ножен также не зафиксировано, однако они могли не сохраниться. По форме перекрестья и рукояти соответствует типу Н по классификации Я. Петерсена и дополненной А.Н. Кирпичниковым [Petersen, 1919, с. 89–105].

Металлографический анализ образцов металла меча выполнен в археологической лаборатории Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова по методике, разработанной Б.А. Колчиным [Колchin, 1953, с. 11–15].

Для металлографического анализа с двух частей лезвия меча были взяты образцы попечных срезов шлифов (рис. 8, анализы 7030 и 7031). Один образец металла был взят с нижней пластины навершия (рис. 8, анализ 7032). Анализы выполнялись на металлографическом микроскопе МИМ-7. Микротвердость образцов замерялась на микротвердомере ПМТ-3. Травление микрошлифов выполнялось 3 и 5 % раствором азотной кислоты в этиловом спирте. Изучение шлифов в нетравленом и травленом состоянии выполнялось на бинокулярном микроскопе МБС-3 при увеличении до 50 крат. На металлографическом микроскопе микроструктуры шлифов рассматривались при увеличении от 50 до 100 и 200 крат. К сожалению, глубокая коррозированность лезвия меча не позволила выявить признаки дамаскирования лезвия, тем более – заметить следы нанесения надписей на лезвии.

В результате металлографическими анализами была установлена технология изготовления меча. Стало очевидным, что его лезвие было изготовлено в технологии вварки стальной высокоуглеродистой лезви в основу, откованную из неравномерно науглероженной сырцовой стали (рис. 7, анализы 7030, 7031). Для основы лезвия меча была использована полоса мягкой неравномерно науглероженной сырцовой стали, приготовленной кузнечной сваркой высокого качества. Об этом свидетельствует светлый чистый сварочный шов. Микротвердость ферритовой микроструктуры основы лезвия меча составляет 129–143–159 кг/мм². Встречаются участки микроструктуры феррито-перлита с микротвердостью 201–229 кг/мм², а также локальные участки микроструктуры сорбита с микротвердостью 305–324 кг/мм².

На рабочих краях лезвия меча присутствуют участки стальных высокоуглеродистых зон с микроструктурой сорбита и сорбито-троостита с микротвердостью 358 кг/мм². Микроструктуры сорбито-троостита и троостита отделены от основного тела шлифа (и лезвия меча) сварочными швами очень высокого качества. Форма стальных зон позволяет реконструировать технологическую схему вварки стальной высокоуглеродистой лезви в основу из мягкой неравномерно науглероженной стали. Качество выполнения кузнечной сварки – высокое. Лезвие меча подверглось термообработке – мягкой закалке, в результате чего образовались сорбитовая и сорбито-трооститовая структуры с микротвердостью 305–324 кг/мм. Такая технологическая схема позволила получить достаточно твердое лезвие меча, способное держать остроту, и сохраняющее одновременно вязкость, предохраняющую меч от поломки во время рубящих ударов.

Группа археологов-оружиеведов на основании исследования значительного количества металлографических анализов каролингских мечей с территории Центральной и Западной Европы, авторы классификации технологических схем изготовления раннесредневековых мечей Европы, подобную технологическую схему отнесли к типу V [Hošek, Košta, Žákovský, 2021, с. 17–19, рис. 8–9].

Навершие меча также было изготовлено из неравномерно науглероженной сырцовой стали, выполненной кузнечной сваркой высокого качества. На шлифе (рис. 8, анализ 7032) наблюдаются светлые сварочные швы. Микротвердость ферритовой микроструктуры составляет 129–143 кг/мм². Но на шлифе присутствуют также участки феррито-перлита с микротвердостью 229 кг/мм² и сорбитовой микроструктуры с микротвердостью 305 кг/мм². Это свидетельствует о проведении операции мягкой закалки.

Необходимо сказать, что на навершии меча присутствуют круглые сквозные отверстия, свидетельствующие о монтаже рукояти меча способом клепки. Такой способ монтажа рукояти каролингских мечей был широко распространен в Европе в эпоху Средневековья [Антейн, 1973, рис. 40, рис. 65].

Представляет интерес использование технологической схемы вварки стальной лезви на каролингских мечах. Б.А. Колчин проследил применение такой технологической схемы на мече, обнаруженному на территории Ярославского Поволжья в Михайловском курганном могильнике [Колчин, 1953, рис. 106: 6].

Мечи типа Н, к которым относится рассматриваемое изделие, являются одним из самых распространенных типов. Подобное оружие известно в Скандинавии, Финляндии, на Руси и территории Волжской Булгарии, встречается и в Верхнем Прикамье. Датируются концом IX – началом X в.

По наблюдениям специалистов, в Скандинавии мечи типа Н датированы преимущественно IX в. [Лебедев, 1985, с. 125–126], а на Руси наибольшее их распространение приходится на вторую половину X–XI вв. [Кирпичников, 1966, с. 27]. На соседних с нами территориях находки мечей этого типа единичны. К типу Н относятся только 3 изделия: два из Волжской Болгарии (г. Болгар и с. Алметьево) и один из Прикамья [Измайлова, 1997, с. 37; Данич, 2012, с. 87]. А.М. Белавин рассматривал мечи каролингского типа на Верхней Каме в целом как древнерусский импорт [Белавин, 2000, с. 152, 153, рис. 85: 1].

Еще более редкой находкой являются каролингские мечи к востоку от Уральских гор. Три находки (мечи у с. Бородиновка Варненского района Челябинской области, меч с Ту-

манского поселения в Северо-Западной Сибири) изучены с использованием металлографического анализа А.А. Зыковым [Зыков, 2011, с. 131–140]. Эти мечи, относящиеся к иным типам, были изготовлены с применением других технологий.

Результаты металлографических анализов образцов металла, происходящих с меча из погребения 15 могильника Нижняя Стрелка, свидетельствуют о том, что меч был откован высокопрофессиональным кузнецом с применением кузнечной технологии, характерной как для древнерусского, так и западноевропейского железообрабатывающего ремесла и является, безусловно, импортной продукцией.

Для установления направления поступления импорта нужно использовать совокупный анализ инвентаря из погребения 15. Многочисленные браслеты, рассмотренные при датировке, имеют аналогии в материалах Ярославского Поволжья, Северной Руси и Южного Приладожья XI–XII вв. Железный клепаный котел с круглым дном имеет аналогии в Приладожье, в курганах веси [Брандербург, 1895, табл. X/4, 6; Кочкуркина, Линевский, 1985, с. 100, 110; Кочкуркина, 2011, рис. 13а, с. 88; рис. 17/7]. Появление вещей древнерусского облика в захоронениях XI в. Ветлужско-Вятского междуречья авторами данной статьи уже отмечались [Никитина, 2010; Никитина, Акилбаев, 2014, с. 70].

Закрытый комплекс – погребение 15 Нижней Стрелки с подтвержденной датой XI в. соответствует выводу А.Н. Кирпичникова об использовании мечей такого типа на Руси в XI в. включительно.

Библиографический список

1. Антейн А.К. Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря. – Рига : Зинатне, 1973. – 139 с.
2. Археология северорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. – М. : Наука, 2008. – 365 с.
3. Белавин А.М. Камский торговый путь: Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь : ПГПУ, 2000. – 195 с.
4. Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья. – СПб. : [Б. и.], 1895. – 156 с. – (МАР; № 18).
5. Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. – М. : Наука, 1973. – 216 с.
6. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 268 с. – (МИА; № 94).
7. Данич А.В. Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2015. – Вып. X. – С. 71–124.
8. Данич А.В. Клинковое оружие Пермского Предуралья // Поволжская археология. – 2012. – № 2. – С. 86–106.
9. Зыков А.А. Найдки европейских средневековых мечей восточнее Уральских гор // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 1 (30). – С. 131–140.
10. Иванов В.А. Археология комплексов вооружения кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды) // Археология Евразийских степей. – 2020. – № 6. – С. 253–278.
11. Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.). – М. : Наука, 1984. – 88 с.
12. Иванов В.А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии : сб. ст. / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии ; отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1987. – С. 172–189.
13. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань ; Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 1997. – 212 с.
14. Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя Волжских Булгар X–XIII вв. (копья и боевые топоры) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань : ИЯЛИ, 1993. – С. 77–106.

15. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1 // САИ. Вып. Е1-36. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 176 с.
16. Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (Домонгольский период). – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – 259 с. – (МИА; № 32).
17. Кочкуркина С.И. История и культура народов Карелии и их соседей (Средние века). – Петрозаводск : Планета музыки, 2011. – 240 с.
18. Кочкуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси. – Петрозаводск : Карелия, 1985. – 223 с.
19. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / отв. ред. А.Х. Халиков. – М. : Наука, 1985. – 216 с.
20. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 286 с.
21. Левашева В.П. Braslety // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. – М. : Советская Россия, 1967. – С. 207–252.
22. Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. – М. : Скрипторий, 1997. – 386 с.
23. Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – С. 121–191. – (МИА; № 65).
24. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // Археология СССР. САИ СССР / под общ. ред. акад. Б.А.Рыбакова. Вып. Е1-36. – М. : Наука, 1966. – 182 с.
25. Монгайт А.Л. Рязанская земля. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 400 с.
26. Никитина Т.Б. Древнерусские вещи в мариийских могильниках IX–XI вв. // Русь и Восток в IX–XVI вв.: Новые археологические исследования. – М. : Наука, 2010. – С. 36–43.
27. Никитина Т.Б. Инвентарь могильника «Нижняя Стрелка» // Археология и этнография Мариийского края. Вып. 17. Древности Поветлужья. – Йошкар-Ола, 1990. – С. 81–118.
28. Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Вып. 14. – Казань, 2012. – 408 с. – (Сер. «Археология евразийских степей»).
29. Никитина Т.Б. Поясной набор из погребения 6 могильника Нижняя Стрелка в системе культурных связей населения Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. – 2021. – № 3. – С. 186–191.
30. Никитина Т.Б. Поясные наборы населения Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. – Будапешт : МарНИИЯЛИ, Magyar Ostorteneti Kutatocsoport Kiadvanyok, A PPKE BTK Regeszettudomanyi Intezetenek kiadvanyai, 2023. – 228 с.
31. Никитина Т.Б., Акилбаев А.В. Древнерусские вещи в материалах Русенихинского могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2014. – Вып. IX. – С. 65–74.
32. Подосёнова Ю.А., Крыласова Н.Б., Данич А.В. Деревянные ножны с металлическими обкладками в средневековом Пермском Предуралье // Поволжская археология. – 2022. – № 2 (40). – С. 72–88.
33. Спицын А.А. Владимирские курганы // ИАК. – 1905. – Вып. 15. – С. 84–172.
34. Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология. – Йошкар-Ола : Мар. бум. компания, 2007. – 309 с.
35. Филимонов А. О религии некрещеных черемис и вотяков Вятской губернии // Вятские епархиальные ведомости. № 21. – Вятка : [Б. и.], 1869. – С. 431–442.
36. Hošek J., Košta J., Žákovský P. Ninth to mid-sixteen century swords from the Czech Republic in their European context. Part II. – Prague ; Brno : Helvetica and Tempora, 2021. – 512 p.
37. Petersen J. De Norske Vikingsverd: En Typologisk-Kronologisk Studie Over Vikingetidens Vaaben. Kristiania: I Kommission Hos Jacob Dybwad. – 1919. – 228 p.

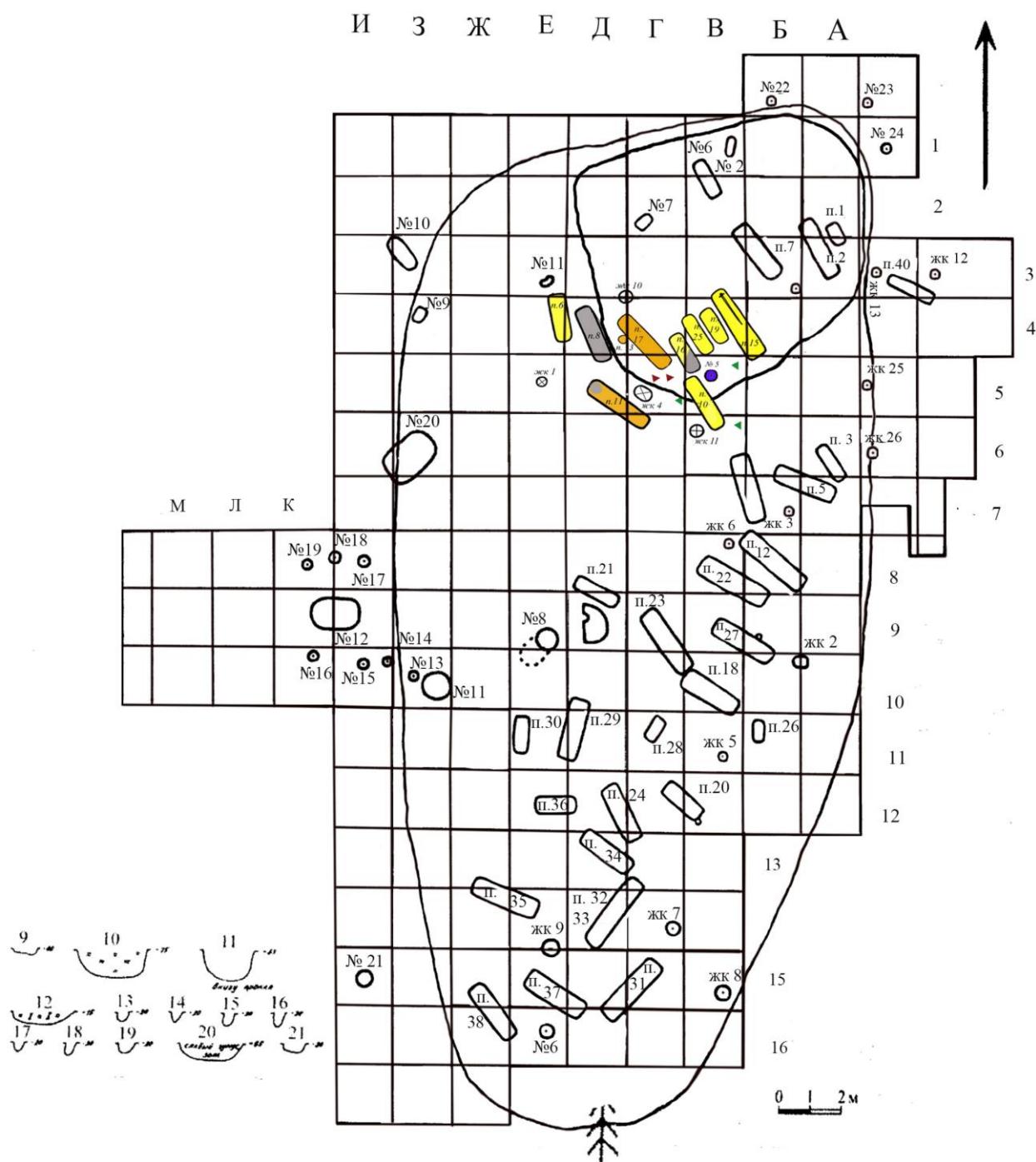

Рис. 1. План могильника Нижняя Стрелка

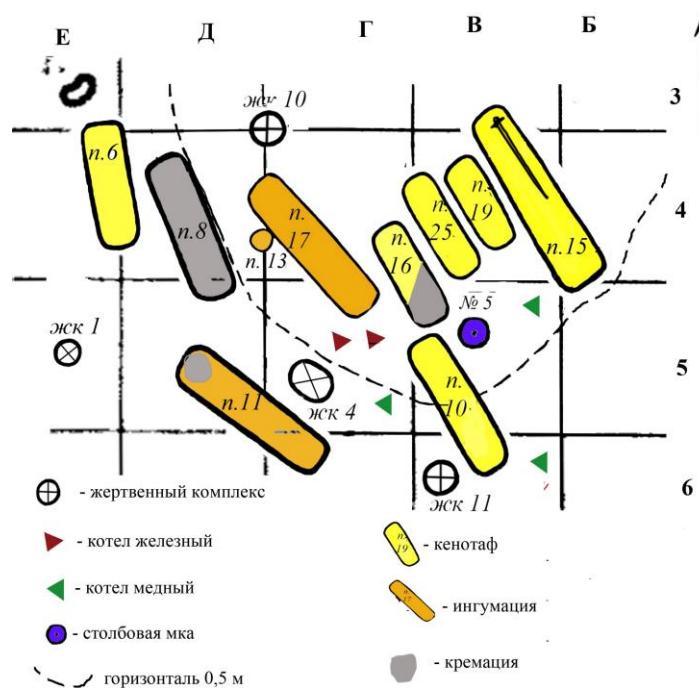

Рис. 2. Погребения и жертвенные комплексы, расположенные рядом с погребением 15

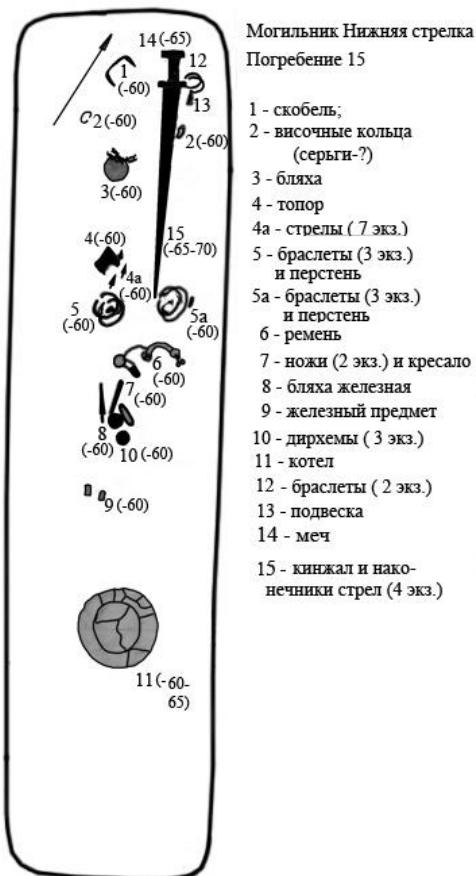

Рис. 3. План погребения 15

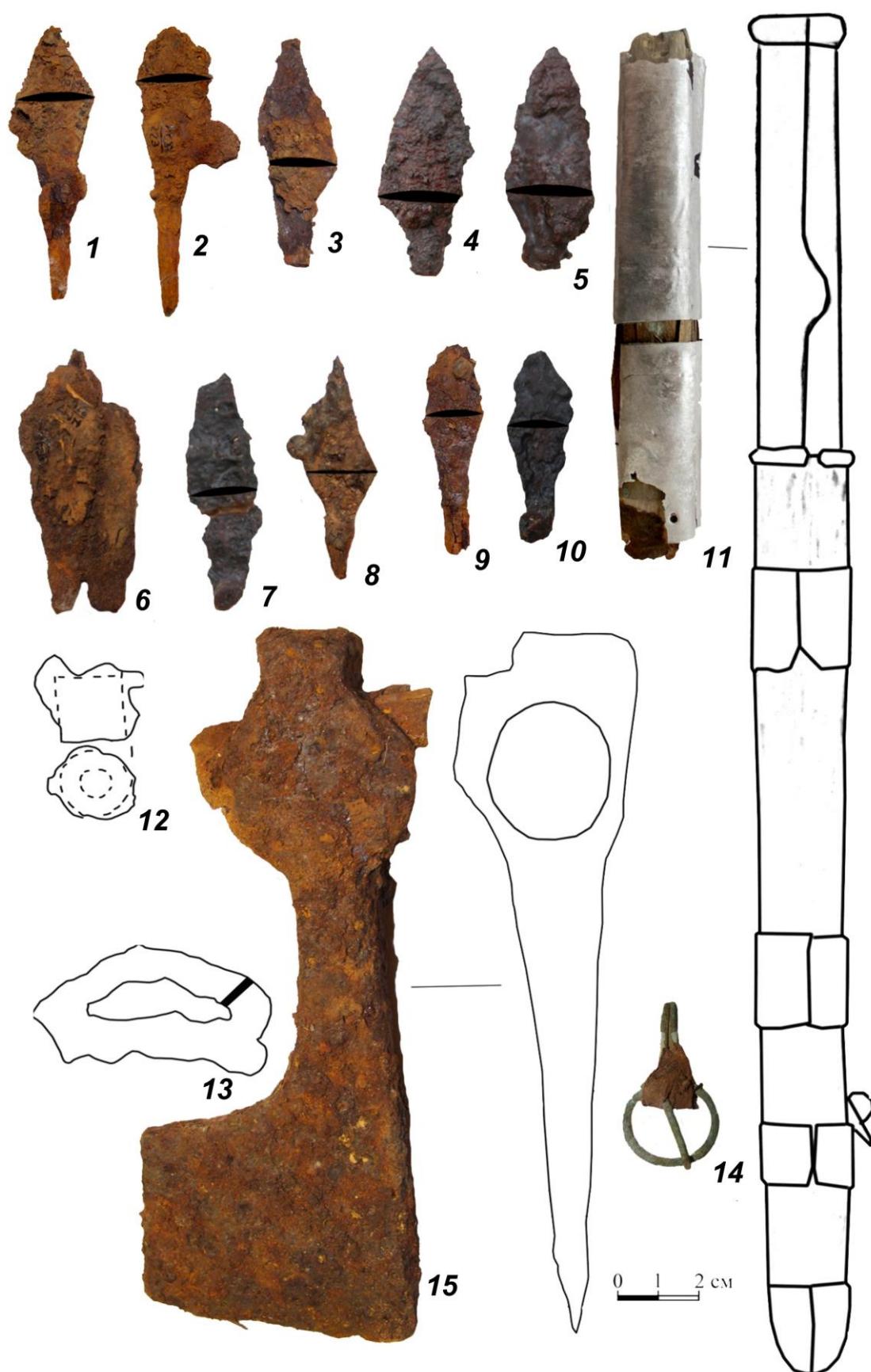

Рис. 4. Материал погребения 15: 1–10, 12, 13, 15 – железо; 11 – железо, цветной металл, дерево; 14 – цветной металл

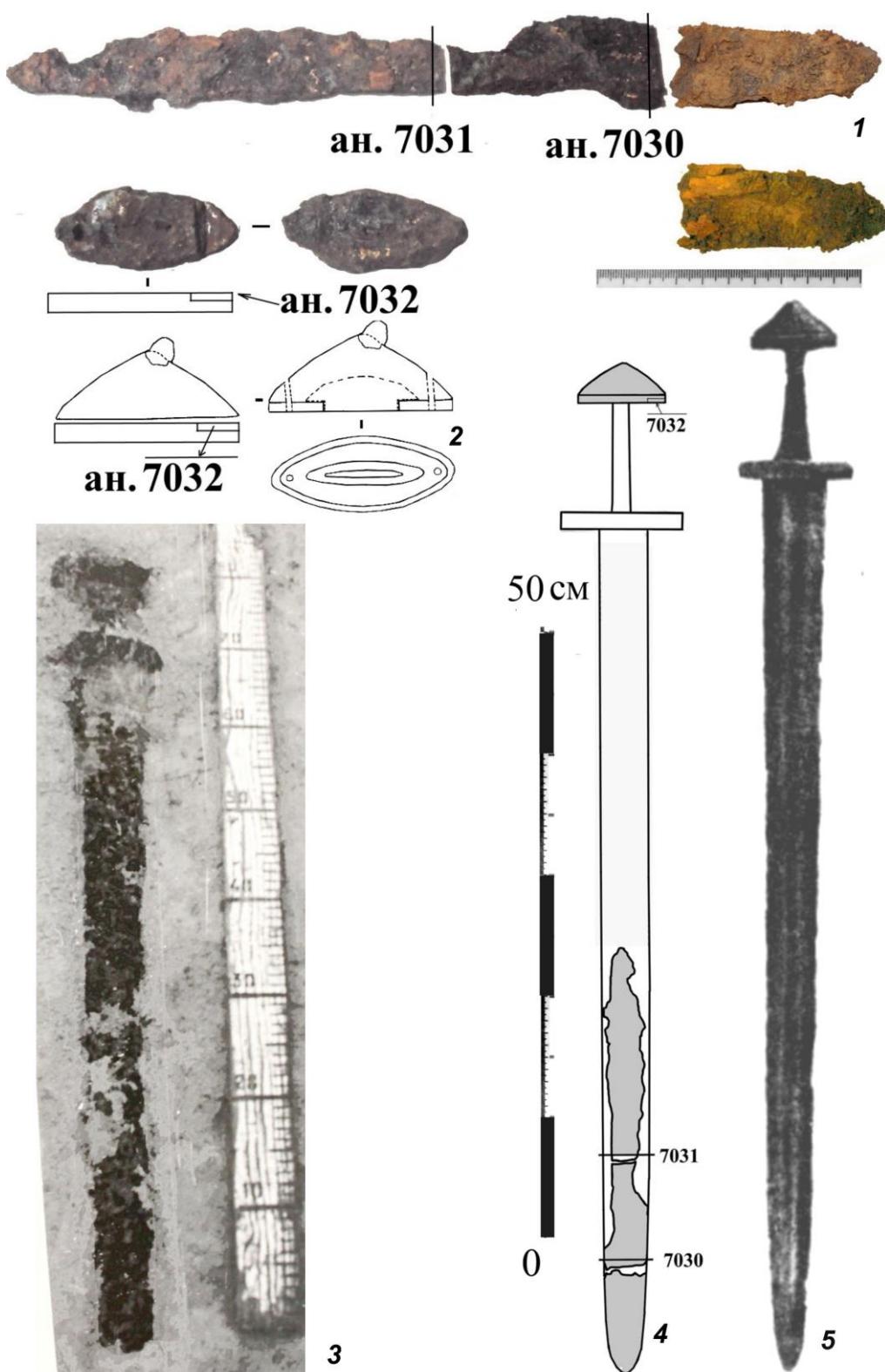
Рис. 5. Материал погребения 15: 1–9; 10 – железо; 11 – цветной металл

Рис. 6. Материал погребения 15: 1–7 – цветной металл; 8 – железо

Рис. 7. Рисунки микрошлифов меча (анализы 7030 и 7031, а также нижней пластины навершия меча (анализ 7032)

*Рис. 8. 1 – фотография лезвия меча из погребения 15 могильника Нижняя Стрелка;
2 – фотография и рисунок навершия рукояти меча из погребения 15 могильника
Нижняя Стрелка; 3 – фотография меча при расчистке погребения 15 могильника
Нижняя Стрелка; 4 – остатки меча из погребения 15 могильника Нижняя Стрелка;
5 – фото меча с территории Волжской Булгарии из Альметьево
[Кирпичников, 1966, табл. XIX: 1]*

УДК 902/069

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-27-140-153

А. Тюрк^{1,2}, Э. Полоньи^{1,2}, И. Ким^{1,2}, П. Овари^{1,2}
ДИСКИ-НАКОСНИКИ (Х в.) У ДРЕВНИХ ВЕНГРОВ
В КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ И ИХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ АНАЛОГИИ В ПРИУРАЛЬЕ*

¹Католический университет им. Петера Пазманя, Венгрия

²Институт археологических наук И-1088, Будапешт, Венгрия

Аннотация. Диски-накосники – это, пожалуй, самый характерный и красивый вид находок из женских погребений эпохи венгерского завоевания. Согласно данным погребений Карпатского бассейна IX–X вв., пластинчатые накосники являются исключительно местными изделиями, несущими в себе стилистические черты типичного декоративного искусства, развившегося в Карпатском бассейне после завоевания. Однако заплетание волос в косы – явление восточного происхождения у венгров-завоевателей. В Уральском регионе, хотя формально в основном с другой орнаментацией, известны наиболее богатые и близкие параллели раннесредневекового времени. На памятниках, расположенных к востоку от Карпатского бассейна, характерные подвески, которыми украшались косы, первоначально выполняли ту же функцию. В то время как в других раннесредневековых женских костюмах Восточной Европы украшения встречаются не в волосах, а преимущественно на шее и поясе. Поэтому считается, что обычай заплетать волосы в косы был завезен с Урала и изначально был чем-то большим, чем просто модный элемент. Владимир Александрович Иванов, выдающийся специалист по женскому костюму двух регионов, является автором новейших исследований на эту тему, и мы рады приветствовать его по случаю его дня рождения.

Ключевые слова: средневековая археология, венгры-завоеватели, Карпатский бассейн, накосники, женский костюм, украшения

A. Türk^{1,2}, E. Polónyi^{1,2}, I. Kim^{1,2}, P. Óvári^{1,2}
THE HAIR BRAIDING DISCS OF ANCIENT HUNGARIANS
IN THE CARPATHIAN BASIN (10th c. AD) AND THEIR EARLY
MEDIEVAL EASTERN EUROPEAN ANALOGUES IN THE URALS REGION

¹Pázmány Péter Catholic University, Hungary

²Institute of Archaeological Sciences H-1088, Budapest, Hungary

Abstract. The hair braiding discs are perhaps the most characteristic and beautiful finds of the Hungarian Conquest-era (9–10th c. AD) female graves. According to the evidence of the 10th century Carpathian Basin women's graves, the plate-shaped hair braiding discs are exclusively local products, bearing the stylistic features of the typical decorative art that developed in the Carpathian Basin after the conquest. The decoration of hair braids, however, is a phenomenon of Eastern origin among the conquering Hungarians. In the Ural region, although formally mostly with different ornamentation, the richest and closest parallels are known from the early medieval heritage of the Ural region. From sites east of the Carpathian Basin, the characteristic dangling ornaments used to decorate hair braids originally served the same function. While in other early medieval female costumes of Eastern Europe, the ornaments are not found in the hair, but mainly on the neck

and the belt. It is therefore believed that the custom of braiding hair was brought from the Urals and was originally more than a mere fashion item. Vladimir Aleksandrovich Ivanov, an eminent expert on women's costumes from the two regions, is the subject of the latest research on the subject, and we are happy to welcome him on the occasion of his birthday.

Keywords: medieval archaeology, conquering Hungarians, Carpathian Basin, hair braiding, women's costume, jewellery

Авторы поздравляют Владимира Александровича Иванова с знаменательным юбилеем, и надеются на дальнейшее плодотворное сотрудничество!

Введение

Пластинчатые накосники – один из самых характерных и красивых предметов женского костюма X в. История их изучения тесно связана с историей изучения литых ажурных накосников, но изначально считалось, что эти два типа предметов имеют разное назначение. Первые пластинчатые накосники появились в музейных коллекциях уже в конце XIX в., но только позднее им стали уделять больше внимания в исследованиях. Андраш Йожа (Józsa András) определил их назначение на основании очень схожего облика с накосниками из с. Анарча (Anarcs, HU) [Csallány, 1958, р. 151–153]. В ранних исследованиях было выдвинуто несколько гипотез о назначении дисков, которые повлияли на интерпретацию более поздних находок (украшения, нашитые на женскую одежду [Hampel, 1907, р. 67], детали конской упряжи или нагрудных ремней [Kada, 1912, р. 323]. Накосники были подробно изучены Дежё Чаллань (Csallány Dezső), Нандором Феттихом (Fettich Nándor), Иштваном Диенешем (Dienes István), Иштваном Фодором (Fodor István) и другими, и в ходе исследований прошлого века было разработано несколько теорий реконструкции костюма.

Наблюдение Ласло Ревеса (Rény László) в погребении 47 могильника Карош-II (Karos-II, Венгрия) имело революционное значение для изучения этого типа предметов, а реконструированные им подвесные ремни до сих пор являются отправной точкой для интерпретации особенностей ношения накосников (рис. 1) [Rény, 1996, р. 82–86; Révész, 1999, р. 128]. После этого было сделано несколько реконструкций костюма (рис. 2) [Ibrány-Esbó-halom погребение 197/a: Szinyéri, 1993, р. 395; Szentes-Derekegyházi-dűlő погребение 5; Langó-Türk, 2003, р. 8], а совсем недавно Анико Тот подробно рассмотрела отдельные группы и датировку этого типа предметов [Tóth, 2014, р. 191–200]. Подробный обзор пластинчатого накосника с памятника Андреевская Щель, который является единственным известным восточным аналогом изделий из Карпатского бассейна, подготовили Габриэлла М. Лежак и Эрвин Галл [Lezsák, Novichikhin, Gáll, 2018, р. 143–168]. Однако исследование пластинчатых накосников далеко от завершения, новые находки в Карпатском бассейне и восточные параллели постоянно расширяют наши знания.

Восточные параллели в представлениях о пластинчатых накосниках

Находки с памятников, связанных с ранними венграми, демонстрируют два типа предметов, использовавшихся для плетения кос, – шумящие подвески и в меньшей степени, диски (рис. 3).

В связи с анализом обеих групп находок первостепенное значение имеют декоративные мотивы, характерные для искусства периода венгерского завоевания, и представления, связанные с ними со стилистико-критической точки зрения. Типичными примерами пластинчатых накосников, известных по находкам X в. в Карпатском бассейне, являются изделия, украшенные так называемыми «растущими фигурами животных». Общей чертой этих изображений является то, что конечности и хвосты фигур мифических животных, отступающие от тела, заканчиваются пальметтами. Есть также несколько изображений животных к востоку от Карпатского бассейна, которые имеют сходство с мотивами этой группы накосников.

Кубок с фигурами мифических животных, хранящийся в коллекции Марджани, вероятно, найден в Уральском регионе. Предмет изготовлен из сплава на основе серебра с позолоченным фоном и датируется исследователями концом IX – началом X в. В качестве парал-

лелей этому изображению А.И. Торгоев привел пару накосников из погр. 47 могильника Ка-рош-II, но мотив на этом диске уже относится к пальметтам периода завоевания родины (рис. 1). Схожие с вышеупомянутыми пластинами изображения животных встречаются и на серебряных чашах раннеболгарского типа, относимых к волжско-болгарским артефактам [Руденко, 2016, с. 347]. Предметы этой группы артефактов датируются X–XI вв., а их декор позволяет предположить, что они были изготовлены мастерами из Западной Сибири или с Урала. К ним относятся чаша, найденная на р. Сылва, и так называемая Рублевская чаша, датируемая несколько более поздним периодом. Вышеупомянутая чаша не похожа на серебряные чаши с изображением Уральского всадника [Fedorova, 2006, с. 185–198; Langó, 2006, р. 85–106; Руденко, 2018, с. 334–347], но исследование однозначно относит ее к сосудам, связанным с предками венгров. Поскольку он ближе к предметам эпохи завоевания родины, исследователи предполагают, что группы, поселившиеся в X в. в Карпатском бассейне, могли поддерживать контакты с так называемыми восточными венграми, жившими на бывшей территории расселения [Руденко, 2016, с. 346–347].

Единственная восточная параллель с точки зрения удобства ношения, основанная на расположении накосников в погребении и достоверно происходящая из закрытого комплекса, была найдена на Южном Урале на Каанаевском могильнике в Башкортостане (Россия). Некоторые исследователи предполагают, что это один из памятников ранней венгерской группы IX в., которая по вещевому материалу связана с археологическими культурами Кушнаренково и Кааякупово. 18 курганов, раскопанных в 1964–1966 гг., были единодушно датированы IX–X вв. [Мажитов, 1981, с. 105–107], накосник был найден в могиле 32 кургана 3, вместе с плохо сохранившимся черепом и фрагментом венчика сосуда кушнаренковского типа [Мажитов, с. 1981, 113, 58, рис. 24; Komar, 2018, с. 184–185]. Нижняя часть диска фрагментарная, с восьмилепестковым узором в центре, перемежающимся с трехлепестковой пальметтой (так называемая «венгерская пальметта» [Подосёнова, 2018]). Диск обрамлен недекорированной полосой с двумя отверстиями вверху и одним внизу, образующими треугольник. Между внутренней частью каанаевского диска, украшенной лепестковым орнаментом, и внешней недекорированной рамкой по разделяющей их линии проходит полоса с так называемым длинностебельным и-образным мотивом [Bollók, 2015, р. 334–335], который встречается на некоторых накосниках Карпатского бассейна, но в целом был широко распространен в этот период [Mesterházy, 1998, р. 143–145]. О. Комар предполагает, что декор обода имеет сходство с таковым у накосников, сделанных из поврежденных сосудов, которые он определил как серебряные чаши группы «уральских венгров» [Komar, 2018, р. 184–185]. Датировка погребения X в. позволяет предположить, что предмет использовался в тот же период, что и находки Карпатского бассейна, и поэтому не может быть интерпретирован как восточный предшественник пластинчатых накосников периода завоевания родины [Мажитов, 1981, с. 108].

Известен также пример пластинчатого накосника в качестве головного украшения из погребения кургана 42 в Лагерево; помимо остатков меха, прикреплявшегося к нижней части головного убора, с оборотной стороны был найден фрагментарно сохранившийся диск из сплава на основе серебра с остатками шелка [Боталов, 2018, с. 55, рис. 8].

Редикорский клад, обнаруженный в 1908 г. при неизвестных обстоятельствах, состоит из инвентаря нескольких женских и как минимум одного мужского погребения из Редикорского могильника, датируемых IX–XI вв. и поступивших в Эрмитаж [Шаблавина, 2016, с. 348–387]. Среди его предметов – две так называемые «арочные подвески», центральная часть которых украшена трехразветвленной пальметтой (рис. 7). Аналогичная конструкция подвесок с более короткими цепочками была найдена попарно в погребении 2 кургана 26 Филипповского могильника (рис. 7) [Шаблавина, 2016, с. 355]. Ю.А. Подосёнова выделила пальметтный рисунок орнамента и заполнение фона круглыми вдавлениями как основные элементы «ранневенгерских» серебряных предметов, поэтому пальметтный декор подвесок из двух указанных памятников можно интерпретировать как их «ранневенгерскую» характеристику [Подосёнова, 2018, с. 122]. Шумящие подвески были типичной деталью женских

причесок, в частности, в неволинской культуре, связанной с ранними венграми (рис. 6). Они также известны на памятниках, связанных со славянами, что свидетельствует о популярности и распространенности данного типа предметов в этот период (рис. 8).

Единственный известный на сегодняшний день прямой аналог накосников из Карпатской котловины происходит с памятника Андреевская Щель на Северном Кавказе, что может быть результатом дальней торговли с Карпатской котловиной или субботцевским горизонтом, определенным как Этелькёз [Lezsák, Novichikhin, Gáll, 2018, p. 158]. Накосник и найденные с ним предметы, характерные для периода завоевания родины, датируются исследователями IX–X вв. (вероятнее X в.), так что как и каранаевский накосник, они могли использоваться одновременно с изделиями Карпатского бассейна [Lezsák, Novichikhin, Gáll, 2018, p. 143–144]. Ближайшими известными параллелями пластинчатого диска-накосника в Венгрии являются накосники из 104-го погребения Кишкеси (Malé Kosihy, Словакия) [Hanuliak, 1994, plate 23] и Ченгеле-Дьярмати-таня (Csengele-Gyarmati tanya) [Strohmayer, Türk, Varga, 2017].

По мнению Иштвана Фодора, обычай носить накосники мог сложиться во второй половине IX в. у венгров, живших к востоку от Карпатского бассейна [Fodor, 2014, p. 165]. Пластинчатые накосники обычно определяются исследованиями как продукция Карпатского бассейна, а основным сырьем их изготовления, согласно логическим умозаключениям, могли быть монеты, полученные в походах после завоевания родины [Dienes, 1969, p. 118–119; Dienes, 1972, p. 66; Révész, 1996, p. 188]. В целом можно сказать, что способ ношения накосников мог быть разработан еще до завоевания родины, но, исходя из современных представлений, этот тип предмета можно считать специфическим для Карпатского бассейна X в. Для реконструкции способа ношения важно рассмотреть способ подвешивания каждой находки, что делит их на две большие группы (накосники с отверстиями по центральной оси или вдоль окружности) (рис. 5).

Технические и композиционные характеристики

Накосники, как и другие чеканные пластинчатые предметы периода завоевания родины, изготавливались преимущественно методом ковки с использованием различных профилирующих штамповочных инструментов и молотков. Для подчеркивания рисунка обычно в меньшей или большей степени использовалось тиснение, а фон золотился, чтобы создать контраст между ним и рисунком, который часто украшался чеканкой по окружности.

По составу металла найденные на сегодняшний день пластинчатые накосники можно разделить на сделанные из следующих материалов: сплавы на основе серебра, сплавы на основе меди и нелегированная медь. Первые две группы накосников разбросаны по всему Карпатскому бассейну, поэтому археологическое наблюдение, указывающее на отсутствие предметов из медных сплавов на юге и в Трансданубии, не относится к накосникам [Csallány, 1970, p. 262; Révész, 1996, p. 103]. До сих пор медный пластинчатый накосник был найден в двух местах, так что в данном случае нельзя делать выводы о географическом распространении [Dormánd-Hanyipuszta погр. 1; Révész, 2008, p. 76–77; Sárbogárd-Tringer tanya погр. 24 – Égy, 1968, p. 128; Petkes, 2018, p. 4–5].

Результаты

Судя по имеющимся на сегодняшний день данным, пластинчатые накосники являются одними из самых красивых элементов женского костюма Карпатского бассейна X в. По технике изготовления и составу материала они хорошо вписываются в вещевой материал этого периода, и могут быть разделены на девять основных групп для классификации. При реконструкции костюма важно различать диски с заклепками или перфорацией по окружности и центральной оси, так как это дает важную информацию о способе крепления к коше. Среди известных на сегодняшний день захоронений очень мало случаев обнаружения накосников, и все они, кроме одного, происходят из нарушенного контекста, так что единичное ношение этого типа предметов не может быть подтверждено как связанное с венгерским завоеванием.

Кроме того, важно отметить, что ношение накосников не связано с определенной возрастной группой, т.е. они были найдены в качестве украшения как 6-летних детей, так и женщин зрелого возраста, поэтому теория о различных прическах у разных возрастных групп, которая, как считается, наблюдается в связи с накосниками, не может быть доказана. Хотя некоторые из артефактов встречаются в находках Карпатского бассейна как X, так и XI в., большинство находок подтверждают дату X в. С точки зрения географического распространения данный тип предметов встречается по всему Карпатскому бассейну, но некоторые из основных подтипов сосредоточены в нескольких более узких областях, судя по известным на данный момент находкам. Целью дальнейших исследований этого типа предметов является составление частотного ряда для выявления возможного хронологического развития, а также постоянная обработка новых отечественных и зарубежных находок, которые могут дополнить и скорректировать существующие представления.

Библиографический список

1. Боталов С.Г. Новые материалы исследований погребального комплекса Уелги (Újabb leletek az ujelgi temetőből) // III Международный мадьярский симпозиум (III Nemzetközi Korai Magyar Történeti és Régészeti Konferencia) / ред./Szerk.: A. Türk, A.C. Зеленков. – Budapest, 2018. – С. 47–62.
2. Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. – Пермь : ПГПУ, 2001. – 220 с. : ил.
3. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М. : Наука, 1981. – 167 с.
4. Подосёнова Ю.А. Древневенгерские изделия из серебра на территории Пермского Предуралья в эпоху Средневековья // III Международный мадьярский симпозиум (III Nemzetközi Korai Magyar Történeti és Régészeti Konferencia) / ред./Szerk. : A.Türk, A.C. Зеленков. – Budapest, 2018. – С. 121–136.
5. Руденко К.А. Великая Венгрия и Леведия: Венгры в Хазарии // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара : кат. выст. (Ibn Fadlan's Journey: Volga Route from Baghdad to Bulghar. Exhibition Catalogue) / ред.: А.И. Торгоев, И.Р. Ахмедов. – М., 2016. – С. 334–347.
6. Руденко К.А. Новые материалы по культуре древних венгров в Приуралье (A korai magyar problematikát érintő újabb leletek az Urál nyugati előteréből) // III Международный мадьярский симпозиум (III. Nemzetközi Korai Magyar Történeti és Régészeti Konferencia) / ред./Szerk. : A. Türk, A.C. Зеленков. – Budapest, 2018. – С. 305–333.
7. Шаблавина Е.А. В загадочной стране Вису: население Пермского Предуралья и меховая торговля в раннем Средневековье // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки (Ibn Fadlan's Journey: Volga Route from Baghdad to Bulghar. Exhibition Catalogue) / ред. А.И. Торгоев, И.Р. Ахмедов. – М., 2016. – С. 348–387.
8. Bollók Á. Ornamentika a 10. századi Kárpát-medencében. Formatörténeti tanulmányok a magyar honfoglalás kori díszítőművészethez. – Budapest, 2015. – 698 с.
9. Csallány D. Jósa András régészeti és múzeumi vonatkozású hírlapi cikkei. Jósa András Múzeum Kiadványai 2. – Budapest, 1958. – 184 с.
10. Dienes I. A honfoglaló magyarok. – Budapest, 1972. – 135 с.
11. Dienes I. Megjegyzések Fettich Nándor válaszához // Archaeologai Értesítő. – 1969. – Вып. 96 – С. 116–122.
12. Éry K. Reconstruction of the tenth century population of Sárbogárd on the basis of archaeological and anthropological data (A sárbogárdi 10. századi közösség rekonstrukciója régészeti és embertani adatok alapján) // Alba Regia. – 1967–68. – Вып. 8–9. – С. 93–147.
13. Fedorova N.V. Volga Bulgaria Silver of the 10th–14th centuries (On Materials of the Trans-Urals Collections) // Ěrān ud Anērān. Studies Presented to Boris II'ič Maršak on the Occasion of His 70th Birthday / Ed. : M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia. – Milano, 2006. – С. 185–198.

-
14. *Fodor I.* Honfoglalás kori korongjaink és párhuzamaik // *Folia Archaeologica*. – 2014. – № 56. – C. 133–185.
 15. *Hampel J.* Újabb tanulmányok a honfoglalási kor emlékeiről. – Budapest, 1907. – 402 c.
 16. *Hanuliak M.* Malé Kosihy I. Pohrebisko z 10–11 storocia. *Materialia Archaeologica Slovaca* 12. – Nitra, 1994. – 238 c.
 17. *Kada E.* Kecskemét vidékéről való leletek // *Archaeologai Értesítő*. – 1912. – № 32. – C. 323–329.
 18. *Komar O.* A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Szerk.: Türk A. – Budai D. – Budapest, 2018. – 424 c.
 19. *Langó P.* Vadat úzni feljövének. („Sie kamen herauf, um Wild zu hetzen”) // *Limes*. – 2006. № 1. – C. 85–106.
 20. *Langó P., Türk A.* Honfoglalás kori női sír Szentes derekegyházi oldal határrészéből (Female Grave from the Conquest Period at Szentes-Derekegyházi oldal). – Szentes, 2003. – 14 c.
 21. *Lezsák G.M., Novichikhin A., Gáll E.* The analysis of the discoid braid ornament from Andreyevskaya Shhel (Anapa, Russia) (10th century) // *Acta Archaeologica Carpathica*. – 2018. – Вып. 53. – C. 143–168.
 22. *Mesterházy K.A.* honfoglaló magyarok művészete és az abbaszida-iraki művészet. – Századok, 1998. – Вып. 132. – C. 129–159.
 23. *Nepper M.* Hajdú-Bihar megye 10–11. századi sírleletei (Grabfunde aus dem 10–11. Jahrhunderts im Komitat Hajdú-Bihar). Magyarország honfoglalás kori és kora Árpád-kori sírleletei 3 / Eds. : L. Kovács, L. Révész – Budapest ; Debrecen, 2002. – 454 c.
 24. *Petkes Zs.* Sárbogárd-Tringer-tanya. – URL: http://arpad.btk.mta.hu/images/aktualis/2018/20180211_Sarbogard/SarbogardTringerTanya.pdf
 25. *Polónyi E., Türk A.* A Kárpát-medence 10. századi lemezes hajfonatkorongjainak klasszifikációja és a hajfonat díszítésének kora középkori kelet-európai kapcsolatrendszer // «Hadak útján». A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXIX konferenciája. Budapest, 2019. november 15–16. Absztraktkötet / Szerk.: B. Sudár, A. Türk. – Budapest, 2019. – C. 20–29.
 26. *Polónyi–Türk* 2025 in print. Adatok a honfoglalás kori hajfonatkorongok tipológiájához és eredetük kérdéséhez kelet-európai kapcsolatrendszerük fényében. – Budapest 2025.
 27. *Révész L.* A karosi honfoglalás kori temetők. Régészeti adatok a Felső Tisza-vidék X. századi történetéhez (Die Gräberfelder von Karos aus der Landnahmezeit. Archäologische Angaben zur Geschichte des oberen Theißgebietes im X. Jahrhundert). Magyarország honfoglalás kori és kora Árpád-kori sírleletei 1 / Eds. : I. Fodor et al. – Miskolc, 1996. – 506 c.
 28. *Révész L.* Emlékezzetek utatok kezdetére... Régészeti kalandozások a magyar honfoglalás és államalapítás korában. – Budapest, 1999. – 244 c.
 29. *Révész L.* Heves megye 10–11. századi temetői (Die Gräberfelder des komitatus Heves im 10–11. Jahrhundert). Magyarország honfoglalás kori és kora Árpád-kori sírleletei 5. Szerk.: Kovács L. – Révész L. – Budapest, 2008. – 491 c.
 30. *Szinyéri P.* Az Ibrány-Esbó-halmi honfoglaláskori, ún. hajfonatkorong restaurálása // Szabolcs-Szatmár-Bereg Szemle. – 1993. – № 4. – C. 391–395.
 31. *Tóth A.* A nyíri Mezőség a 10–11. században. (The 'Mezőség' of the 'Nyírség region' in the 10th–11th century). Magyarország honfoglalás és kora Árpád-kori sírleletei 7. Sorozatszerk.: Kovács L. – Révész L. – Szeged, 2014. – 298 c.
 32. *Türk A.* Az Uráltól a Kárpátokig. Régészeti és korai magyar történelem (From the Urals to the Carpathians. Archaeology and history of early Hungarians). Középkortörténeti Könyvtár 30. – Magyar Östörténeti Kutatócsoporth Kiadványok 8. – Szeged ; Budapest, 2023. – 526 c. – DOI: 10.55722/Arpad.Kiad.2023.8

*Рис. 1. Двойной накосник и реконструкция костюма с этой деталью, найденной в погр. 47 могильника Карош-Эперьешсёг II
(Révész 1996, 83; Révész 1999, 124. kép)*

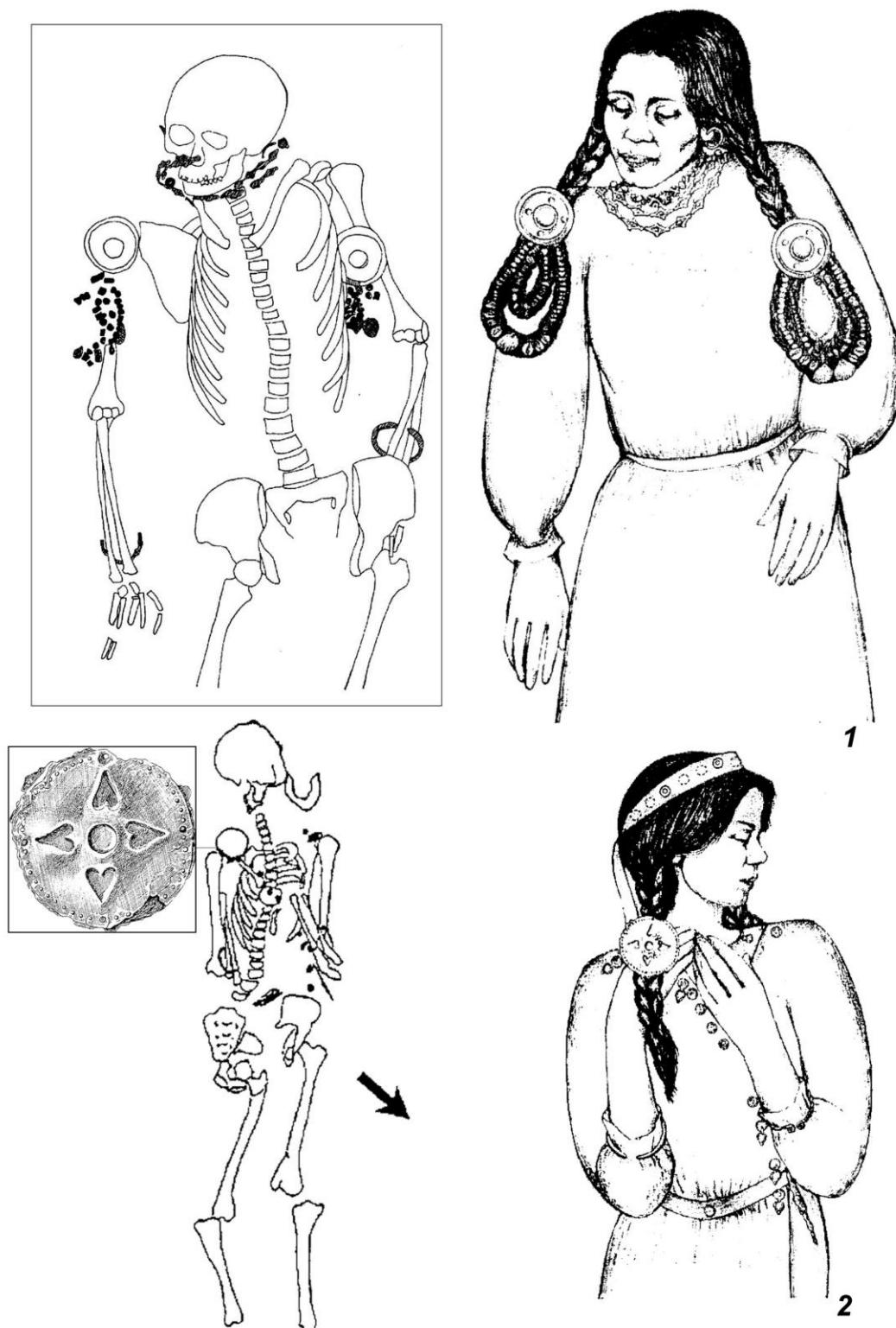
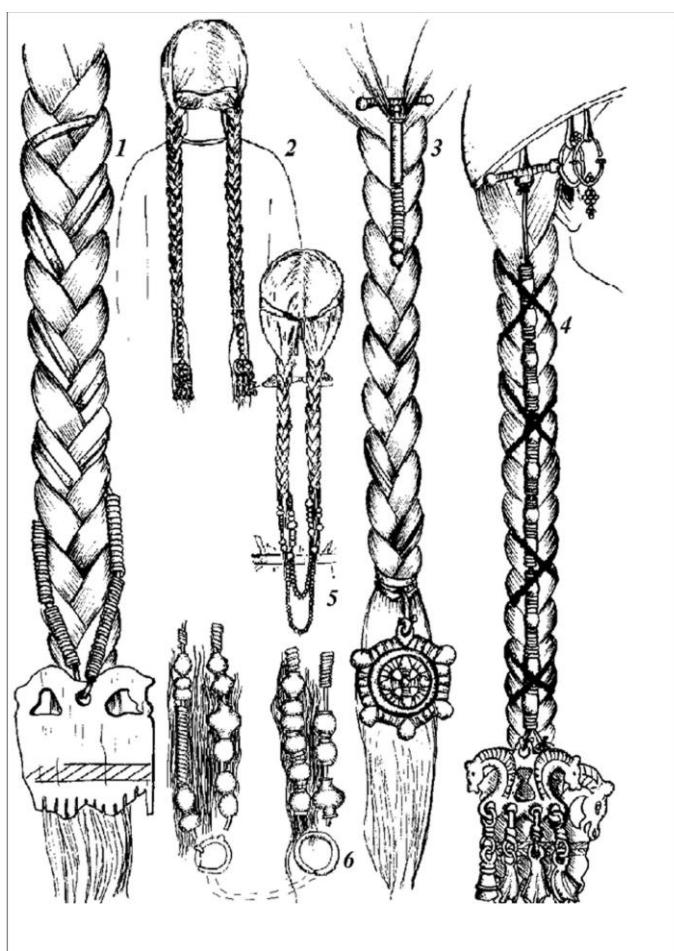

Рис. 2. Реконструкции головных уборов из бисера, выполненные Ibolya M. Nepper на основе ее наблюдений в погр. 102 и погр. 118 в Шаретудвари-Хизоффельде [Nepper, 2002, 185, 236–238. kép]

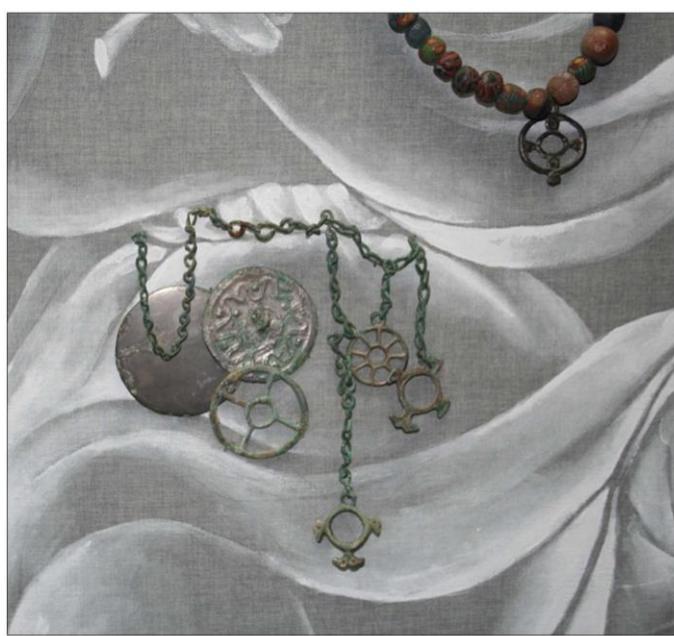

1

2

2a

3

4

Рис. 3. Накосники. Накосники древних венгров и их восточные связи I. 1–4: Ношение накосников в раннесредневековом археологическом наследии Восточной Европы (1–2, 4), а также ношение ажурных бронзовых накосников из салтовской культуры (3) [Крыласова, 2001, рис. 16; Polónyi, Türk, 2019, 3. kép]

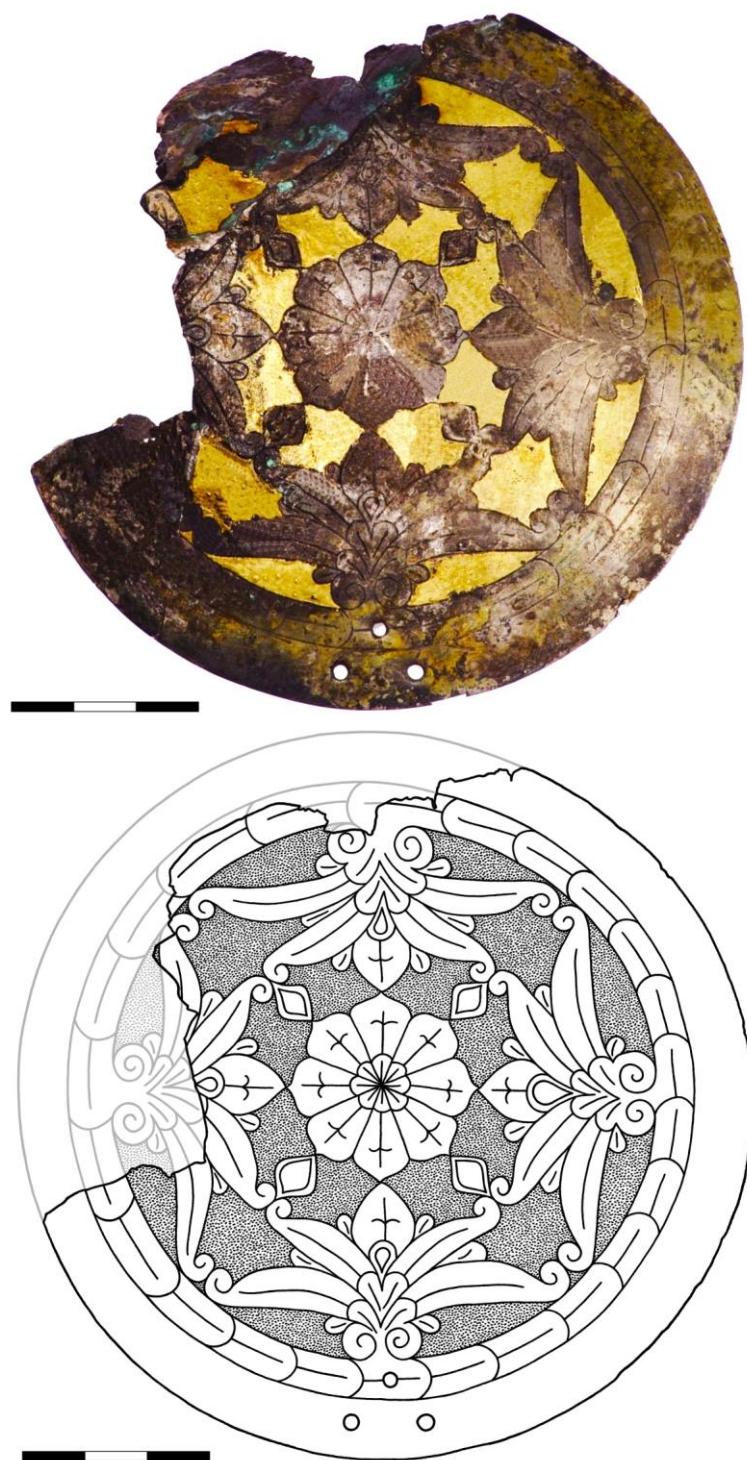

Рис. 4. Диск и его декор из закрытого комплекса с Каранаевского могильника (погребение 32 в кургане 3).

Рис. 5. Накосники с клепанными или перфорированными пластинами вокруг (1) и вдоль центральной оси (2) [Anarcs; Solt-Tételegy; Biharkeresztes-Bethlen Gábor utca 25. погр. 1; Szentes-Derekegyházi oldal погр. 5; Aldebrő-Mocsáros погр. 20; Sárbogárd-Tringer-tanya погр. 24; Balatonújlak-Erdő-dűlő погр. 15; Rakamaz-Túróczi-part]

Рис. 6. 1–2 – образцы волжско-болгарских серебряных чаш с изображением
фигурок животных; 3 – диск-накосник из погр. 47 Карош-Эперъешсёг II

Рис. 7. Украшения для кос. 1–2 – ношение кос с украшениями в раннесредневековом археологическом наследии Волго-Камья и Урала (Polónyi, Türk 2019, рис. 4)

Рис. 8. 1–4 – арочные подвески с пальметтовым декором (5) из погребения 2 кургана 26 Филипповского могильника и арочные подвески с пальметтовым декором из Редикорского клада [Polónyi, Türk, 2025, в печати]

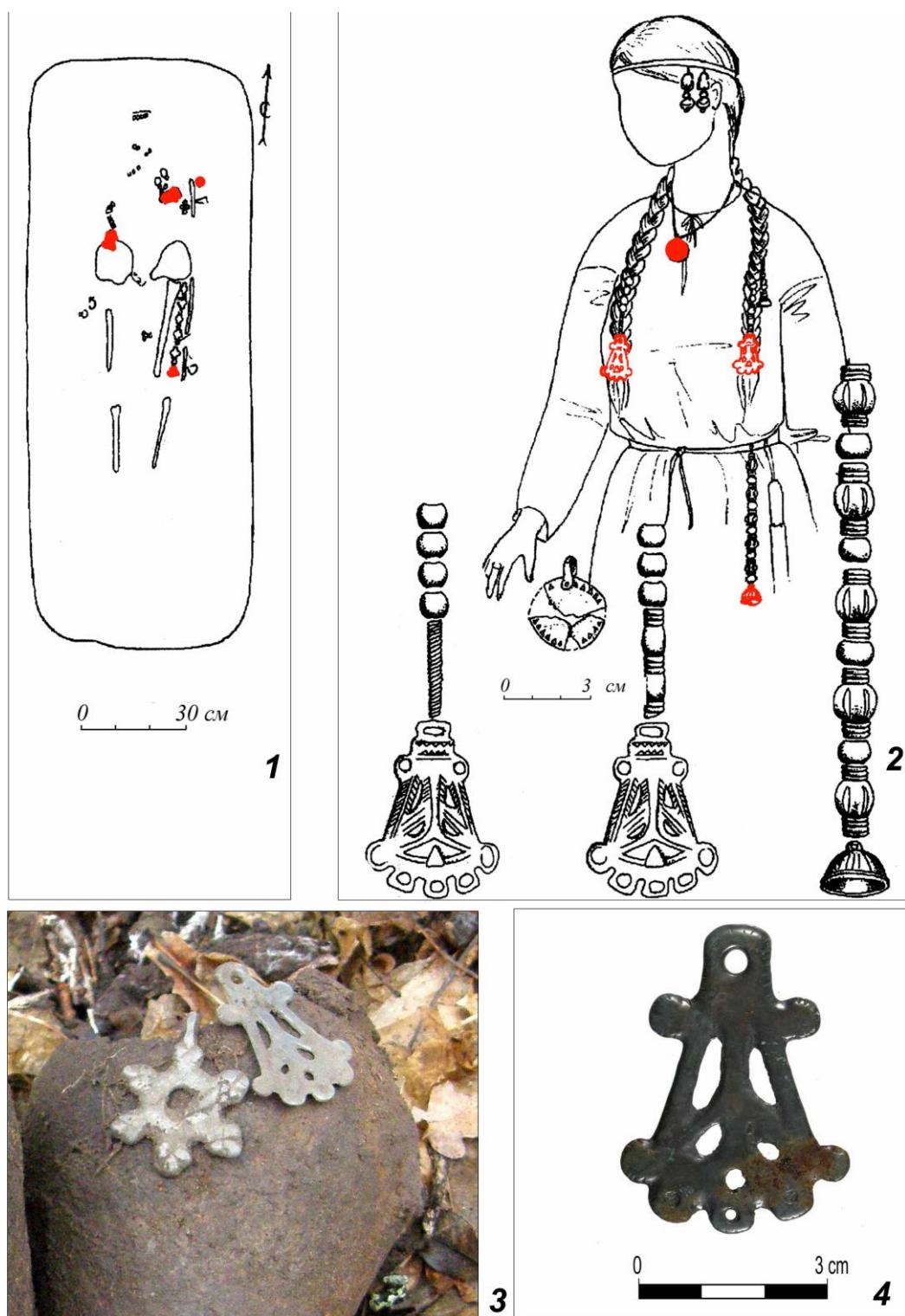

Рис. 9. Накосники эпохи завоевания родины и их восточные связи IX. 1–4 – накосник IX в. неволинского происхождения. Реконструкция со славянского поселения IX в. (северяне) на северной границе субботцевского горизонта (Украина, Сумская область) и реконструкция костюма по материалам погребения 37 могильника Деменковского могильника в Прикамье (Россия) [Крыласова, 2001, рис. 55 и Türk, 2023, 120. kép]

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-27-154-159

О.В. Лопан¹, Р.А. Степанов²
НОВАЯ НАХОДКА ЖЕЛЕЗНОГО УЗДЕЧНОГО
СУЛТАНОДЕРЖАТЕЛЯ С БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, РФ

Аннотация. Статья вводит в научный оборот информацию о еще одной находке железного уздечного султанодержателя, встреченного на Болгарском городище в полевом сезоне 2024 г. К настоящему моменту на Болгарском городище учтено уже четыре сultана – это большие, чем на любом другом средневековом памятнике Восточной Европы, где они представляют значительную редкость. В период после монгольского завоевания в Восточной Европе отдельные железные уздечные султанодержатели «аскизского облика» известны в погребениях кочевников в степях Волго-Донья, в комплексах XIV в. в Азаке и в Крыму, в Болгаре, на Наровчатском городище, а также на территории Древней Руси. Все сultаны из Болгаря имеют длинные изогнутые пластины и скрепленные с ними втулки в форме перевернутых усеченных конусов. По контексту обнаружения или же по аналогиям все ранее выявленные сultаны с Болгарского городища относятся к золотоордынскому времени. Находка 2024 г. происходит с раскопа CCL, где сultан был встречен в слое периода русского села, включавшем здесь переработанные остатки позднезолотоордынских отложений.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Болгарское городище, снаряжение верхового коня, уздечные сultаны

O.V. Lopan¹, R.A. Stepanov²
A NEW FIND OF AN IRON BRIDLE PLUME
HOLDER FROM BULGARY SITE

Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov,
Tatarstan Academy of Sciences. Kazan, Russian Federation

Abstract. The article introduces information about another find of an iron bridle plume holder, found on a Bulgaria site during the field season of 2024. By present time, four plume holders have already been counted on the Bulgaria settlement, which is more than on any other medieval site in Eastern Europe, where they are a significant rarity. In the period after the Mongol conquest in Eastern Europe separate iron bridle plume holders of the "Askiz appearance" are known in the burials of nomads in the steppes of the Volga-Don region, in complexes of the XIV century. in Azak and Crimea, on the Narovchat settlement, as well as on the territory of Ancient Russia. All plume holders from Bolgar have long curved plates and bushings attached to them in the form of inverted truncated cones. According to the context of the discovery or by analogy, all previously identified plume holders from the Bulgaria settlement belong to the Golden Horde period. The 2024 find comes from the CCL excavation, where it was found in a layer of the Russian village period, which included recycled remains of Late Golden Horde deposits.

Keywords: archeology, Golden Horde, Bulgarian settlement, riding horse equipment, bridle plume holder

В 2025 г. отмечает юбилей доктор исторических наук, профессор Владимир Александрович Иванов. Одним из главных направлений научных интересов Владимира Александровича на протяжении многих лет является обширный круг вопросов, связанных с культурой

кочевого населения эпохи Средневековья, а среди них и кочевников Золотой Орды [Иванов, Кригер, 1988; Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014; Гарустович, Иванов, 2014; Иванов, 2015]. В инвентаре «всаднических» курганных захоронений золотоордынского времени на пространстве от Сибири до степной зоны Восточной Европы, наряду с прочими принадлежностями сбруйной гарнитуры, изредка встречаются и уздечные султаны, принадлежащие к кругу изделий так называемого «аскизского облика» [Кызласов, 2010, с. 150–157; Иванов, Кригер, 1988, с. 10, рис. 1/3, 13/26]. Еще несколько султанодержателей происходит с городских памятников Восточной Европы, в том числе и с территории Древнего Болгаря, где публикуемый здесь уздечный султан был выявлен в прошлом году.

Находки в Восточной Европе аскизских изделий и древностей подражавшего им облика оказались в фокусе внимания отечественных археологов уже довольно давно [Кызласов, 2000; Аскизские древности … , 2000]. Изделия аскизского круга XI–XII и XIII–XIV вв. в Поволжье и Приуралье наиболее детально были изучены К.А. Руденко [Руденко, 2001]. Процесс появления и распространения в Европе в период XIII–XIV вв. железных принадлежностей поясной и сбруйной гарнитуры, производных от аскизских изделий, был проанализирован в работе И.Л. Кызласова, где среди прочих материалов рассмотрены находки султанодержателей и комплексы, в составе которых они встречены [Кызласов, 2010].

В Восточной Европе отдельные железные султанодержатели в период после монгольского завоевания известны в погребениях кочевников в степях Волго-Донья, в комплексах XIV в. в Азаке и в Крыму, в Болгаре и на Наровчатском городище, а также на территории Древней Руси [Кызласов, 2010; Мыськов, 2015, с. 61; Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, табл. XIV/16; Парусимов, 1997, рис. 9/12, 15; Крамаровский, Гукин, 2002, с. 14, 32, 48, табл. 6/15; Волков, Лопан, 2020; Средневековый город … , 2024, с. 75, рис. 58/3; Энговатова, Коваль, 2004, т. 2, л. 237/26; Чернов, 2023, с. 192, рис. 154/990; Волков, Лопан, Сивицкий, в печати].

К настоящему моменту на Болгарском городище учтено уже четыре железных уздечных султана – это больше, чем на любом другом средневековом памятнике Восточной Европы, где находки султанов представляют значительную редкость. Султанодержатели из Болгаря имеют длинные изогнутые пластины и надежно скрепленные с ними (вероятно, методом кузнечной сварки) втулки в форме перевернутых усеченных конусов. По контексту обнаружения или же по аналогиям все ранее выявленные султаны с Болгарского городища относятся к золотоордынскому времени [Волков, Лопан, Сивицкий, в печати]. Одно изделие происходит с раскопа CLXXV, где выявлены объекты 1-й пол. XIV в. Другой султанодержатель был найден на раскопе LXXIV, где жилая и хозяйственная застройка относится к поздnezолотоордынскому периоду. Третий султан был встречен в переотложенном состоянии на раскопе CLXXXV. Втулка этого изделия находит аналогию на султане XIV в. из Азова.

В полевом сезоне 2024 г. на раскопе CCL [Ситдиков, в подгот.] площадью 224 м², заложенном в центральной части Болгарского городища, к северо-востоку от Черной палаты, был выявлен еще один султанодержатель. Проведение раскопок на данном участке было обусловлено продолжением исследований по изучению южного участка внешней линии домонгольских оборонительных укреплений в центральной части памятника, у юго-восточного края сельского кладбища. В результате полевых работ стратиграфически были зафиксированы культурные напластования периода русского села (XVIII–XIX вв.), два частично переработанных субгоризонта поздnezолотоордынского времени (датируемые соответственно 1-й и 2-й половинами XIV столетия) и остатки ранnezолотоордынского слоя (конец 30-х гг. XIII в. – начало XIV в.). Выявлены 20 объектов и 2 погребения, относящихся к золотоордынскому этапу средневекового Болгаря, а также домонгольский оборонительный ров конца XII – начала XIII в.

Найденный здесь железный султанодержатель (№ 503 п/о) происходил с южного участка раскопа, где он покоялся в напластованиях XVIII в., которые переработали верхние горизонты поздnezолотоордынского слоя XIV в. Он имел частично сохранившуюся втулку в виде

перевернутого усеченного конуса, приваренную к дуговидно изогнутой пластине с центральной окружной площадкой со сквозным отверстием, в котором и была закреплена втулка (рис. 1). С обратной стороны пластины виден способ крепления к ней втулки: основание конуса втулки было рассечено на три части, которые были отогнуты в виде «лепестков» и приварены к внутренней стороне пластины.

Высота втулки над поверхностью пластины составляет 19 мм. Реконструируемый диаметр втулки по верху – 14 мм, диаметр внизу – 10 мм. Диаметр окружной площадки в центре пластины составляет порядка 14 мм. Пластина в центральной части лопастей имеет ширину около 10 мм, а на раздвоенных концах ее ширина доходит до 15 мм. Толщина пластины составляет 2,5–3 мм, а ее поперечное сечение имеет трапециевидную форму. Отверстия для заклепок располагались попарно, в округлых выступах по углам пластины. Сохранилась одна из железных заклепок, при помощи которых пластина крепилась к наносному ремню. Не исключено, что еще по одному отверстию могло располагаться в центральной части каждой из лопастей пластины, но предмет сильно корродирован и судить достоверно об этом без реставрации не представляется возможным.

Раздвоенные концы пластины султанодержателя оформлены в виде скругленных выступов. Сходное завершение концов известно на пластинах каменского этапа (XIII–XIV вв.) асказской культуры [Кызласов, 1983, табл. IX/60; X/65; XXXVIII/21–23], а также на пластинах с Золотаревского поселенческого комплекса, погибшего в результате военного конфликта, случившегося, по мнению его исследователей, во время монгольского нашествия [Белорыбкин, 2001, рис. 100; Кызласов, 2018, с. 234, рис. 3]. Форма концов пластины нашего султанодержателя находит аналогии на пластине из разрушенного погребения золотоордынского времени у хутора Петровский [Кызласов, 2010, рис. 13/7] и на железных принадлежностях конской сбруи из золотоордынского курганного погребения Вербовый Лог VIII-1/1 [Погребения знати ..., 2006, рис. 4/4, 5]. Аналогии в оформлении концов железных пластин на изделиях из указанных захоронений золотоордынского периода, а также обстоятельства находки нашего султанодержателя позволяют относить его к золотоордынскому времени.

В Восточной Европе к настоящему моменту нам известны находки *султанодержателей золотоордынского времени*, относящихся к трем видам: на цельных длинных, в разной степени изогнутых, пластинах; на коротких прямых пластинах; на длинных составных, шарнирно скрепленных, пластинах [Волков, Лопан, 2020]. Подавляющее большинство этих султанодержателей изготовлено из железа, но известны единичные находки султанов из серебра (курганный могильник Ковалёвка VI-6) и из бронзы (Азак) [Горелик, Ковпаненко, 2001, с. 159, рис. 3/8; Малюк, 2017, рис. 1/1; Кравченко, 2022, с. 102, 104, рис. 14/3]. В двух погребальных комплексах уздечные султаны были встречены *in situ* – на носовой части конских черепов [Мыськов, 2015, с. 61]. Еще одна находка султана (с медной втулкой, закрепленной на железной пластине), располагавшегося на черепе коня, известна в курганном захоронении золотоордынского времени на Южном Урале [Иванов, Кригер, 1988, с. 10, рис. 1/3, 13/26; Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014, с. 168, рис. 21/14].

На европейских территориях Золотой Орды подобные украшения узды выявлены всего в семи разных по степени богатства и по разнообразию погребального инвентаря мужских и женских «всаднических» захоронениях с принадлежностями сбруи, а также с костями лошадей или же без них – от погребений кочевой знати до захоронений, содержащих рядовой набор погребального инвентаря: погребения Ковалёвка VI-6 (где встречен султан, изготовленный из серебра), Вербовый Лог VIII-1/1 (где встречен наносник, не имевший сквозного отверстия на пластине, в котором у султанодержателей обычно и закреплялась втулка), Визенмиллер III, 5/1, комплекс вещей из разрушенного погребения у хутора Петровский, погребения Овцевод, Бахтияровка 137/1, Калиновский 45/2 [Горелик, Ковпаненко, 2001, с. 159, рис. 3/8; Кызласов, 2010, с. 150, рис. 12–14; Погребения знати ..., 2006, с. 11–33, с. 118; Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 133–134, табл. XIV; Парусимов, 1997, с. 9–10, рис. 9; Мыськов, 2015, с. 57, 58, 75, 76, 80, 85, 192, 200, 224, 273–274, 280; Шилов, 1959, с. 394–395, рис. 66].

Состав этих комплексов демонстрирует, что в 2/3 случаев султаны представлены в погребениях с более дорогим и разнообразным инвентарем – в захоронениях, содержащих изделия из серебра, ременную гарнитуру с позолотой или с посеребрением, украшения из полудрагоценных камней, одежду из дорогих импортных тканей. По большей части султаны встречаются в комплексе с другими принадлежностями наряженной гарнитуры – изредка с аскизскими изделиями или же, чаще, с изделиями «аскизского облика». При этом уздечные султаны представлены не только в комплексах с остатками колчанов и с наконечниками стрел, но и в комплексах, содержащих, по определению В.А. Иванова, «социально значимые предметы вооружения» (доспех, шлем, сабля) [Иванов, 2015, с. 87]. Также и тот факт, что уздечные султаны известны как в мужских, так и в женских захоронениях [Кызласов, 2010, с. 157; Мыськов, 2015, с. 61], в том числе и без предметов вооружения, показывает, что в среде восточноевропейских кочевников золотоордынского времени они не являлись специфичным атрибутом воинского статуса или ранга. В захоронении XIII–XIV вв. курганного могильника у поселка Урал, расположенного южнее Магнитогорска, уздечный султанчик был также встречен в сопровождении пары стремян и типично женского комплекта предметов – зеркала и ножниц [Иванов, Кригер, 1988, с. 10, рис. 13/23–28].

И.Л. Кызласов полагает, что распространение в золотоордынский период железных принадлежностей портупейной и сбруйной гарнитуры, подражающих аскизским изделиям (в том числе и султанов), следует связывать с кыпчакскими племенами [Кызласов, 2010, с. 157–158]. В степной зоне Волго-Донья железные султанодержатели встречаются в курганных захоронениях, обряд которых Е.П. Мыськов связывает с двумя этнокультурными группами «туркоязычных кочевников» [Мыськов, 2015, с. 61, 273–274, 280]. В немногочисленных погребениях кочевников Болгарской области Золотой Орды султанодержатели пока не выявлены [Руденко, 2018, с. 172, 173], но именно в Болгаре к настоящему времени их найдено больше, чем на любом другом золотоордынском памятнике.

Библиографический список

1. Аскизские древности в средневековой истории Евразии : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / Гос. объединен. музей Республики Татарстан, Музейно-выставочный центр г. Заречный. – Казань, 2000. – 156 с.
2. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение / отв. ред. А.Н. Кирпичников. – СПб. ; Пенза : Изд-во ПГПУ, 2001. – 198 с.
3. Волков И.В., Лопан О.В. О некоторых находках предметов вооружения и конского снаряжения из Азова: к вопросу о султанных украшениях узды золотоордынского времени // Древности Кубани. Вып. 24. / отв. ред. В.В. Верещагин. – Ростов н/Д ; Таганрог : Изд-во Юж. федерал. ун-та, 2020. – С. 165–193.
4. Волков И.В., Лопан О.В., Сивицкий М.В. Найдки железных уздечных султанодержателей с Болгарского городища // Археология евразийских степей. (В печати).
5. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв. н. э.). – Уфа : Изд-во БГПУ, 2014. – 328 с.
6. Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века) / отв. ред. д. и. н. В.А. Иванов. – Уфа : Гилем, 1998. – 336 с.
7. Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т. Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья / отв. ред. к. и. н. Г.Н. Белорыбкин. – Пенза : ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2001. – С. 154–164.
8. Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2015. – 243 с.
9. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.) / отв. ред. д. и. н. С.А. Плетнева. – М. : Наука, 1988. – 92 с.
10. Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии / под общ. ред. д. и. н., проф. В.А. Иванова. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2014. – 396 с.

11. Кравченко С.А. Археологические исследования в г. Азове и Азовском районе в 2016 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2017 г. Вып. 31 / отв. ред. Е.Е. Мамичев. – Азов : Изд-во Азов.о музея-заповедника, 2022. – С. 85–111.
12. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Золотоордынское поселение Кринички II: Раскопки в Старом Крыму в 1998–2000 // Материалы Старокрымской археологической экспедиции. Вып. 1. – СПб. : ГЭ, 2002. – 184 с.
13. Кызласов И.Л. Аскизская культура // САИ. – 1983. – Вып. Е3-18.
14. Кызласов И.Л. Новое в жизни Восточной Европы в XI–XII вв. (влияние Великого Сибирского пути, открытое археологией) // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева / отв. ред. д. и. н. А.В. Чернецов. – М. : ИА РАН, 2018. – С. 228–250.
15. Кызласов И.Л. Особенности появления аскизских изделий в Европе в XIII–XIV вв. // Русь и Восток в IX–XVI веках: Новые археологические исследования / отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. – М. : Наука, 2010. – С. 139–162.
16. Кызласов И.Л. Успехи в изучении древнекакасских изделий, найденных на Руси и в Поволжье // Аскизские древности в средневековой истории Евразии : сб. материалов Все-рос. науч.-практ. конф. / Гос. объединен. музей Республики Татарстан, Музейно-выставочный центр г. Заречный. – Казань, 2000. – С. 3–7.
17. Малюк Н.И. Серебряные украшения конской узды из средневекового кургана у с. Ковалёвка // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Вып. III / отв. ред. д-р ист. наук И.В. Бруяко. – Одесса : Ирбис, 2017. – С. 172–178.
18. Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. – 484 с.
19. Парусимов И.Н. Археологические раскопки в Ремонтненском районе // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 1. – Новочеркаск, 1997. – 75 с.
20. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала / М.В. Власкин, А.И. Гармашов, З.В. Доде, С.А. Науменко // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI / гл. ред. А.Б. Белинский. – М. : Памятники исторической мысли, 2006. – 232 с.
21. Руденко К.А. Материальная культура кочевников Булгарской области Золотой Орды // Археология евразийских степей. – 2018. – № 4. – С. 172–175.
22. Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв.: Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье / науч. ред. д. и. н. Р.Г. Фахрутдинов, к. и. н. П.Н. Старостин. – Казань : Заман, 2001. – 256 с.
23. Ситдиков А.Г. Отчет об археологических раскопках на «Городище «Болгар» – столица Болгарского государства» в Спасском районе Республики Татарстан в 2024 г. (раскоп ССЛ). (В подгот.).
24. Средневековый город Мохши / Г.Н. Белорыбкин, Д.С. Иконников, О.В. Мельниченко и др. // Материалы и исследования по археологии. № 4. – 2-е изд. доп. – Пенза : Изд-во ИРРПО, 2024. – 264 с.
25. Чернов С.З. Могутовский сграфистический комплекс XII века и предыстория Москвы / отв. ред. чл.-кор. РАН П.Г. Гайдуков. – М. ; Вологда : Древности Севера, 2023. – 383 с. : ил.
26. Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. I / отв. ред. Е.И. Крупнов. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – С. 323–523. – (МИА; № 60).
27. Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Отчет об охранных археологических раскопках на Мякининском комплексе памятников в Красногорском районе Московской области в 2004 году. Т. 2. (Раскопки селища Мякинино-1. Иллюстрации) // Архив ИА РАН. Р-1, № 26186.

Рис. 1. Железный султанодержатель с раскопа ССЛ на Болгарском городище

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
БНЦ – Башкирский научный центр
БФАН СССР – Башкирский филиал Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ГИМ – Государственный исторический музей
ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы
ГУП РБ БИ «Китап» – Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан Башкирское издательство «Китап»
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДонГУ – Донецкий государственный университет
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИГАИМК – Известия Академии истории материальной культуры им. Н.Я. Марра
ИИ им. Ш. Марджани АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИЯЛ БФ АН СССР – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук Союза советских социалистических республик
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
КГУ – Курганский государственный университет
КГУ им. Н.А. Некрасова – Костромской государственный университет
КНЦ – Коми научный центр
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
М. ; Л. – Москва ; Ленинград
МАР – Материалы по археологии России
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ОГАУ – Оренбургский государственный аграрный университет
ПГГПУ (ранее ПГПУ) – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГПУ им. В.Г. Белинского – Пензенский государственный педагогический университет
ПГУ (ПГНИУ) – Пермский государственный университет (Пермский государственный национальный исследовательский университет)
РА – Российская археология
РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы
САИ – Свод археологических источников
СПб. – Санкт-Петербург

СВНЦ ДВО РАН – Северо-восточный научный центр Дальневосточного отделения Российской академии наук

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

УдГУ – Удмуртский государственный университет

УДИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский Институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук

УдМФИЦ УрО РАН – Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук

УЗ МолГУ – Ученые записки Молотовского государственного университета

УНЦ РАН – Уфимский научный центр Российской академии наук

УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания

УрГУ – Уральский государственный университет

УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

ЧГУ – Челябинский государственный университет

ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

От редактории.....	3
Крыласова Н.Б. В.А. ИВАНОВ. ДРУЖБА И СОТРУДНИЧЕСТВО СКВОЗЬ ГОДЫ	4
Проценко А.С., Куфтерин В.В., Гостев Е.Ф., Бабин И.М., Бубнель Е.В. ДВА ИМЕНИ, ОДНА НАУКА: К ЮБИЛЕЯМ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ИВАНОВА И ГЮЛЬНАРЫ ТАЛГАТОВНЫ ОБЫДЕННОВОЙ.....	10
Моряхина К.В. ДИСКУССИЯ ОБ УГРАХ В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	22
Ким И.К. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ АЛЕКСЕЯ ВИКТОРОВИЧА ШМИДТА	32
Губайдуллин А.М. ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ	37
Матвеева Н.П., Мосина А.Е. О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДРЕВО-ЗЕМЛЯНЫХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ	40
Любчанский И.Э. БРОНЗОВЫЕ ЛИТЫЕ КОТЛЫ: КАРТОГРАФИЯ ВОЗМОЖНЫХ МИГРАЦИЙ КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ (I ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ Н. Э.)	47
Васильев Д.В. ВНОВЬ ОБ ОГУЗАХ И ПЕЧЕНЕГАХ В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ	58
Казаков Е.П. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КАРАЯКУПОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (К 75-ЛЕТИЮ В.А. ИВАНОВА)	67
Крыласова Н.Б. ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФИНАЛЬНОЙ СТАДИИ ЛОМОВАТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА)	72
Данич А.В. ПРОНИЗКИ ПИТЕР (СТЕПАНОВО ПЛОТБИЩЕ) МОГИЛЬНИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X–XI вв.	90
Воронцов М.В., Данич А.В. НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ ПИТЕР (СТЕПАНОВО ПЛОТБИЩЕ) МОГИЛЬНИКА	107
Подосёнова Ю.А., Данич А.В. ЖЕНСКИЕ ШЕЙНО-НАГРУДНЫЕ ПОДВЕСКИ БАЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА ЛОМОВАТОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	117
Никитина Т.Б., Семыкин Ю.А., Акилбаев А.В. ЗАХОРОНЕНИЕ С МЕЧОМ НА МОГИЛЬНИКЕ НИЖНЯЯ СТРЕЛКА.....	125
Тюрк А., Полоньи Э., Ким И., Овари П. ДИСКИ-НАКОСНИКИ (X в.) У ДРЕВНИХ ВЕНГРОВ В КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ И ИХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ АНАЛОГИИ В ПРИУРАЛЬЕ	140
Лопан О.В., Степанов Р.А. НОВАЯ НАХОДКА ЖЕЛЕЗНОГО УЗДЕЧНОГО СУЛТАНОДЕРЖАТЕЛЯ С БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА.....	154
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	160

ТРУДЫ КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

Выпуск XXVII

Электронный сборник научных трудов, посвященный
75-летнему юбилею профессора В.А. Иванова

Под общей редакцией
Крыласовой Натальи Борисовны

Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений, цитирования и использованных иллюстративных материалов.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
Стиль и пунктуация авторов статей в основном сохранены

Корректор – *O.B. Вязова*

Дата размещения на сайте: 10.12.2025

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, 44, каб. 310
Тел. (342) 215-18-52 (доп. 394)
e-mail: rio.pspu@yandex.ru